КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ LXXII

СОДЕРЖАНИЕ

Разгром Врангеля. — Десять лет со дня смерти М. В. Фрунзе. — Буланжизм и царская дипломатия. — Стачка ткачей Иваново-Вознесенской мануфактуры в 1895 г. — Из дневника Льва Тихомирова. — К истории освоения Северного морского пути. — Церковь и реформа 1861 г. — Деникинцы о состоянии своего тыла.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ◆ СОЦЭКГИЗ ◆ МОСКВА
1935

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Разгром Врангеля. С предисловием *О. Шекун* 3

Десять лет со дня смерти М. В. Фрунзе. С предисловием *Ф. Самойлова* . . 44

Буланжизм и царская дипломатия. С предисловием *Ц. Фридлянда* 51

Стачка ткачей Иваново-Вознесенской мануфактуры в 1895 г. Сообщил *В. Соколов* 110

Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины). С предисловием *Вл. Максакова* 120

К истории освоения Северного морского пути. С предисловием *П. Горина* . 160

Из записной книжки архивиста

Церковь и реформа 1861 г. Сообщила *З. Гурская* 182

Деникинцы о состоянии своего тыла. Сообщил *Б. Кандидов* 190

А. А. Сергеев 200

По недосмотру издательской корректуры, типографии и редакции вкрались следующие опечатки:

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
25	11 сверху	массой и в общем направлении	массой в общем направлении
31	14 «	Эти гости	Эти части
100	15 снизу	отозвать в министерстве	отозвать и заменить дру-
151	13 сверху	sais rien.	Je n'en sais rien.
161	1 «	офицерских гангах	офицерских рангах
193	стол. 1 примечание	«Правильно» из примечания 1-го относится к примечанию 2-му.	

«Красный архив» т, V,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ)

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

Сдано в произв. 17/IX-15/X 1935 г. Подписано к печати 7/XII 1935 г.
Статфор. Б 176×250 12 п. л. и 1 вклейка 60480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 57 Зак. 2466
Уполн. Главлита Б—16638 Выпускающий А. Налимов. Тираж 2470

Тип. изд-ва «Крестьянская газета», Москва, Сущевская, ул., 21.

М. В. Фрунзе

Разгром Врангеля

В ноябре месяце этого года исполнилось 15 лет с тех пор, как под мощными ударами Красной армии пали неприступные укрепления Перекопа. Была окончательно раздавлена южно-русская контрреволюция, сброшена в Черное море белая армия генерала Врангеля, последнего оплота контрреволюции и интервенции. Гражданская война закончилась. Рабочие и крестьяне Советской страны под руководством коммунистической партии отбили все атаки международного империализма и внутренней контрреволюции, отстояли завоевания великой пролетарской революции и, получив возможность перейти к развертыванию работы на фронте социалистического строительства, в течение последовавших 15 лет добились в этом деле величайших успехов.

Публикуемые документы относятся к периоду с 21 сентября 1920 г., т. е. со дня образования южного фронта, до 16 ноября, когда были разгромлены последние части белой армии. Эти документы показывают, как коммунистическая партия во главе с Лениным и Сталиным организовала победу над Врангелем; как в труднейших условиях осуществлялось командованием южфронта, во главе с испытанным большевиком-ленинцем М. В. Фрунзе, руководство сложнейшей операцией. Эти документы рисуют тот величайший героизм красных бойцов, который вызвала работа партии и передовиков рабочих, пополнивших части Красной армии перед решающими боями с Врангелем.

После разгрома Деникина остатки белой армии укрылись в Крыму. Антанта в это время готовит свой третий поход против Советской России и ставит своей задачей реорганизовать и укрепить Добровольческую армию, чтобы бросить ее в помощь Польше на Советскую республику. Под прикрытием флота Англии и Франции, при помощи с их стороны деньгами и вооружением добровольческие части удерживают Крым. На смену окончательно скомпрометированному своей политикой и военным разгромом Деникину командование Добровольческой армии и Англия выдвигают генерала Врангеля, который объявляется главнокомандующим «вооруженными силами Юга России». Английское правительство принимает все меры для укрепления южно-русской контрреволюции. Лорд Керзон требует от советского правительства прекращения военных действий против Врангеля, 20 апреля английский флот в поддержку этого требования обстреливает советские войска на побережье Черного моря. 25 апреля началось наступление Польши на Украину.

«Только наивные политики могут верить, что переписка Керзона с тов. Чичериным могла иметь какой-нибудь иной смысл, кроме того, чтобы фразой о мире прикрыть подготовительные работы Врангеля и Антанты к наступлению. Врангель не был еще готов, и поэтому (только поэтому) «человеколюбивый» Керзон просил Советскую Россию пощадить врангелевские части и сохранить им жизнь», — говорил товарищ Сталин в июне 1920 г. (Из беседы, опубликованной газетой «Коммунист» 24 июня 1920 г.)

В апреле Врангель получил от представителя французской военной миссии

предложение материальной поддержки в борьбе против Советской России, а в августе Франция официально признала правительство Врангеля.

При помощи Англии и Франции Врангель организует деморализованные остатки добровольческой армии, донцов и кубанцев. Они превращаются в значительную, прекрасно вооруженную силу, состоящую в основной своей части из кадрового офицерства.

В самый тяжелый момент советско-польской войны Врангель выступает на помощь Польше. Когда Красная армия начинает наступление на юго-западном фронте, Врангель готовит удар в тыл. 6 июня он высаживает десант у Кирилловки, а 7 переходит в наступление, вырывается из-за перешейков и отбрасывает части 13 армии на север. Контрнаступление Красной армии окончилось неудачно. Был разгромлен конный корпус Жлобы. Врангелевские войска занимают Северную Таврию и создают прямую угрозу Донбассу. Хлебородные места попадают в руки белой армии. Врангель и Антанта учли провал внутренней политики Колчака и Деникина. Врангель пытается создать себе базу из кулачества, его земельный закон направлен к этой цели. При помощи его Врангель надеется получить хлеб в Северной Таврии и произвести мобилизацию нужных для белой армии пополнений. Врангель пытается завязать связь с Махно, переманивает к себе бандитских батек, вроде атамана Володина. Врангель пытается получить базу в казачьих областях и бросает 22 июня десант полковника Назарова на Дон, а 13 июля — десант генерала Улагая на Кубань. Врангель грозит сорвать все наши успехи в войне против Польши. Партия сосредоточивает внимание на врангелевском фронте. Ленин еще в марте 1920 г. указывал, что с Крымом допущена ошибка, так как во-время не было брошено достаточных сил, требовал от Реввоенсовета республики немедленных действий. Товарищ Сталин неоднократно подчеркивал необходимость решительно покончить с Врангелем.

В беседе, опубликованной «Правдой» 11 июля 1920 г., он говорил: «Но об одном все же нужно помнить: пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!», «Смерть Врангелю!».

В начале июля было опубликовано письмо ЦК партии, призывающее сосредоточить внимание на крымском фронте, направлять добровольцев и мобилизованных коммунистов на фронт.

Троцкий, вопреки линии партии, считал, что врангелевский фронт не имеет большого значения, а является лишь партизанским отрядом в тылу, и всячески тормозил дело укрепления противоврангелевского фронта. Нужно было непосредственное вмешательство Ленина и ЦК, чтобы поставить дело разгрома Врангеля на прочную почву.

3 августа ЦК Коммунистической партии выносит решение: «Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани, необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его как самостоятельный фронт. Поручить товарищу Сталину, сформировать Реввоенсовет, целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте, в качестве командующего фронтом — Егоров или Фрунзе, по соглашению главкома со Сталиным» [1]). Товарищ Сталин организует противоврангелевский фронт, только болезнь оторвала его от этой работы в дальнейшем. Сталиным были собраны и

[1]) К. Е. Ворошилов, «Ленин, Сталин и Красная армия», стр. 57.

воспитаны основные кадры коммунистов и политработников для противоврангелевского фронта. Под его непосредственным руководством были созданы Реввоенсоветом юго-западного фронта предпосылки для разгрома Врангеля. Отряды добровольцев, коммунистов, комсомольцев, рабочих двинулись на фронт. Сюда направлялся ряд новых частей, которые раньше предполагалось послать на польский фронт, как, например, 51 дивизия, сформированная, главным образом, из пролетариев Урала и закаленная в боях с Колчаком.

В августе командование юго-западным фронтом готовит наступление против Врангеля. Правобережная группа 13 армии, в составе 15, латышской и 52 дивизий в ночь на 7 августа форсировала Днепр. На помощь подошла 51 дивизия. Наступление на Перекоп 13 армии, так же как наступление 2 конной армии, было отбито. Но в результате августовских боев в руках Красной армии остался Каховский плацдарм. Это имело громадное стратегическое значение. Каховка в руках Красной армии создала угрозу тылу Врангеля. На Кубани шла борьба с десантом Врангеля, который потерпел полное поражение. Причиной поражения Врангеля здесь была враждебность основной массы казачьего населения к белой армии. Беднота во главе с коммунистами уходила в плавни, связывалась с частями Красной армии, помогала им. Трудовое казачество враждебно встретило белую армию. Это облегчило быструю победу 9 Красной армии над Улагаем, остатки десанта спешно погрузились на суда.

Начавшиеся переговоры о мире с Польшей вызвали особую тревогу у Врангеля. Он принимает все меры, чтобы подтолкнуть Польшу к затяжке борьбы. Он хлопочет перед французским правительством, чтобы оно воздействовало на Польшу, начинает формирование 3 армии на польской территории; предлагает объединить командование русской и польской армий в руках французского генерала.

Но Польша боялась продолжения войны и пошла на мир. Понимая, что заключение мира с Польшей даст возможность Советской стране бросить все силы против белой армии, Врангель готовит к середине сентября новую операцию, чтобы сорвать начавшиеся переговоры о мире. Он ставит задачу выйти на правый берег Днепра, чтобы пробиться на соединение с поляками и новыми формированиями для белой армии.

Чтобы обеспечить социалистическое строительство, нужно было покончить с последышем буржуазно-помещичьей контрреволюции и интервенции — Врангелем, последней занозой в теле республики.

21 сентября постановлением РВСР был создан самостоятельный южный фронт. Во главе южфронта был поставлен испытанный полководец, большевик-ленинец М. В. Фрунзе, а членом Реввоенсовета назначен С. И. Гусев. Фрунзе спешит с туркестанского фронта в Москву. Здесь он получает указания лично от Ленина и срочно выезжает в Харьков. В состав южфронта вошли 13, 6 и 2 конная армии. На помощь им с польского фронта шла овеянная славой первая конная под руководством тт. Ворошилова и Буденного. 24 сентября главкомом была отдана директива о направлении 1 конной на врангелевский фронт. Ленин торопит Реввоенсовет 1 конной ускорить передвижение. Красной коннице нужно было совершить семисоткилометровый переход. Полосой около 80 километров растянулись дивизии 1 конной. На своем пути Красная конница очищала Украину от бандитских шаек. Классовый враг пытается внести разложение в ряды 1 конной, но под руководством своих вождей, товарищей Ворошилова и Буденного, конники с корнем вырывают все эти попытки. По дороге к 1 конной присоединяются отряды добровольцев-рабочих и крестьян.

Во время движения на врангелевский фронт в части 1 конной приезжает М. И. Калинин.

Партия мобилизует все силы на помощь южфронту. Происходит пополнение армий южного фронта коммунистами, советскими работниками и добровольцами из рабочих и крестьян. Почти все города Советской России отправляют на фронт свои отряды. На Украине широко проводится кампания помощи фронту. Московский Комитет партии призывает к укреплению Красной конницы. Формирование кавалерийских частей производится, главным образом, за счет коммунистов и добровольцев.

Реввоенсовет южфронта тесно связывается с ЦК Коммунистической партии Украины, подготовляет мобилизацию незаможных селян (см. телеграмма Фрунзе Ленину, стр. 15—16).

В тяжелой обстановке приступает южфронт к работе. Врангель готовит свое решающее наступление. В начале октября белая армия занимает Синельниково, Юзовку, Волноваху. 7 октября Врангель бросает свои части на правый берег Днепра и угрожает тылу 6 армии, занимавшей Каховку; к удару на Каховский плацдарм Врангель проводит большую подготовку. Он бросает в бой самолеты, 12 танков, 13 бронемашин. Но удар, нанесенный 2 конной армией в тыл и фланг конного корпуса генерала Бабиева, и мощный отпор со стороны частей 6 армии определили ход операции и закончились поражением Врангеля. Жестоко разбиты были отборные части Врангеля: марковцы и корниловцы.

Инициатива с этого момента окончательно переходит в руки командования южного фронта. Фрунзе считал неудачу Врангеля под Никополем началом стратегического крушения его. Огромное значение для разгрома Врангеля имела та работа, которую партия и Реввоенсовет южного фронта провели по укреплению частей Красной армии лучшими силами партии и комсомола и по укреплению тыла. Уроки гражданской войны и учение великих стратегов Ленина, Сталина о значении тыла для победы были полностью учтены Реввоенсоветом южного фронта. Проводится громадная политическая работа среди населения, укрепляются советы и ревкомы во вновь занимаемых местах. Коммунистическая партия большевиков Украины исправила ошибки в национальном и крестьянском вопросах, которые имели место на Украине в 1919 г. и которые были подвергнуты беспощадной критике на VIII конференции РКП(б). Это имело особое значение для укрепления тыла Красной армии.

В июле месяце организуются комитеты незаможных селян. Это помогает организации бедноты, укреплению союза рабочего класса с крестьянством, подрывает влияние кулака в украинской деревне. Иное положение было в тылу Врангеля. Крестьянство занятых Врангелем областей помнило политику советской власти, передачу земли крестьянству. Оно испытало на своей спине все прелести хозяйничанья белых. Беспрерывные мобилизации, подводная повинность, грабежи и насилия, принудительный выкуп земли и отбирание $^1/_5$ урожая — все это повело к тому, что Врангелю пришлось посылать карательные отряды как против крестьян Северной Таврии, так и против татар в Крыму. В ряде мест вспыхивают крестьянские восстания. Так, например, деревня Капсихоры, Судакского района, в течение всего лета 1920 года не давала возможности врангелевцам проводить мобилизацию, делать обыски и аресты. Молодежь уходила в горы к партизанам [1]).

Махно, видя, что от него отходят последние обманутые им слои крестьянства, и что Красная армия начинает занимать районы, составлявшие его базу, предлагает командюжу свой союз и поворачивает свои отряды против Врангеля.

Рабочий класс был особенно грозен для белого командования. В Крыму, несмотря на предательскую работу меньшевиков, обещавших Слащову удерживать

[1]) ЦАУ Крым. АССР, д. № 69, л. 6.

рабочих от выступлений, перед приходом Врангеля происходила всеобщая забастовка, готовилось вооруженное восстание. И в дни военных удач Врангеля, в тягчайших условиях белого террора, среди рабочих Крыма вспыхивают забастовки. На Севастопольском морзаводе, имевшем большое военное значение, в июне месяце вспыхивает вторая забастовка. Рабочие заявляют, что они предпочитают умирать у себя дома, а не за станком.

10 июня морское ведомство вынуждено завод закрыть [1]).

Происходят забастовки на табачных фабриках. Это положение в тылу Врангеля сказывается и на белой армии. В некоторых частях работают боевые коммунистические группы, ведется большевистская агитация среди донцов и кубанцев; солдаты бывшего русского экспедиционного корпуса во Франции оказались ненадежными. Во флоте тоже ведется работа. Например, во время десанта Улагая на канонерской лодке «Грозный», стоявшей у Акчуевских рыбных промыслов, был составлен план арестовать офицеров, а судно передать советской власти [2]).

Областной подпольный комитет партии большевиков в Крыму собирает силы рабочих и крестьян против Врангеля. В горах Крыма организуется партизанская армия, возглавляемая областкомом РКП(б). Ядром ее явились коммунисты, «харьковцы», вывезенные белыми из харьковской тюрьмы, и группа солдат бывшего экспедиционного русского корпуса во Франции — «французы». К ним присоединяются рабочие и крестьяне-татары из горных деревень. Партизанская армия ставила своей задачей дезорганизацию тыла Врангеля и оттягивание сил с фронта. Взрыв Бешуйских копей, запрещение вывоза дров с гор, защита горных татарских деревень от нападений белогвардейцев — все это заставило Врангеля снять с фронта и направить против партизан целую армию.

После поражения Врангеля у Никополя штаб южного фронта готовит общее наступление против Врангеля. В начале октября начинают прибывать эшелоны с бойцами 30 Иркутской дивизии. 22 октября организуется 4 армия. Подходит 1 конная армия и в ночь с 26 на 27 октября переправляется через Днепр у Каховки.

26 октября М. В. Фрунзе отдает приказ об общем наступлении, в котором ставит задачу охватить войска Врангеля, разбить их, не дав им отступить на Крымский полуостров, и захватить перешейки, отрезав белой армии пути отступления.

С 28 октября по 1 ноября на равнинах Северной Таврии разыгрался решающий бой.

1 конная была двинута в тыл Врангелю на Сальково и Геническ. Под напором Красной армии врангелевские войска стали отходить к перешейкам и на пути были встречены 1 конной армией. Охватываемые со всех сторон, отрезанные с тыла, врангелевские войска бросились к перешейкам. Части 13 и 2 конной армий не успели разгромить живой силы противника, и 1 конная должна была принять на себя всю отступающую врангелевскую армию. В боях под Агайманом, Отрадой, Ново-Алексеевкой 1 конная с 30 октября по 1 ноября громила белую армию. В течение всего пяти дней Врангель теряет все, что им было завоевано в Северной Таврии. Он потерял много пленных, все боезапасы и продовольственные запасы. Но план полного уничтожения живой силы противника не удался, и врангелевской армии удалось укрыться за Сивашем и укреплениями Турецкого вала и Чонгара. Партия ставит задачу—до наступления зимы покончить с Врангелем. С 1 по 7 ноября происходит напряженная под-

---

[1]) Фонд севастопольского порта — ЦАУ Крым. АССР, арх. № 326, лл. 346—347.
[2]) ЦАУ Крым. АССР, фонд Тавр. суд. след. комис., д. № 17.

готовка к овладению перешейками. Перекопские и чонгарские укрепления считались неприступными, и Врангель говорил, что здесь он может чувствовать себя в полной безопасности. Сначала главный удар намечался командованием южного фронта на Чонгар с обходом по Арабатской стрелке. Но этот удар можно было нанести только с поддержкой Азовской флотилии. Ударившие сильные морозы сковали ее в Азовском море. Тогда удар был намечен через Сиваш на Литовский полуостров с одновременным ударом в лоб Турецкого вала. По направлению Чонгара удар наносила 30 дивизия. Ленин шаг за шагом следит за подготовкой решающих боев. Он предупреждает от чрезмерного оптимизма, интересуется всеми деталями. По его указаниям направляется на Перекоп тяжелая артиллерия особого назначения, готовится 10 000 специальных кожаных костюмов для форсирования Сиваша. В период между 2 и 7 ноября в части бросаются коммунистические пополнения. 5 ноября РВС южфронта предписал командировать в части, назначенные для форсирования Сиваша, коммунистов из тыловых и резервных частей [1]). М. В. Фрунзе выезжает на фронт и здесь в полевом штабе фронта и в штабах отдельных дивизий намечает план взятия Перекопа. Он проверяет донесения о бродах через Сиваш, сам беседует с намеченными проводниками. Когда вода начала наступать, заливать дно Гнилого моря, он мобилизует население Строгановки и Ивановки на борьбу с ней. С громадным спокойствием руководит он этой операцией.

В ночь с 7 на 8 ноября началось наступление через Сиваш на Литовский полуостров 15, 52 дивизий и 153 бригады 51 дивизии. В то же время 51 дивизия бросается на штурм Турецкого вала. В ночь на 9 ноября благодаря необычайному героизму Красной армии укрепления, считавшиеся неприступными пали. Утром 11 ноября был взят последний оплот Врангеля — Юшунские позиции. В ночь с 10 на 11 ноября 30 дивизия переправилась через Сиваш у Чонгара и ударила на Джанкой. У Старого Крыма к Красной армии присоединяется армия крымских партизан.

16 ноября Фрунзе телеграфировал Ленину: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южфронт ликвидирован». Рабочие и крестьяне Советской страны получили возможность перейти к мирному социалистическому строительству.

О. Шекун.

---

[1]) ЦАКА. д. № 243—304, л. 2.

Из беседы с товарищем Сталиным о положении на фронте[1])

Опасность с юга

Наши успехи на антипольских фронтах несомненны. Несомненно и то, что успехи эти будут развиваться. Но было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остается лишь проделать «марш на Варшаву».

Это бахвальство, подрывающее энергию наших работников и развивающее вредное для дела самодовольство, неуместно не только потому, что у Польши имеются резервы, которые она несомненно бросит на фронт, что Польша не одинока, что за Польшей стоит Антанта, всецело поддерживающая ее против России, но и прежде всего потому, что в тылу наших войск появился новый союзник Польши — Врангель, который грозит взорвать с тылу плоды наших побед над поляками.

Не следует утешать себя надеждой о том, что Врангель не споется с поляками: Врангель уже спелся с ними и действует за одно с ними. Вот что пишет вдохновительница врангелевцев — выходящая в Севастополе газета Шульгина «Великая Россия» в одном из июньских номеров:

«Нет сомнения, что мы своим наступлением поддерживаем поляков, ибо оттягиваем на себя часть большевистских сил, предназначенных для польского фронта. Так же несомненно, что поляки своими операциями существенно поддерживают нас. Не нужно ни симпатии к полякам, ни антипатии; мы должны руководствоваться лишь холодным политическим расчетом. Сегодня нам выгоден союз с поляками против общего врага, а завтра... завтра будет видно».

Очевидно врангелевский фронт является продолжением польского фронта, с той однако разницей, что Врангель действует в тылу наших войск, ведущих борьбу с поляками, т. е. в самом опасном для нас пункте.

Смешно поэтому говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована. Между тем Врангель усиливается, и не видно, чтобы мы предпринимали что-либо особенное, серьезное против растущей опасности с юга.

---

[1]) Настоящая беседа с товарищем Сталиным была напечатана в газете «Правда» № 151 от 11 июля 1920 г.

Перспективы. Помните о Врангеле!

В результате наших наступательных операций против поляков линия нашего фронта принимает вид дуги с вогнутой стороной, обращенной на запад, и с концами, идущими вперед, из коих южный конец лежит в районе Ровно, северный — в районе Молодечно. Это называется охватывающим положением по отношению к польским войскам, т. е. положением, наиболее угрожающим для последних. Несомненно, что это обстоятельство учитывается Антантой, которая всячески старается вовлечь Румынию в войну с Россией, лихорадочно ищет новых союзников для Польши, всячески поддерживает Врангеля и вообще старается выручить поляков. Вполне возможно, что Антанте удастся найти для Польши новых союзников. Нет оснований сомневаться в том, что Россия найдет в себе силы для отпора и новым противникам. Но об одном все же нужно помнить: пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!», «Смерть Врангелю!»

I

СОЗДАНИЕ ЮЖНОГО ФРОНТА[1])

Обращение В. И. Ленина к незаможным селянам Украины от 2 сентября 1920 г.[2]).

Товарищи! Царский генерал Врангель усиливает наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика. Еще раз помещики пытаются вернуть свою власть, пытаются вернуть себе земли и снова закабалить крестьян.

Товарищи! Украинская деревня перенесла неслыханные страдания от гнета помещиков. Им не один раз удавалось свергать советскую, рабоче-крестьянскую власть, им не раз помогали богатые крестьяне, кулаки, помогали и тем, что прямо переходили на их сторону, помогали и тем, что мешали неимущим, трудящимся крестьянам устроить новый порядок, новую жизнь, новую организацию деревни. И всякий раз попытки восстановления помещичьей власти кончались новой победой рабочих и крестьян.

Теперь на Украине незаможные селяне взялись за устройство своих комитетов, чтобы окончательно победить сопротивление немногих богачей, окончательно обеспечить власть трудящихся. Помещичий генерал Врангель усиливает натиск, чтобы сломать эти организации трудящихся.

Товарищи! Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля. Пусть все комитеты незаможных селян напрягут, как только можно, свои силы, помогут Красной армии добить Врангеля. Пусть ни один трудящийся крестьянин не останется в стороне от рабоче-крестьянского дела, не останется бездеятельным или равнодушным. Помните, что дело идет о спасении ваших семей, о защите крестьянской земли и власти.

Все на помощь Красной армии!

Смерть помещикам-угнетателям!

Ленин.

Постановление РВСР от 21 сентября 1920 г., № 5512/оп.—1240/ш.[3]).

(О сформировании самостоятельного южного фронта.)

Ввиду создавшейся обстановки на зап. и юго-зап. фронтах РВСР постановил: 1) Сформировать новый (южный) фронт в составе 6, 13 и 2 конной армии. 2) Командующим южного фронта назначить тов. Фрунзе и членом РВС того же фронта тов. Гусева. 3) В состав югзапфронта,

[1]) Публикуемые ниже документы хранятся в Центральном архиве Красной армии и подготовлены к печати П. Каратыгиным.

[2]) Печатается по копии из ЦАКА.

[3]) ЦАКА, д. № 417—686/а, л. 2.

кроме состоящей в нем 14 армии, включить 12 и 1 конную армии. 4) Разграничительные линии между фронтами установите. 5) Главнокомандованию югзапфронта иметь полевой штаб в Киеве, южному — в Полтаве. 6) Органы снабжения Чусо и Опродкомарма югзапфронта остаются в Харькове, и на них возлагается снабжение под руководством центра обоих фронтов до того времени, пока будут сформированы эти органы для южного фронта. 7) Упвосо югзапфронта передается южному фронту и остается в Харькове. На него возлагается обслуживание югзапфронта до сформирования Упвосо этого фронта. 8) Прочие органы управления югзапфронтом остаются в его составе, а управление южным фронтом формируется вновь распоряжением командования. 9) Киевский округ остается в подчинении югзапфронта, а Харьковский — в подчинении Украинской запасной армии, через таковую главнокомандованию. 10) Тыловые средства, учреждения и заведения югзапфронта распределяются между этими фронтами и южным фронтом полевым штабом.

Директива главкома от 24 сентября 1920 г., № 5570/оп. — 1256/ш. [1]).

(Указание основных задач зап., ю-з., южн. и кав. фронтов.)

Основной задачей настоящего времени ставлю окончательную ликвидацию Врангеля в возможно короткий срок, в зависимости от которого на фронты возлагаю следующие задачи:

Первое: запфронту своей главной задачей иметь восстановление боевых сил фронта и подготовку к решительному удару против поляков совместно с югзапфронтом. Начало этой операции я предвижу не раньше середины ноября. В настоящее время запфронту, имея в виду всемерное сохранение живой силы и ее боевую подготовку, в мере возможности, удерживать существующее расположение и отнюдь не допускать продвижения противника восточнее р. Шары. Борьбой за занимаемое расположение надлежит воспользоваться для обстреливания и боевой подготовки дивизий, для чего надлежит, во-первых, не допускать их боевого изматывания, а во-вторых, сохраняя постоянно большие резервы, сменять войска в боевых частях.

Второе: югзапфронту общая задача — выигрыш времени до подхода крупных подкреплений, которые будут даны после ликвидации Врангеля. Для сего фронту всемерно сдерживать наступление противника и обязательно удержать за собой линию Коростень — Житомир — Бердичев — Жмеринка. Эта линия не может быть нами утрачена ни при каких обстоятельствах, причем перечисленными пунктами мы должны владеть в полном значении этого слова. О посылаемых вам пополнениях в настоящее время и желательной группировке сил мною уже сообщено телеграммой № 556/оп. — 1255/ш от 24 сентября.

Третье: южному фронту проявить исключительную энергию для подготовки в кратчайший срок безотказного удара против войск Врангеля и безусловной окончательной его ликвидации, учитывая, что для сего в состав фронта будет передана 1 конная армия, передвигаемая в район Кременчуг—Елисаветград.

Четвертое: кавказскому фронту иметь основной задачей не допустить производства Врангелем высадок на Кубани и сохранение

[1]) ЦАКА, д. № 417—686/а, л. 4.

порядка в крае, а также окончательно ликвидировать банды Махно. Для сего обратить особое внимание на укрепление Черноморского и Азовского побережий и на пополнение и обучение войск фронта, в том числе и гарнизонов в наиболее важных и ненадежных районах и пунктах.

Главком: С. Каменев. Военком: Васильев. Наштаревсовет: Лебедев.

Директива главкома командарму 1 конной армии от 24 сентября 1920 г., № 5563/оп. — 1258/ш.[1]).

(О поступлении 1 конной армии в резерв главкома с переброской ее на южный фронт.)

С 24 часов 26 сентября 1 конармия в составе всех входящих в нее конных частей переходит в мой резерв и в мое непосредственное подчинение.

Имея в виду использовать всю силу грозной для врага конной армии, для окончательной ликвидации Врангеля, рассчитываю, что она в полной мере оправдает надежды, возлагаемые на нее Рабоче-крестьянской республикой; так как время не терпит, то требую от всего состава самой напряженной работы по восстановлению ее мощи и самого быстрого передвижения в Бердичев и далее в район — Кременчуг — Елисаветград.

Маршрут движения армии представить мне немедленно. Походное движение армии использовать для восстановления армии, вливая пополнения в попутных пунктах, производя на походе обучение и используя дневки для ковки лошадей и ремонта материальной части. Соответственной заготовкой по пути следования продовольствия и фуража обеспечить армию довольствием в походе. Тылы, не имеющие обозов, перевезти по железной дороге и сплавом по Днепру. Во время передвижения армия будет находиться в моем непосредственном подчинении. Пополнение и снабжение армии будет производиться непосредственно центральными органами; снабжение продовольствием и фуражем — Опродкомармом югозапфронта тов. Владимировым. На время военных операций армия в оперотношении будет подчинена в полной мере фронту.

Приказываю на походе держать со мной и штабами юж- и юго-запфронтов непрерывную связь сначала через штарм в Бердичеве, а затем через штарм 6 в Кременчуге, обязательно ежедневно доносить полевому штабу и сообщать штабам названных фронтов о фактических местах ночлегов дивизий, полештарма и основного штарма.

Выражаю твердую уверенность, что армия проникнется серьезностью возлагаемой на нее задачи и в кратчайший срок, передвинувшись на юг, подойдет к новому врагу в состоянии той мощи и боевой готовности, с какой летом она начала победоносную борьбу с поляками.

Главком: Каменев. Военком: Васильев. Наштареввоенсовет: Лебедев.

Телеграмма командюгзап от 26 сентября 1920 г., № 5757[2]).

(Обращение к войскам, передаваемым в состав южного фронта.)

Согласно директив республики с 24 часов 26 сего сентября 6, 13 и 2 конармию я передаю в подчинение командюжа тов. Фрунзе. С глу-

[1]) ЦАКА, д. № 248—263, л. 2.
[2]) ЦАКА, д. № 204—841, л. 27.

боким сожалением расставаясь с вами, красные герои, я уношу с собой твердую веру в непоколебимую силу и мощь ваших рядов. Вы, герои разгрома Деникина, под руководством ваших доблестных командиров нанесете последний смертельный удар южному паразиту Врангелю и дадите Советской России и Украине Красный Крым.

Командюгзап: Егоров. Член Ревсовета: Берзин. Начштаюгзап: Петин.

Приказ по армиям южного фронта от 27 сентября 1920 г., № 4 [1]).

(Обращение М. В. Фрунзе к войскам южного фронта в связи со вступлением в командование фронтом.)

Приказом Революционного военного совета республики я назначен командующим армиями южного (врангелевского) фронта.

Вступая ныне в исполнение своих обязанностей, с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы.

Прежде всего передаю вам привет ваших боевых товарищей только что оставленного мной туркестанского фронта, где красные полки этого фронта, славно выполнив свои боевые задачи, стоят ныне грозной стражей рабочей России в далеких степях, пустынях и горах Азии у самого преддверия Индии.

Передаю вам привет и от имени Верховного органа российской республики — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, а также от имени высшего командования российской Красной армии.

Товарищи, вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но попрежнему крепкая духом, сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.

Это — тот самый барон Врангель, который, несмотря на крушение контрреволюционных затей своих черносотенных предшественников — адмирала Колчака, генералов Корнилова, Юденича, Деникина и др., все еще продолжает пробивать себе дорогу к царскому трону через горы рабочих и крестьянских трупов. Это — тот Врангель, который запродал всю Россию, все железные дороги, рудники и другие богатства французским ростовщикам и тем купил их подлую, кровавую помощь против родной страны.

Это — тот барон Врангель, который в последние дни глубоко вонзил свой разбойничий нож в спину России, сорвав победный марш армии западного фронта и наш мир с Польшей. В тот момент, когда наши красные полки стояли под Варшавой, когда белая Польша готова была подписать с нами мир, когда требовалась хотя небольшая поддержка с нашей стороны, дабы славно закончить борьбу, — в это самое время крымский разбойник наносит удар с юга, отвлекает все силы и средства страны, лишает нас возможности поддержать западный фронт

[1]) ЦАКА, д. № 204—841, л. 31.

в решающий момент и тем вновь приводит к затяжке борьбы. Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение. Успехи Врангеля окрылили их надеждами и поддерживают бодрость в борьбе с надвинувшейся вплотную волной пролетарского движения в их собственных странах.

На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счеты труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты, — очередь за вами, товарищи.

Мне известно, что эту задачу нам придется разрешать в тяжелой обстановке разного рода недочетов и нехваток. Это известно и всей России, напрягающей последние усилия, чтобы помочь фронтовикам. И тем не менее мы ее должны разрешить: Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии южного фронта.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары. Именем республики обращаюсь к вам с горячим призывом дружно, как один, взяться за работу по устранению всех существующих в частях недочетов и по превращению их в грозную, несокрушимую для врага силу. Обращаюсь ко всем тем, в ком бьется честное сердце пролетария и крестьянина; пусть каждый из вас, стоя на своем посту, выявит всю волю, всю энергию, на которую только способен. Шкурников, трусов, мародеров, всех изменников рабоче-крестьянскому делу — долой из наших рядов! Долой всякое уныние, робость и малодушие!

Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу и смело вперед!

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Командующий армиями южного фронта и член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: Михаил Фрунзе-Михайлов. Член Реввоенсовета южного фронта: Сергей Гусев.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 28 сентября 1920 г. [1]).

(Доклад о начале работ фронтового аппарата.)

Прибыл в Харьков 26 утром. В 2 дня сформирован в основных чертах штаб фронта, с 28 приступивший к работам почти в полном объеме. Положение на фронте характеризуется упорным стремлением противника, очевидно прекрасно осведомленного о наших планах, разрушить их путем ударов в направлениях наших группировок. Движение к Донбассу рассматриваю именно так. Предполагаю, с своей стороны, впредь до окончания подготовки общего наступления нанести ряд коротких ударов. Завтра вызываем в Кременчуг командармов 6, 13

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 79.

и 2 конной. Настроение частей несколько надломленное. Переход в общее наступление зависит от времени подхода 1 конной. Установили связь с ЦК Украинской, подготовляем мобилизацию незаможных крестьян. Тыл очень плох. Делаем все, что можем. Прошу ускорить приезд Баранова, а также командировать на фронт Куйбышева.

Фрунзе.

II

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ ЮЖНОГО ФРОНТА.

Отражение наступлений противника на Донбасс и Мариуполь.— Бои на Александровско-синельниковском направлении.— Прорыв противника на правый берег р. Днепра.— Наступления противника на Каховский плацдарм.— Борьба за инициативу на фронте 13 армии.— Подготовка армий южного фронта к переходу в общее наступление.— Сформирование 4 армии.— Прибытие 1 конной армии в район Берислав — Б. Каховка.— Занятие армиями южфронта исходных рубежей для общего наступления.

(27 сентября — 27 октября 1920 г.)

Телеграмма командюжа Фрунзе командарму 13 от 27 сентября 1920 г., № 001/оп./сек [1]).

(Приказание командарму 13 фланговым ударом разбить противника в районе Волноваха.)

Противник 26 и 27 сего сентября потеснил 40 стр. дивизию за линию р. Кашлагач—Волноваха и, по имеющимся сведениям, занял ст. Волноваха. Противником также заняты с. с. Павловское, Васильевское, Владимировка (по р. Кашлагач). Одновременно с этим противник направил сильные части на правый фланг 2 донской совет. стр. дивизии, выйдя на линию Крестовское—Мацаков. Приказываю: командарму 13, с получением сего, коротким ударом во фланг разбить группу противника, прорвавшуюся в район Волноваха. Для указанной операции в распоряжение командарма 13 передаются 2 донская стр. дивизия, 9 стр., морская и 7 кавдивизии. Командарму 13 общей задачей ставлю восстановление прежнего положения 40 дивизии и надежного обеспечения жел. дороги Мариуполь—Волноваха—ст. Гришино, и прикрытие Донецкого бассейна, памятуя, что последний не может быть потерян нами ни на один день. В остальном действовать согласно лично данных мною указаний. О получении приказа и об отданных распоряжениях срочно донести.

Командфронта: Фрунзе. Член РВС: Гусев. Врид. нштаюж: Паука.

Харьков.

---

[1]) ЦАКА, д. № 204—841, л. 36.

Разговор по прямому проводу главкома с командюжем Фрунзе от 27 сентября 1920 г. [1]).

(О боевых действиях в районе Волноваха.)

[К а м е н е в.] — У аппарата главком. Здравствуйте, Михаил Васильевич. Как-то совершенно неожиданно Волноваха оказалась в руках противника, между тем, кроме тех частей 40 дивизии, которые прикрывали Волноваху с запада, в самой Волновахе была бригада из трудовой армии, — куда эта бригада девалась? Что говорит Уборевич? Ожидаю, предупрежден ли Уборевич о важности Донбасса и недопустимости даже кратковременной его утраты. Больше вопросов не имею. К а м е н е в.

[Ф р у н з е.] — Здравия желаю, Сергей Сергеевич. Относительно Волновахи должен доложить, что для меня это не было неожиданно: еще до приезда в Харьков я предполагал удар в этом направлении; правда, здесь на месте ожидалось другое, а именно удар на Каховку, к чему тоже имеются основания, и это несколько меня успокоило в отношении Волновахи. Тем не менее сейчас же по прибытии мною было указано Уборевичу на возможность удара в эту сторону и предложено было принять соответствующие меры. Удар состоялся силами примерно до 4 тысяч штыков и сабель. В ожидании удара трудбригада из Волновахи была отведена к Юзовке, как совершенно небоеспособная, в видах ее сохранения; что касается 40 и 42 дивизий, то в них обеих насчитывалось всего до полуторы тысячи штыков и, конечно, сопротивления они оказать не могли. В настоящий момент идет бой частей 2 дондивизии с противником, нажимающим на Мариуполь с севера и северо-запада. Другая колонна противника двигается от Волновахи на северо-восток. Мною приказано командарму 13 коротким ударом во фланги прорвавшейся группы уничтожить ее, для чего Уборевичу переданы с сегодняшнего дня мордивизия, 2 дондивизия, 7 кавдивизия и 9. Относительно 2 дондивизии докладываю, что прибыло всего шесть полков, причем весь обоз и все пулеметы погибли, взорвавшись на мине. В общем особого беспокойства по поводу волновахской операции противника не испытываю; это все то же стремление ударами по нашим ближайшим тылам спутать планы и нарушить группировку. В районе Александровска на острове Хортица продолжаются бои с частями противника, овладевшими островом. Думаю, что серьезных намерений в этом направлении, по крайней мере в настоящий момент, у противника нет. На Славгород наступают наши части. От 6 армии донесения нет. 29 назначил в Кременчуге свидание с командармами 6, 13 и 2 конной. Уборевич предупрежден; кроме того, об этом сказано в моем приказе. Докладываю, что штаб южфронта сформирован и с завтрашнего дня приступает к работе. Все. Ф р у н з е.

Оперативный приказ армиям южфронта от 28 сентября 1920 г., № 002/оп./сек. [2]).

(Меры противодействия попыткам противника помешать сосредоточению частей южфронта.)

Противник рядом ударов в северном и восточном направлениях пытается расстроить наши ближайшие тылы и тем помешать производя-

[1]) ЦАКА, д. № 34—521, лл. 3—4.
[2]) ЦАКА, д. № 204—841, л. 38.

щемуся сосредоточению наших сил. Для парирования этих ударов и создания обстановки, обеспечивающей намеченную группировку частей, приказываю:

1) Командарму 13 продолжать со всей энергией выполнение задачи, поставленной моей директивой 27/IX № 001/о—п./сек.

2) Командарму 6 произвести диверсию с Каховского плацдарма, имея задачей расширение указанного плацдарма на северо-восток и обеспечение его немедленным устройством второй переправы в районе Горностаевка, в занятом положении прочно закрепиться. Иметь в виду создание плацдарма на Никопольском участке и передачу 6 армией 13 армии [войск], действующих на правом берегу Днепра.

3) Всем командармам со всей энергией продолжать работу по приведению частей в порядок и подготовке общего наступления.

Командюжфронта: Фрунзе. Член РВС: С. Гусев Врид. наштаюж: Паука.

Оперативный приказ войскам 13 армии от 28 сентября 1920 г., № 0192 [1]).

(Задачи армии по прикрытию Донецкого бассейна и обеспечению ж.-д. линии Мариуполь—Волноваха.)

1. Противник, сосредоточив против левого фланга армии части 1, 3 и 1 кубанской дивизии кавалерии Бабиева, ведет упорное наступление с целью овладения важным для нас Мариупольским железнодорожным узлом и портом. Против правого фланга у Александровска части Марковской дивизии заняли остров Хортицу и, по словам пленных, готовят наводку понтонного моста.

2. Наши части против Александровска ведут бой за обладание островом Хортицей. На левом берегу Днепра наши части с боем заняли г. Славгород и вышли на линию р. Плоская — Осокоровка. На левом фланге под давлением превосходных сил противника части 40 дивизии оставили ст. Волноваха. Части дондивизии, ведя упорные бои на линии Крестовское — ст. Никольское-Топгуш, сдерживают продвижение противника к Мариуполю.

Вверенной мне армии приказано короткими ударами во фланги разбить группу противника. В этой операции в распоряжение мое переходит 9 стр. дивизия, 7 кавдивизия, 2 донская стр. и мордивизия. Общая задача — восстановление прежнего положения 40 дивизии, надежное обеспечение жел.-дорожной линии Мариуполь — ст. Волноваха, прикрытие Донецкого бассейна, памятуя, что последний не может быть потерян нами ни на один день.

3. Приказываю:

а) Начдиву 3 с бригадой курсантов и 85 стрелковой бригадой использовать наличный резерв с соответствующей группировкой артиллерии, мощным ударом уничтожить Марковскую дивизию на острове Хортица и перебросить сильные разведывательные части на левый берег Днепра.

б) Комгруппы тов. Нестеровичу, развивая успех, продолжать упорное наступление и, действуя сосредоточенно дивизией для удара во фланг и тыл противнику, уничтожить части Дроздовской дивизии в районе Ново-Гуполовка и выйти на линию реки Московки. Обратить

[1]) ЦАКА, д. № 66—813, л. 53.

особое внимание на разведку в районе Ново-Николаевка, дабы своевременно предупредить фланговый удар из этого района.

в) Начдиву 42, продолжая прежнюю задачу, стремиться войти в живую связь с частями группы тов. Нестеровича.

г) Начдиву 7 кав. сосредоточить части дивизии в районе Екатериновка—Константиновка, с рассветом 29 перейти в энергичное наступление в общем направлении на Владимировка—Волноваха для ликвидации противника в этом районе и овладения к 24 часам 29 ст. Волноваха.

д) Начдиву 40 одновременно с частями 7 кав. дивизии перейти в упорное контрнаступление вдоль жел. дороги на Волноваха с целью овладения ею не позже 24 часов 28 сентября и восстановления связи с частями 2 донской дивизии.

е) Комбригу 1 отдельной стр. бригады усиленными маршами отвести бригаду в район Ромодановская—Кондратьевская—Райская на укомплектование частей 40 дивизии.

ж) Начдиву 2 донской, в оперподчинение коего поступает мордивизия, приведя части в порядок, перейти в энергичное наступление с целью выхода на линию ст. Стародубская — ст. Покровская — ст. Зачатьевская и ст. Волноваха, где войти в связь с частями 40 и 7 кавдивизий.

з) 9 стрелковой дивизии к вечеру 28 сентября выйти главными силами на линию Константиновка—Улаклы—Максимовка, выдвинув кавполк для освещения линии Благодатная и далее до ст. В.-Анадоль. Дивизия составляет армейский резерв.

4. Доставка приказа распоряжением Скарм 13.

5. Я буду находиться на ст. Гришино.

6. О получении настоящего приказа и отданных распоряжениях донести.

Командарм 13: Уборевич. Наштарм: Алафузо. Военком: Попов.

Приказ по войскам южного фронта от 2 октября 1920 г., № 152/СРВС [1]).

(Призыв к войскам 13 армии не смущаться временными отдельными неудачами и дружнее разить врага.)

На долю частей славной 13 армии выпала тяжкая задача сдержать напор врага до подхода помощи. Рядом мощных ударов, наносимых немногочисленными, но крепкими, главным образом, конными частями крымский разбойник пытается разгромить войска армии и тем спасти себя от надвигающейся гибели. В ряде пунктов ему удалось одержать частичные успехи и поколебать стойкость наших частей. Изменнические и предательские элементы уже пользуются этим, чтобы создать паническое настроение и поколебать веру в мощь и победу Красной армии. Красноармейцы, командиры и комиссары 13 армии, именем республики благодарю вас за те героические усилия, которые ныне делаются вами в попытках сдержать натиск врага. Пусть не смущаются ваши сердца постигшими вас отдельными неудачами. В общем ходе борьбы вами сейчас закладывается основа нашей близкой грядущей победы. Крепче держите винтовку в руках. Смелее смотрите в лицо врага, дружнее разите его. Помощь идет.

Командующий войсками южного фронта: Михаил Фрунзе-Михайлов. За члена Реввоенсовета: Малиновский.

[1]) ЦАКА, д. № 58—151, л. 326.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 3 октября 1920 г. № 17/ш. [1]).

(Об обстановке на фронте.)

Обстановка на фронте представляется в следующем виде: на нашем правом фланге от Александровска до Херсона противник пассивен, но занят подготовкой к развитию операций. На всем остальном фронте продолжает рядом смелых ударов громить 13 армию. Части армии надломлены предшествующими неудачами и, несмотря на значительные подкрепления, ударов врага не выдерживают. Угроза Донбассейну, создавшаяся с прорывом за линию Волноваха—Мариуполь его значительных сил, временно была отпарирована ударом на Волноваху нашей группы, в основу которой легла задержанная в Донбассе 9 дивизия. В настоящее время противник пытается разбить ее и тем окончательно развязать себе руки на всем левобережном участке. В случае удачи он, разгромив наш ближайший тыл, несомненно, попытается нанести удар и нашей правобережной группе, переправившись через Днепр где-нибудь в районе Александровска. Наша задача — во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока неготовой правобережной группы. Задача крайне трудная, ибо дух войск надломлен. Настроение можно переломить только крупным успехом на фронте. Думаю, что, несмотря на все это, до момента общего наступления выдержим, хотя ряд огорчительных неудач на нашу долю еще выпадет. Самым скверным считаю запоздание конницы Буденного, на что обращаю постоянно внимание главкома и возможность наступления распутицы к моменту предполагаемой общей операции. Общая тяжесть обстановки увеличивается необходимостью заниматься одновременно со всем этим созданием самого аппарата штаба. В конечном успехе, несмотря ни на что, не сомневаюсь.

Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 6 октября 1920 г., № 23 [2]).

(Об изменении положения на фронте.)

Положение на фронте за истекшие пять дней резко изменилось к лучшему. Угрозу Донбассу можно считать ликвидированной. В попытках сломить нашу Юзовскую группу противник определенно понес крупные потери и значительно расстроил основу своей востгруппы — донской корпус. В связи с этим можно считать ликвидированной и угрозу решающего удара по нашей правобережной группе (что я считал наиболее опасным для нас) при помощи атаки ее с фронта и одновременной переправы через Днепр где-нибудь в районе Александровска и удара во фланг и, наконец, десанта на побережье, т. е. за правым флангом. Думаю, что ближайшей целью своих атак он будет ставить сейчас разгром нашей восточной группы (войска 13 армии и Мариупольской группы). Не могу утверждать, что здесь мы отныне не будем иметь никаких неудач, но тем не менее в общем ходе борьбы перелом наметился, и мы можем без излишней нервозности продолжать подготовку решающего удара. Вся задержка за бременем подхода Буденного. Наилучшим моментом для удара с нашей стороны являлись бы настоящие дни, когда противник далеко забрался на восток и север

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 30.
[2]) ЦАКА, д. № 27—291/с, лл. 128—129.

и значительно измотался. Что касается тыла, то и здесь пошла живая работа в полном согласии с местными государственными органами. Намечена сообща большая программа помощи фронту, решено провести по всей Украине специальную неделю фронта, и так далее. В общем настроение верхов не растерянное и оживленно бодрое. Большие задержки по переброске частей и прочее вследствие усиленной деятельности бандитских шаек в правобережной Украине, а также в Кременчугской губернии. Из-за этого же часто нарушается связь. Продолжают чувствоваться большие недостатки в области снабжения как на фронте, так и в тылу. В заключение могу сказать, что в благоприятном решении поставленной фронту задачи не сомневаюсь, а боюсь лишь скорого наступления распутицы, которую отныне считаю нашим главным возможным препятствием к скорейшему решению.

Фрунзе.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 13 и 2 конной, командкавказ от 8 октября 1920 г., № 057/сек. 24/оп. [1]).

(Указания по группировке сил армии с целью уничтожения противника, переправившегося через Днепр в районе южной части о. Хортица.)

Сегодня утром, в 4 час. 30 мин., противник под прикрытием сильного артогня переправился через Днепр в районе южной части острова Хортица, сбил наши охраняющие части и стал распространяться в западном и юго-западном направлениях. Противник занял Ниж. Хортицу. Около двухсот сабель его ведут бой у Розенгарт.

Приказываю:

1) Третью стрелдивизию с получением сего передаю в оперподчинение командарму 2 конной.

2) Командарму 2 конной, сгруппировав необходимые силы, быстрым ударом прижать переправившегося противника к Днепру и решительными действиями уничтожить.

3) Между 2 конной и 13 армиями устанавливаю разграничительную линию: Кичкас — Чумаки — Покровская — Карнаутские и далее прежняя, все пункты для 13 армии включительно.

4) 13 армии своим правым флангом (Екатеринославская группа) оказать решительное содействие 2 конармии ударом с севера. Начдиву 46 установить связь со 2 конармией и согласовать свои действия с последней. Остальным частям и группе тов. Левандовского, продолжая выполнение поставленной задачи, быть готовыми к переходу в общее наступление для выхода на линию ст. Славгород—Ново-Николаевка—Гуляй-Поле — ст. Пологи — Верхне-Токмак — Ногайск.

5) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: Малиновский. Врид. наштаюж: Паука.

Приказ по войскам южного фронта от 9 октября 1920 г., № 14 [2]).

(Обращение к войскам.)

Российско-украинская и Польская мирные делегации в Риге, ввиду достигнутого соглашения по всем основным вопросам, постановили не

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 321.
[2]) Там же, д. № 36—130, лл. 12—13.

позднее 8 октября подписать договор о перемирии и предварительных условиях мира между Россией и Украиной с одной стороны, и Польшей — с другой. Это известие, несмотря на несомненно крупные жертвы, приносимые нами делу достижения мира, встречено радостно всей трудовой Россией, но это же известие ввергает в панику всю нашу белогвардейщину и в первую голову основное гнездо ее в Крыму. Чувствуя неизбежное и близкое крушение всех своих контрреволюционных планов, барон Врангель попытается и уже пытается сорвать наш мир с Польшей ударом по войскам южного фронта. Он будет во что бы то ни стало стремиться теперь же к достижению успехов на поле битвы, дабы подтолкнуть польскую шляхту на предъявление еще более тяжелых нам требований и тем затянуть борьбу. Для армий южного фронта пробил решающий час.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, дело победы и мира в ваших руках. В этот последний грозный момент решения тяжбы труда с капиталом Россия смотрит на нас. Из края в край по родной нашей стране прокатилось «все на помощь южному фронту», и эта помощь уже идет. От нас, от нашей воли, энергии зависит счастье и благополучие всей страны. Пусть же каждый красноармеец, каждый командир и каждый комиссар поставит своим долгом сделать все, что только возможно для обеспечения нашей победы, пусть каждый день, каждый час он задает себе вопрос: а все ли им сделано для обеспечения успеха?

Социалистическое отечество оценит потом все нами сделанное и каждому воздаст по заслугам. Вперед же, товарищи, на последний и решительный бой! Вперед — на завоевание нами мира и обеспечение интересов труда! Смело вперед! Пусть нашим девизом будут слова: «Победа или смерть».

Приказ прочесть во всех эскадронах, батареях, отрядах и командах.

Командующий войсками южного фронта: Фрунзе.

Разговор по прямому проводу командюжа Фрунзе с командармом 13 от 9 октября 1920 г.[1]).

(Об оказании содействия правобережной группе решительным наступлением частей 13 армии на восточном участке фронта.)

[Уборевич.] — У аппарата Уборевич.

[Фрунзе.] — У аппарата командующий. Здравствуйте, тов. Уборевич. — В связи с событиями под Александровском, а также теми данными, которые открываются из переданного сегодня от вас приказа от 2 октября по донкорпусу, совершенно ясно, что противник от плана разгрома правобережной группы не отказался. Сейчас необходимо развить максимальную энергию по ускорению нашего наступления с востока. Поставьте в известность всех начдивов, что судьба общей операции зависит сейчас от быстроты и энергии этого продвижения. Установите тесную связь с Левандовским. Я сейчас потребую передачи его в непосредственное подчинение мне, хотя бы в оперативном отношении. Его конница, находившаяся на левом фланге участка, вместо того, чтобы решительно двинуться в северо-западном направлении на Верхний Токмак, Пологи, продолжает наступать по пустому месту через

[1]) ЦАКА, д. № 46—843, лл. 49—50.

Бердянск на Ногайск. Бердянск этой конницей был занят утром восьмого. Сейчас иду говорить с командкавказ по этому вопросу, дабы повернуть конницу из Бердянского района на север и северо-запад. Прошу во время серьезных боев без крайней на то необходимости не выезжать из штарма на фронт, дабы не нарушилось управление армией. Пока все.

[У б о р е в и ч.] — Здравия желаю, тов. командующий. В отношении моих частей будьте спокойны: все будет сделано, что в силах человеческих. Расположение частей группы Левандовского не соответствует обстановке и ставит меня в тяжелое положение. Левый фланг 40 дивизии после упорного боя занял Кайзендорф, Мариенфельд, частей мордивизии до Розовки не имеется, и до сего времени они не стремятся войти в свои разграничительные линии. В связи с тем, что 5 кав. дивизия опаздывает, удар моей конницы на Пологи к вечеру 10 не принесет тех результатов, которых вы ожидаете, и тем более большая опасность контрудара противника. Свою поездку на фронт я отменю. Стараюсь поддерживать связь с Левандовским, но штаюж отобрал у меня единственный провод. Все. У б о р е в и ч.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 6, 13, 2 конной комкав группе Левандовского от 9 октября 1920 г., № 059/с. 253/оп. [1]).

(Указание задач в связи с наступлением противника в районе Александровска.)

Противник начал активные действия в районе Александровска, заняв на правом берегу Днепра Томаковку, что 26 верст западнее Александровска.

Приказываю: 1) Командарму 6 сильными партиями разведчиков произвести разведку на всем участке армии для проверки группировки противника. Обратить внимание на бдительное несение сторожевой службы, в особенности на правофланговом участке.

2) Командарму 2 конной продолжать выполнение поставленной задачи согласно № 057/сек. 24/оп.

3) Командарму 13 и группе тов. Левандовского с утра 9 октября перейти в дальнейшее общее наступление и, энергично развивая его, к вечеру 10 октября выйти на линию устье р. Плоская—Осокоровка—ст. Славгород—Ново-Николаевка—Гуляй Поле—ст. Пологи—Верхне-Токмак — Ногайск, при этом для разгрома противника, группирующегося в районе Гуляй Поле, Пологи, Цареконстантиновка, командарму 13 выбросить сильную кавгруппу во фланг и в тыл противнику в общем направлении на Пологи, а тов. Левандовскому — 5 кав. дивизию из района ст. Новоспасская через Верхне-Токмак в направлении на Пологи. Командарму 13 на своем крайнем правом фланге (на берегу Днепра) оказать решительное содействие 2 конармии по ликвидации переправившегося на правый берег противника. Требую от армии и группы тов. Левандовского самых решительных и энергичных действий, дабы вырвать инициативу из рук противника.

4) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: Ф р у н з е. Член РВС: М а л и н о в с к и й. Врид. наштаюж: П а у к а.

---

[1]) ЦАКА, д. № 58—02½, л. 322.

Приказ по войскам 6 армии от 10 октября 1920 г., № 137 [1]).

(Призыв к решающей борьбе с Врангелем.)

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары!

Злейший враг трудящегося населения нашей Советской страны, генерал Врангель, начал решительное наступление на участке нашей армии. И это наступление ведется им с двоякой целью: прежде всего он хочет разбить наши части до подхода наших подкреплений с тем, чтобы, подобно генералу Деникину, отрезать хлеб от голодающих рабочих и каменный уголь [от] наших фабрик и заводов. Голодом и холодом собирается задушить нашу Советскую республику и заковать трудящихся в тяжелые цепи политического рабства и экономической эксплоатации. С другой стороны, этот палач рабочих и крестьян хочет сорвать наши мирные переговоры с Польшей; благодаря частичным успехам Врангеля ненавидящая Советскую страну белогвардейская бандитская Польша затягивает мирные переговоры, надеясь при помощи наступающего сейчас Врангеля задушить республику Рабочих и Крестьянских Советов. Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, дело мира и судьба исстрадавшихся крестьян и рабочих России в ваших руках. Советская республика ждет от вас исполнения вашего долга, призывает к новым боевым подвигам, ненавистник трудящихся, черный Врангель, должен быть разбит. Смерть врагам крестьян и рабочих! Да здравствует власть Советов! Да здравствует доблестная защитница всех трудящихся — Красная армия! Да здравствует близкая и окончательная победа! Вперед!

Командарм: Авксентьевский. Зам. члена Реввоенсовета: Кузембский. Начпоарм 6: Романов. 078/сек.

Телеграмма главкома командарму от 10 октября 1920 г., № 1319/п. [2])

(Указание о необходимости постановки определенной задачи для 6 армии.)

По обстановке, изложенной в вашем разговоре, напрашивается мысль, что Врангель стремится соединиться с повстанцами в районе Кривого Рога с целью отрезать 6 армию.

При этих условиях, и если обстановка рисуется в том же виде и вам, необходимо принять определенное решение о действиях 6 армии, так как, упустив время, вы окажетесь в обстановке, лишающей вас возможности осуществить намечавшийся удар. Удар 6 армии в настоящее время, может быть, не обещает решительных результатов, но он должен сорвать операцию Врангеля. Во всяком случае 6 армия не может быть оставлена пассивной зрительницей при назревающей, по всей видимости, решительной операции Врангеля.

Главком: С. Каменев. Военком: Клим. Наштаревсовет: Лебедев.

---

[1]) ЦАКА, д. № 23—449, л. 46.
[2]) ЦАКА, д. № 417—686/а, л. 19.

Телеграмма врид. наштаюж Паука командарму 2 конной от 13 октября 1920 г., № 108/сек. 382/оп.[1]).

(Приказание Фрунзе произвести удар общей массой конницы в направлении на Ушкалку, в тыл группе противника у Грушевки.)

По докладу командарма 6, первая стр. и 21 кавдивизии отошли на правый берег Бузулук, оставив Шолохово и Александровка и продолжая дальнейший отход на Апостолово и Каменка. Противник силою до полуторы тысячи сабель наступает в направлении на ст. Ток, стремясь охватить левый фланг армии. Командюж приказал решительно и быстро провести в жизнь его последнюю директиву об ударе конной массой и в общем направлении на Ушкалка в тыл группе противника, находящейся в районе Грушевка. Командюж обращает также ваше внимание на медленность исполнения его приказов, плохую связь вашего полештарма с частями и лично с вами, а также на плохую боевую связь с соседней 6 армией, которая не чувствует вашей помощи.

Врид. наштаюж: П а у к а. Военком: М а л и н о в с к и й.

Разговор по прямому проводу командарма 6 с командюжем от 13 октября 1920 г.[2]).

(О боевых действиях в районе Каховки.)

У аппарата начоперупр. Федоров. 2 ч. 27 мин. 13/X.20.

[Ф р у н з е.] — Говорит командюж: передайте командарму мое приказание, чтобы завтрашний же день самыми энергичными действиями ликвидировать противника в районе Грушевка, Ушкалка, где по всем данным никакого корпуса нет. Требую проявления решительности, которая у командного состава частей, действующих в этом районе, совершенно отсутствует. 2) Перегруппировку центра и правого фланга задержать. В районе Хортица Марковская дивизия нами окончательно разбита, и бой вечером шел на линии Хортица—Канцеровка. Противник перешел в контрнаступление против восточного нашего участка по всему фронту от Бердянска до Ново-Николаевки, куда, очевидно, перебросил кубанцев. Все. Ф р у н з е.

[Ф е д о р о в.] — Слушаюсь, немедленно все доложу командарму. 2 часа 33 мин. 13/X.

[Ф р у н з е.] — Передать Миронову от моего имени категорическое требование тоже развить самую решительную деятельность. Все. Ф р у н з е.

[Ф е д о р о в.] — Слушаюсь, будет исполнено срочно. Ф е д о р о в.

[А в к с е н т ь е в с к и й.] — Здравия желаю, Михаил Васильевич. У аппарата я, Авксентьевский, слушаю вас.

[Ф р у н з е.] — Добрый день, Константин Алексеевич. Надеюсь, что этот день действительно будет добрым для вас с 6 армией. Если чутье меня не обманывает, то противник под Каховкой уже захлебывается в своих атаках. Теперь необходимо энергичное контрнаступление с нашей стороны, и день кончится блестяще. Подтяните все ближайшие резервы и при первой возможности днем в момент боя или же, во всяком случае, ночью нанесите стремительный контрудар. Судя по вашей

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 350.
[2]) ЦАКА, д. № 46 –843, лл. 113—119.

сводке, на левом фланге вашей армии пока ничего угрожающего нет. Командарму 2 еще раз сейчас передал по прямому проводу, что на нем лежит ответственность за судьбу вашего фланга. Дивизии 2 армии сейчас подобрались, связь между собой установили и начали развивать энергичную работу. Дела под Хортицей прекрасны, мы атакуем Нижнюю Хортицу, т. е. последнее прикрытие противника на правом берегу, и в то же время форсировали Речица и вступили на Хортицу. Несмотря на наличие здесь лучшей пехоты Врангеля, бой решился целиком в нашу пользу; от Марковской дивизии уцелели жалкие остатки; корниловцы также понесли огромные потери. После ликвидации дела здесь главные силы группы на подводах бросаю на помощь вам в направлении на Никополь. На восточном участке дал приказ отходить, стараясь сохранить живую силу. Спешно подготовляю новую группу и, если только у вас кончится благополучно, то не позднее конца месяца Врангелю будет нанесен решительный удар. Передайте привет Блюхеру и его славным войскам, они сейчас решают судьбу всей кампании. Все. Фрунзе.

[Авксентьевский.] — Как докладывал раньше, за доблесть своих дивизий в значительной степени уверен, ибо предыдущий месяц напряженной работы дал возможность убедить и командиров, и красноармейцев в нашей окончательной победе. Докладываю лично: частные успехи на фронте нашей армии стоят нам очень дорого. Последние пять дней, начиная с командарма до красноармейца включительно, почти никто не спит. Красноармейцы, разутые и раздетые, кровью своей запечатлевают свою верность защите Республики; докладываю: две бригады 52 дивизии и сегодняшний день три же бригады 52 и 51 дивизий понесли весьма большие потери в личном составе; есть полки, где убитых и раненых в комсоставе до 80%, а у красноармейцев — до 50. Счастлив доложить, что дивизии почти не дают пленных, и за наш счет Врангель не пополнится. К настоящему моменту обстановка такова: 15 дивизии приказано — и полтора часа тому назад она уже начала, — не считаясь с жертвами, согласно моего приказа, переправляться для занятия Корсунского монастыря, имея задачей в дальнейшем двигаться на Британы, дабы не дать противнику использовать сводно-гвардейский полк против Каховского плацдарма. На Каховском плацдарме упорные бои еще продолжаются. Учитывая благоприятную для нас обстановку и некоторое расстройство в частях наступающего противника, я приказал уже час тому назад перейти в энергичное контрнаступление. Блюхер доносит, что его части, выполняя приказ, уже перешли в наступление и ударная огневая бригада правым флангом подходит к х. Коробка, что примерно в пятистах шагах от основной линии. 151 бригада также продвигается вместе с ударной, главным образом левым флангом. Вся имеющаяся в наличии кавалерия — пять эскадронов — выслана в обход правому флангу противника и в данный момент ведет бой в районе х. Зеленый. Противник по наступающим частям бьет сильным артиллерийским и ружейным огнем. Более подробных сведений пока не имеем. В данное время противник под прикрытием уцелевших танков и бронемашин атакует, принимая все меры к тому, чтобы вывести подбитые нами танки. Все же, по докладу Блюхера, два танка уже находятся в наших руках. Я приказал принять исключительные меры к недопущению противника увезти подбитые танки. Со слов захваченного офицера одного из танковых отрядов выяснилось, что противни-

ком в бой было введено 12 танков и более этого числа бронемашин. Приходится сожалеть, что у меня нет на плацдарме солидной кавалерийской единицы, при ее наличии, несомненно, все танки и подбитые бронемашины были бы наши. Ваш привет тов. Блюхеру и красноармейцам дивизии наверное смогу передать лично сегодня. Что касается левого фланга армии на участке 52, 13 дивизии и отдельной кавбригады, то и там положение к настоящему моменту заметно улучшилось. Наконец, 2 конная очнулась, начала оказывать своим наступлением в общем направлении на Перевозное Губуново нам значительную помощь. Почувствовавши ее два часа тому назад, несмотря на большие потери в личном составе у лево-фланговых дивизий, мною отдан категорический приказ перейти в новое и решительное наступление с задачей 52 дивизии: перебросить на левый берег Днепра в районе Нижний Рогачик — полтора-два полка с целью выйти в тыл переправе, что на Ушкалке, дабы не допустить противника безнаказанно отойти под давлением конной армии. Отдельной кавбригаде отдал приказ, и она уже в данный момент повела атаку на противника из района Николайталь на Грушевку—Марьинское с задачей выйти во фланг и тыл частям 6 и 7 пех. дивизий противника. Такова обстановка; штаб Миронова, к сожалению, до сих пор найти не можем. Предположительно он должен находиться в Шолохове; кавбригаде Саблина приказал во что бы то ни стало связаться с ним. Последуют ли от вас какие-либо новые указания? Авксентьевский.

[Фрунзе.] — По сообщению штарма два, атака вашего левого фланга, веденная вчера на Грушевку, была крайне вяла и нерешительна, что позволило противнику обрушиться всеми своими конными массами против правого фланга конармии, ведшего энергичную атаку с севера. Повторяю: 1) подтяните все свободные ближайшие резервы, использовав для этого все перевозочные средства, имеющиеся на местах, и ночью поведите решительное контрнаступление с Каховки, дабы довершить разгром надломленного морально дневной неудачей противника. 2) Атака должна быть ведена всеми наличными силами и с полной решительностью, а не так, как 11 числа. 3) На Рогачик для удара на переправу с юга и юго-запада бросьте не полтора-два полка, ибо это даст нерешительный удар, а все, что удастся вам к рассвету завтрашнего дня подбросить на левый фланг. Для того, чтобы удар всего вашего левого фланга был решающим, — а таковым он может оказаться, — посадите на подводы латдивизию и, держа ее всю в кулаке, направьте на Ушкалку, Бабино или на Грушевку, предпочтительно первое. Если все это будет проведено быстро и энергично, то мы захватим все, что находится на правом берегу. Если технически сосредоточение латдивизи к исходному пункту невозможно сегодня, то сделать это завтрашний день. Изложенное считайте приказом, директива будет дана дополнительно. Сегодня отправляю вам пять тысяч шинелей, завтра ожидаю еще; надеюсь, что к двадцатому у вас будут обуты и одеты. Все. Фрунзе.

[Авксентьевский.] — Докладываю: все резервы правого фланга и центра введены в бой. Сейчас выезжаю к Блюхеру, дабы там издать приказ, более детально ознакомившись с обстановкой. Что касается латдивизии, то она сегодня к вечеру лишь должна сосредоточиваться в районе Архангельское—Ново-Архангельская. Абсолютно все подводы этого района уже полностью мобилизованы для вывоза раненых, подвоза патронов, снарядов и продовольствия; ведь дивизии своих

обозов почти не имеют. Два полка — это самое большее, что начдив 52 сможет бросить на Ушкалку с юга, переправив их на левый берег. Во исполнение имеющей быть отданной вами директивы начдиву латдивизии прикажу принять исключительные меры — на подводах и форсированным маршем сосредоточить латдивизию для наступления в общем направлении на Марьинское, Грушевка и, пожалуй, одну бригаду в район Большие Гирлы для наступления по плавням во фланг могущему отступать противнику. К сожалению, почти уверен, что латдивизия даже завтра к вечеру едва ли может сосредоточиться в указанных районах; в отношении латдивизии у меня один день пропал, ибо одно время вы приказали было задержать перегруппировку в центре. Можно еще в район Марьинское бросить 38 бригаду 13 дивизии из Апостолово на Марьинское же, что я и сделаю, а латдивизия, к сожалению, опоздает, несмотря на всю энергию. Остальные ваши указания принимаю к исполнению, через час полагаю выехать на плацдарм, связь последнего прочная. Если вопросов больше не имеете, до свиданья. Авксентьевский.

[Фрунзе.] — Время на левом фланге еще терпит; думаю, что с ударом через Рогачик на Ушкалку вы не опоздаете, если нанесете его в ночь на послезавтра. В Грушевско-Марьинском районе действуйте тем, что есть, а решающий удар нанесете с прибытием латдивизии. Повторяю, что удар на Ушкалка с юга должен быть нанесен такими силами, которые дадут верный успех. Все. Фрунзе.

[Авксентьевский.] — До свидания.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 6, 13, 2 конной, комгруппы Левандовскому от 14 октября 1920 г., № 118/с. 390/оп.[1]).

(О переходе в общее контрнаступление в связи с сбстановкой на Каховском плацдарме.)

Сегодня с утра противник перешел в наступление на Каховский плацдарм; в результате упорных боев наши части были вынуждены оставить внешнюю линию обороны плацдарма. Все дальнейшие атаки противника отбиты, причем последний понес большие потери живой силой, и впереди нашего расположения подбито семь танков и много бронемашин. Бои в районе Грушевки продолжаются. В районе Александровска нами совершенно уничтожен 3 Марковский полк. Наши части ведут наступление на Нижнюю Хортицу.

Приказываю:

1) Командарму 6 использовать неудачу противника у Каховского плацдарма и довершить разгром морально надломленных сил его. Подтянуть все свободные ближайшие резервы и не позже ночи на пятнадцатое октября перейти в энергичное контрнаступление с Каховского плацдарма. Атака должна быть ведена всеми наличными силами и с полной решительностью. На левом фланге армии после окончания перегруппировки, не позже ночи на шестнадцатое октября, решительно атаковать противника в районе Грушевки. Дабы не дать ему возможность отойти на левый берег Днепра, выслать часть сил достаточной мощности в направлении на Ушкалка для захвата переправ противника.

2) Задача второй конармии прежняя.

[1]) ЦАКА, д. № 417—685/а., л. 19.

3) Правобережной группе 13 армии закончить ликвидацию противника на Алектандровских переправах, после чего главные силы группы быстро бросить на Никополь и в тыл Грушевской группе противника.

4) Левобережным частям 13 армии и группе тов. Левандовского задача прежняя.

5) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: Малиновский. Врид. наштаюж: Паука.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 6, 13, 2 конной комгруппы Левандовскому от 15 октября 1920 г., № 0131/сек. 426/оп. [1]).

(О подготовке армий к общему наступлению.)

Приказываю:

1) Командарму 6 срочно привести части в порядок и пополнить. Навести третью переправу через Днепр в районе Каховского плацдарма. Исправить и обеспечить за нами захваченную у противника переправу в районе Каиры Сев. и Ниж. Рогачик. Последняя переправа должна быть наведена и обеспечена обязательно Армии быть готовой к общему наступлению не позже 24 октября; к этому времени сосредоточить ударные части армии в районе Каховки, держа наблюдение по остальной линии фронта.

2) Командарму 2 конной срочно привести части в порядок и пополнить. Не позднее 20 октября закончить устройство переправы через Днепр в районе Никополь, обеспечив ее занятием плацдарма по линии Б. Знаменка — Днепровка — Ивановское. Армии быть готовой к общему наступлению не позднее 22 октября; к этому времени сосредоточить части в районе переправы. Одновременно заготовить средства для устройства переправы демонстративного характера в районах Ушкалка, Беленькое или в других местах по усмотрению командарма. Подготовку этих последних переправ вести с таким расчетом, чтобы они могли сыграть роль переправ вспомогательного характера. Первую стрелковую дивизию с получением сего передать в распоряжение командарма 6.

3) Командарму 13 срочно привести части в порядок и пополнить. Армии быть готовой к общему наступлению не позже 22 октября. С 24 часов 16 октября правобережную группу (3 и 46 стр. дивизии, 85 стр. бригаду и кав. бриг. Кицюка) передать в распоряжение командарма 2 конной.

4) Группу тов. Левандовского с 24 часов 16 октября подчиняю командарму 13.

5) С 24 часов 16 октября устанавливаю разграничительные линии: между 6 и 2 кон. армиями: Ново Воронцовка — ст. Апостолово — ст. Карнаватка — Лозоватка — р. Ингулец — Александрия, все пункты включительно для 2 конармии. Между 2 кон. и 13 армиями: Васильевка — р. Днепр — р. Самара — Ново-Московск — Константиноград, все пункты включительно для 13 армии. Остальные разграничительные линии прежние.

6) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Врид. наштаюж: Паука.

([1]) ЦАКА д. № 417—685/а, лл. 22—24.

Разговор по прямому проводу командюжа с командармом 6 17 октября 1920 г.[1]).

(О ликвидации противника в районе Каховского плацдарма.)

[Авксентьевский.] — Здесь командарм. Здравия желаю, Михаил Васильевич; простите, что задержался, час тому назад вернулся с плацдарма из района боевых действий. Слушаю ваши приказания.

[Фрунзе.] — Здравствуйте, Константин Алексеевич. Скажите, когда предполагаете закончить каховскую операцию, как велики потери. Мне кажется, что надо кончать, дабы успеть подготовиться к нанесению окончательного удара. Кроме того, я опасаюсь несколько возможности прибытия на помощь конницы. Фрунзе.

[Авксентьевский.] — Говоря откровенно, я уже эту серьезную операцию в значительной степени выполнил. У нас с вами расхождение в отношении протекающей каховской операции; по последним вашим сообщениям, вы склонны видеть в ней глубокие поиски, раньше вы упоминали о коротком ударе. Лично я, пользуясь благоприятной обстановкой после неудавшегося штурма Каховского плацдарма, решил уничтожить в той степени, в какой представится возможным, все то, что могло бы стать преградой при нашем решительном наступлении на Перекоп, и думаю, что удалось достигнуть многого. В общих чертах могу доложить вам, что бои сначала во время атаки противника, а затем при нашей контратаке, превратившейся в яростное наступление, дали блестящие результаты. К моменту нашего разговора во время трехдневных боев нами подбито 9 танков, десятый противник сжег сам по заявлению пленных офицеров танкового дивизиона; у комкора 2 армейского Витковского остались лишь два танка. Кроме танков, подбито до полдюжины броневиков. Я считаю, все эти танки и броневики в более сильной степени уничтожали бы мои дивизии, когда мы пошли бы на Перекоп. Сегодня лично осматривал танки на поле боя: пять из них и по выходе частей на укрепленные позиции останутся в наших руках, остальные четыре танка и две тяжелые бронемашины приказал взорвать сегодня ночью, ибо с отходом нашей пехоты противник двумя здоровыми танками смог бы их утащить к себе и починить. Точное проведение задуманной операции частями дивизии, проделанное на этот раз без малейшей осечки, привело также при наступлении в правый фланг 34 дивизии противника и ее тыл к тому, что эта дивизия, можно сказать, полностью смята.

Позволил в значительной степени потрепать и 13 дивизию корпуса Витковского. К сожалению, непрерывавшиеся бои не дают возможности точно учесть трофеи. Пока есть лишь отдельные сведения; например, в Натальино захвачено двести восемьдесят пленных солдат, 44 офицера, два орудия и много других трофеев; 153 бригада также имеет много трофеев в пленных и материальной части; пулеметов вообще захвачено не менее семидесяти, масса подбита у противника как тяжелой, так и легкой артиллерии. Пленных, несомненно, тоже наберется порядочно. Все это говорю к тому, что при новом наступлении растрепанный 2 арм. корпус Витковского никакого сопротивления [не окажет], и, стало быть, те потери в личном составе, которые понесли наступавшие части, не являются затраченными нецелесообразно. В данный момент нами уже занято Натальино, Черная Долина, Черень-

[1]) ЦАКА, д. 46—843, лл. 140—144.

ка, Британы, и к вечеру противник, окончательно сломленный на его левом фланге, отступает в полном беспорядке. Крайне малочисленную конницу (350 сабель) пустил из Натальино на хут. Балтазаровский для движения в северо-западном направлении с целью отобрать артиллерию у отступающего противника на юг от Британы. Все пехотные части приказал отводить на плацдарм, ибо, по всем данным и главным образом по результатам воздушной разведки, три тысячи сабель, остатки разгромленных трех дивизий противника 2 конной армией, уже появились сегодня к вечеру в районе одна колонна Рубановка, другая — Ниж. Серагозы. Согласно разведки, это пять полков бывшего корпуса Барбовича и Терско-Астраханская бригада и как будто Уманская, Кубанская дивизия; по сведениям подводчиков, вместе с конницей якобы идет до тысячи штыков пехоты, — наверное, 6 и 7 пехдивизии. Эти гости, возвращающиеся к своим старым местам, повелительно и заставили меня возвратить 51 дивизию на плацдарм. Не теряю надежды, что наша маленькая конная группа в течение завтрашнего дня еще успеет что-нибудь сделать, а к вечеру также завтра, вернее. сегодня часов в 20, вернется также на плацдарм. Бои были чрезвычайно ожесточенными, красноармейцы дрались великолепно; можете сами судить: 12 танков и тринадцать бронемашин, брошенные в одно и то же время на плацдарм. Ведь это, пожалуй, первый и последний случай трехлетней гражданской войны. Один из танков был взят несколькими красноармейцами забросанный ручными гранатами по открытии в нем дверки. Уверен, что завтра к вечеру все части будут выведены из боя.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 15 октября 1920 г., № 17 уд-с[1]).

(Об обстановке на фронте за период с 8 по 15 октября 1920 г.)

Докладываю обстановку на фронте за истекшую неделю. С рассветом 8 переправой на правый берег Днепра у Хортицы своих лучших ударных частей Врангель начал выполнение большого стратегического плана, сулившего при удаче полный разгром нашей ударной группы и делавшего [его] хозяином всего Черноморского побережья. В результате 7-дневных ожесточенных боев по всей линии фронта план этот ныне потерпел полное крушение. Возможность врангелевского удара и именно в той обстановке и направлениях, как это произошло фактически, нами была учтена заранее, и соответствующие предупредительные меры были приняты. В связи с нашим нажимом с востока меры эти увенчались 14 октября крупными успехами наших войск. В районе Марьинское—Грушевка — станция Ток нами разбито три кавалерийских и две пехотных дивизии, и противник в панике начал отход на левый берег Днепра, неся большие материальные потери. Веденная в этот же день фронтальная атака на Каховский плацдарм тоже окончилась поражением противника. Несмотря на ввод в бой 12 танков, 14 бронемашин и тяжелой артиллерии, наши войска удар выдержали и, перейдя в контрнаступление, отбросили противника в исходные позиции. Всего за этот день нами взято, по приблизительному подсчету, около 20 орудий, 7 танков, много пулеметов и прочее. Целиком уничтожено несколько пехотных полков. Наше преследование к пере-

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 54.

правам продолжается. Эта неудача, несомненно, является началом крушения Врангеля. Не позднее, чем через неделю начнется наше общее наступление, и сомнения в его победоносном исходе у меня нет. Наш отход на восточном участке совершается согласно моего приказа в видах сохранения живой силы и способности к переходу в решительное наступление. Главная задержка в развитии операций происходит из-за железных дорог. В силу недостатка топлива ряд эшелонов стоит на путях. Надеюсь, что и в этом отношении, благодаря принятым по соглашению с гражданскими органами мерам, положение улучшится.

Командюж: Фрунзе.

Приказ командюжа Фрунзе по армиям южного фронта от 18 октября 1920 г., № 505 [1]).

(О политическом и стратегическом взаимодействии польского и врангелевского фронтов и важности наших успехов на врангелевском фронте.)

В средине августа текущего года Красные полки западного фронта подошли вплотную к Варшаве. Они стремились сюда к центру польской шляхетчины, борясь за завоевание мира родной стране. В средине августа там шли решающие бои, и в это же время французский наймит Врангель ударил по войскам крымского участка с юга. Вслед за первым ударом он наносит ряд других, давших ему значительные успехи. В основе этих ударов лежал простой расчет: пользуясь отвлечением наших сил на запад, разбить по частям стоявшие против него полки, а затем, опираясь на помощь западноевропейских разбойников, попытаться наложить свое баронское ярмо на Россию.

В начале октября, окрыленный первыми успехами, он пытается разбить наиболее сильные наши части, стягивавшиеся в ударную группу за Днепром. С рассвета 8 октября лучшие врангелевские дивизии переправляются сразу в нескольких местах через Днепр и обрушиваются на наши полки, 7 дней идут кровопролитные бои, — наконец, исход их определяется. 14 октября под нашим дружным напором враг бежит, потерпев полное и решительное поражение. Этот день является днем перелома в общем ходе нашей борьбы с Врангелем. В этот день благодаря героизму, проявленному всеми армиями фронта, положено начало разгрому крымской контрреволюции. Отмечаю особо доблестное поведение частей 46 и приданных ей — 85 бригады, 3 дивизии, кавбригады тов. Кицюка и бригады курсантов, которые, под общим командованием начдива 46 тов. Федько, первые расстроили план врага, смяв дружным ударом Марковскую дивизию, создав этим угрозу александровским переправам противника и отвлекши на себя часть сил, предназначенных противником для дальнейшего развития успеха в решающем Никопольско-Грушевском направлении. Считаю долгом отметить дальше выдающуюся доблесть молодых конных полков 2 армии, выказавших в открытом бою с крупными кавалерийскими частями врага высокие боевые достоинства. После первых моментов смущения перед неожиданным напором врага они быстро стянулись в ударную массу, и тяжко раздался удар конного молота по зарвавшемуся врагу. Совместно с лево-фланговыми частями 6 армии в результате этого удара наша конница опрокинула и сбросила в Днепр все, что успело переправиться на правый берег. Подчеркиваю также выдающуюся

[1]) ЦАКА, д. № 52—975, л. 157.

доблесть всех частей 6 армии, своим левым флангом громивших неустанно врага на левом берегу, а центром — сдерживавших его яростный удар по Каховскому плацдарму. На этом последнем участке геройские войска 6 армии, под общей командой тов. Блюхера, не только отбили атаку врага, веденную при помощи 14 танков и 15 бронемашин, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей. Наконец, отмечаю отличное мужество, проявленное всеми остальными войсками 13 армии и группы тов. Левандовского, которые дружным ударом с востока отвлекли внимание и силы врага на себя и тем помогли одержать блестящую победу нашему правому флангу. В итоге боевых действий за это время мы добились определенного перелома в общем ходе борьбы. Инициатива у врага вырвана, ему нанесен крупный материальный ущерб, обеспечена возможность нанесения нашего ответного и решающего удара. Начало разгрома положено; теперь остается его завершить. Нет ни малейшего сомнения в том, что это будет нами сделано, и сделано в кратчайший срок. Именем республики объявляю войскам фронта благодарность за их проявленное мужество и поздравляю с первыми крупными успехами. Уверен, что в результате нашей дальнейшей работы участь Врангеля будет решена, и Красные знамена взовьются на Крымских высотах, этом последнем убежище российской контрреволюции.

Смело и бодро вперед!

Нанесите последний решающий удар!

Вперед — настал час великой и славной победы!

Да здравствуют красные полки армий южфронта и их окончательная победа над врагом!

Командующий фронтом: Михаил Фрунзе-Михайлов.

Член Революц. Военного совета: Сергей Гусев.

Телеграмма В. И. Ленина М. В. Фрунзе от 17 октября 1920 г., № 954[1]).

(О необходимости тщательной подготовки для того, чтобы на плечах противника войти в Крым.)

Получил от Гусева большие восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма; помните, что надо, во что бы то ни стало, на плечах противника войти в Крым; готовьтесь обстоятельнее. Проверьте, изучены ли все переходы в брод для взятия Крыма.

Ленин.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 18 октября 1920 г., № 32[2]):

(О стратегических и тактических успехах наших войск и о подготовительных мерах к овладению перешейками.)

На вашу № 954 докладываю: наш успех на фронте 6 и 2 конной армий, несомненно, имеет значение перелома. Операция, предпринятая Врангелем, имела очень широкий размах и при удаче грозила нам фактическим уничтожением всех живых сил фронта. Таким образом

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 87.

[2]) Там же, л. 90.

крушение этого плана означает и начало стратегического крушения Врангеля. Что касается наших тактических успехов, то и они очень значительны. Помимо взятых нами крупных трофеев, мы окончательно обеспечили возможность дальнейших ударов с нашей стороны. Сказанное не исключает возможности в ближайшие дни новых попыток Врангеля разорвать стягивающееся вокруг него кольцо. В частности, особую опасность представляет в этом отношении возможность удара на север (район Павлограда), где происходит сосредоточение нашей новой ударной группы. Но и эта опасность мною учтена, и ряд предохранительных мер принят. Досадно то, что процесс сосредоточения совершается значительно медленнее предположенного; так, например, за два последних дня совершенно не поступило эшелонов 30 дивизии, идущей из Сибири, тогда как по плану должно было прибывать 6 в сутки. В конечном счете на положение дел смотрю уверенно, больше всего опасаюсь наступления непогоды, но все меры к овладению перешейком тоже принимаются.

Фрунзе.

Телеграмма командюжа Фрунзе командарму 2 конной от 18 октября 1920 г., № 473/оп.[1]).

(О необходимости форсировать Днепр в районе Никополя с целью отвлечь внимание противника от формируемой ударной группы.)

Ввиду возможности удара противника в северном направлении на Павлоград с целью помешать сосредоточению нашей ударной группы, необходимо отвлечь внимание противника к его левому флангу и сковать его волю, для чего категорически приказываю выполнить мои указания, данные ранее, и форсировать Днепр в районе Никополя для занятия плацдарма и прикрытия переправы не позднее 20 октября. Переправа должна быть совершена силами, вполне обеспечивающими быстрый и решительный успех.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: С. Гусев. Врид. наштаюж: Паука.

Директива командюжа Фрунзе командармам 6, 13, 2 конной от 19 октября 1920 г., № 0163/сек. 507/оп. № 82/ш.[2]).

(Общие соображения по предстоящей операции — ликвидации армий Врангеля и занятию перешейков.)

Сообщаю для личного сведения командармов и для проведения предварительных перегруппировок общие соображения по предстоящей операции:

1) Ставлю армиям фронта задачу разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров, и захватить перешейки. Во исполнение этой общей задачи правобережные армии должны отрезать противнику пути отступления в Крым и наступлением на восток разбить резервы армии Врангеля в районе Мелитополя. Задача левобережных армий — своими действиями привлечь возможно больше сил на свой фронт, не дав противнику возможности своевременно оттянуть таковые из-под удара в тыл нашими армиями правого берега Днепра.

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 375.
[2]) Там же, д. № 417—685/а, лл. 25—29.

2) Если противник не заставит нас начать раньше активные действия, то по времени распределяю задачи между армиями следующим образом: для отвлечения внимания противника сразу на восточный участок наступление начинает 13 армия (предположительно 25 октября). Через день (26 октября) — группа Александровского направления. Еще через день или два (27 или 28) — армии правого берега Днепра.

3) Задача 6 армии: оставив на Днепре для наблюдения и обеспечения переправ не более одной дивизии, остальные силы армии (не менее четырех дивизий) сгруппировать для решительного удара в направлении на Перекоп и Сальково, имея при наступлении одну дивизию в резерве и одну уступом за правым флангом 1 конармии. В частности к началу наступления на Каховском плацдарме из четырех дивизий, предназначенных для наступления, должно быть сосредоточено не менее трех. Отдельную кавбригаду подготовить для рейда в Перекопском направлении с задачею отрезать с тыла район Чаплинки, если обстановка позволит, захватить Перекоп. Всей армии стремиться овладеть Крымскими перешейками на плечах отступающего противника.

4) Задача 2 конной армии: до начала общего наступления (27 октября) комбинированными переправами у Ниж. Рогачика и Никополя обеспечить себе к 27 октября исходное положение на левом берегу Днепра. Дальнейшая задача армии — энергичным наступлением в юго-восточном и восточном направлениях, войдя правым флангом в связь с 1 конармией, разбить группирующиеся на фронте армии силы противника и выйти в район ст. Федоровка — Михайловка — Васильевка, имея в виду в дальнейшем ударом в тыл Александровской и Пологской группе противника довершить его разгром.

5) Задача 1 конармии: в ночь на 26 октября сосредоточиться на правом берегу Днепра, в ближайших к переправам деревнях, где расположиться совершенно скрытно. Командарму 6 заблаговременно учесть приход 1 конной армии и своевременно освободить необходимые ей деревни.

В ночь на 27 конармии переправиться на левый берег Днепра и быстрым движением выйти в район — северная оконечность оз. Молочное — ст. Федоровка, разгромить группирующиеся здесь резервы противника и, отрезав противнику пути отступления в Крым, преследовать его до полного уничтожения.

6) Задача группы Александровского направления и 13 армии — энергичными действиями с первого дня наступления сковать на своем фронте противника, не дав ему возможности оттянуть часть сил для обеспечения отхода в Крым, и дальнейшим наступлением разбить его и опрокинуть на 1 и 2 конармии. При этом командарму 13 объединить кавдивизии в одну группу и поставить ей задачу движением в направлении на ст. Федоровка войти в связь с 1 и 2 конармиями, довершить окружение противника и содействовать его уничтожению. Командарму 13 учесть, что 23 стр. дивизия будет передана в состав Александровской группы, а в состав армии включена партизанская армия Махно.

7) Намечаю разграничительные линии: между 6 и 2 кон. армиями — прежняя и далее Верх. Рогачик — Веселое. Между 2 конной и группой Александровского направления: теперешняя граница с 13 армией.

Между группой Александровского направления и 13 армией: ст. Ульяновка — Орехов — ст. Федоровка.

8) О получении донести.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: С. Гусев. Врид. наштаюж: Паука.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 19 октября 1920 г., № 38 уд-с. [1]).

(Об обстановке на фронте.)

За истекшие трое суток на фронте в общем затишье. Мы продолжаем усиленную подготовку к решительному наступлению. Противник же, обессиленный и обескураженный последним поражением на правобережьи, видимо, не имеет сил для развития сколько-нибудь серьезных активных операций и только занят приведением себя в порядок и подготовкой к встрече нашего удара. Теперь я уже боюсь не того, что он нанесет нам в том или ином направлении удар, а того, что он начнет отход с ныне занимаемых рубежей за линию Мелитопольских укрепленных позиций. После неудачной попытки разгрома нашей ударной группы, на мой взгляд, это у него единственный целесообразный выход. Для нас же это будет крупнейшей неприятностью, ибо даст ему возможность отсиживаться от нажима с севера и востока на укрепленных позициях пехотными частями, бросить все конные массы на запад и обеспечить, если не победу, то отход в Крым. Другой неприятностью является перемена погоды: уже второй день идет дождь со снегом, и это чрезвычайно осложняет наши задачи. В связи с задержками сосредоточения начало общего наступления намечено примерно на 25 число. Ближайшие дни покажут намерения противника и выяснят окончательно обстановку. Настроение частей в общем приподнятое, несмотря на невыполненные еще пробелы в обмундировании. В успехе предстоящих боев на участке к северу от перешейков не сомневаюсь. Что же касается овладения Крымом, то думаю, что это явится специально тяжелой для нас задачей, на подготовку разрешения которой надо величайшее внимание.

Фрунзе.

Приказ командюжа Фрунзе по войскам южного фронта от 20 октября 1920 г., № 0174/сек. 535/оп. [2]).

(О блестящем рейде 5 кавдивизии.)

Для отвлечения сил противника, группировавшегося в районе Цареконстантиновка—Розовка—Берестовое и теснившего части морской и 2 дондивизий, в тыл противнику была брошена 5 кавдивизия. Выступив 14 октября из ст. Новоспасовская, дивизия решительно и быстро вышла в тыл противнику через Мануиловка и Б. Токмак, здесь рассеяла караульные части и при лихом налете на ст. Б. Токмак уничтожила склад снарядов, сожгла 6 аэропланов и 3 броневика противника; здесь же был зарублен генерал Богаевский, донской атаман, и захвачен генерал Топилин, убитый при возвращении конницы. Расстройство и паника в тылу противника охватила весь Мелитопольский район. Для унитожения лихой дивизии противник стал спешно снимать

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 96.
[2]) Там же, д. № 46—846, л. 21.

с фронта свою конницу и пехоту. Из Б. Токмака дивизия, пройдя южнее Орехова через Святодуховку, 18 октября прибыла в Н. Каракуба, пройдя за четверо суток более 250 верст. На обратном пути дивизия под Федоровкой отбросила конницу противника, пытавшуюся преградить дорогу.

Этот блестящий рейд 5 кавдивизии займет одно из первых мест в истории красной конницы. Кроме огромного боевого значения, этот лихой набег доказал, что для красной конницы нет преград, что от ее сабли нет спасения и в глубоком тылу.

От имени РСФСР объявляю благодарность лихим удальцам 5 кавдивизии, давший блестящий пример, на что способна красная конница.

Побольше отваги и решимости, побольше таких славных подвигов, — и армию Врангеля не спасут ни пространство, ни укрепленные позиции.

Да здравствует доблестная красная конница и ее командиры! Да здравствует геройская 5 кавдивизия!

Командюжфронта: Михаил Фрунзе-Михайлов. Член РВС: С. Гусев.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 13 и Повстанческой Махно от 21 октября 1920 г., № 0191/сек. 581/оп. [1]).

(Указание задачи — не допустить скрытого отхода армии Врангеля на Мелитопольские позиции.)

Ряд сведений говорит о начавшемся отходе главных сил противника в район Александровск—Пологи и дальше на Мелитопольские позиции. Перегруппировка производится под прикрытием арьергардных частей. Приказываю путем выдвижения вперед авангардных частей и глубокими поисками проверить вышеуказанные сведения; разбивая арьергады противника, воспрепятствовать производящейся им перегруппировке. Для чего:

1) Командарму 13 немедленно выдвинуться передовыми частями на линию: Христофоровка—р. Янчур — Ново-Успеновка — Приют — р. Кобыльна — ст. Розовка — Темрюк — ст. Стародубовская — р. Берда, ст. Петровская. К югу и западу от этой линии продолжать производить глубокую разведку. Частями 23 стр. дивизии и группой бронепоезда с рассветом 22 октября перейти в наступление в общем направлении на Славгород с задачей разбить арьергард противника в Славгороде, Новогупуловке.

2) Командарму Повстанческой в ночь с 21 на 22 октября выступить из района сосредоточения и, двигаясь форсированным маршем, обойти вышеуказанную группу противника с востока в общем направлении на Янцево—Софиевка, отрезать бронепоезда противника и ударом с тыла разгромить его. В дальнейшем продолжать выполнение задачи, поставленной моей директивой 0190/сек. 580/оп.

3) Ферганский интернациональный кавполк, прибывающий на ст. Синельниково, временно подчиняя вам, подчиняю начдиву 23.

4) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: Гусев. Врид. начштаюж: Паука.

---

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 397.

Приказ командюжа Фрунзе по армиям южного фронта от 22 октября 1920 г., № 0203/сек. 706/оп.[1]).

(О сформировании 4 армии.)

1) С 24 час. 22 октября 30 и сводную стр. дивизии резерва фронта выделяю в состав новой, 4 армии.

2) Командарму 13 с этого же времени передать в распоряжение командарма 4 23 дивизию с приданными ей частями.

3) Командарму 4 генштаба тов. Лазаревичу вступить в командование указанными выше частями с 24 час. 22 октября. Продолжая выполнение поставленной мной задачи № 0191/сек. 581/оп., главными силами армии к 24 октября выйти на линию ст. Илларионово — ст. Раздоры — Воскресенское.

4) Устанавливаю разграничительные линии между 2 конной и 4 армиями: Скелька — Александровск — р. Днепр — р. Самара — Ново-Московск — Константиноград; все включительно для 4 армии. Между 4 и 13 армиями: ст. Федоровка—Орехов—Васильевка, что [на] 3 версты западнее ст. Ульяновка, — ст. Радуево; все включительно для 13 армии.

5) Командарму 4 с полештармом с получением сего выехать на ст. Лозовая.

6) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: М. Фрунзе. Врид. наштаюж: Паука.

Доклад командарма 13 командюжу от 23 октября 1920 г., № 09606/оп.[2]).

(О мероприятиях, необходимых для достижения успеха при занятии Перекопа.)

У аппарата ответственный дежурный комиссар по штабу Плужников: сию [минуту] ждите.

[Уборевич.] — У аппарата Уборевич. Примите секретный доклад командюжу тов. Фрунзе и члену Реввоенсовета тов. Гусеву на № 163/сек. 507/оп. 92/ш. и № 860. Славянск, 22 часа 50 минут 22 октября, карта 10 верст в дюйме. Осмелюсь доложить нижеследующее: по всем данным надо полагать, что противник при общем наступлении армии южфронта главные свои силы 1 армии Кутепова отведет на линию укрепленных позиций Васильевка—р. Молочная с тем, чтобы выделить возможно большее число сил в резерв для парирования нашего удара с правого берега Днепра. Атака укреплений противника (которые весьма интенсивно усовершенствуются) не сулит нам быстрого и полного успеха. С другой стороны, не исключена возможность, что противник, выяснив громадное преимущество наших сил на правом берегу Днепра и готовящийся ему удар, не примет сражения и поведет главные свои силы в Крым за перешейки, чтобы начать новые операции на Кубани, на Кавказе, и так далее. Все это диктует нам необходимость сосредоточить на правом берегу настолько превосходные силы, чтобы, одновременно с ударом на Мелитополь, быть в состоянии во что бы ни стало овладеть Перекопским перешейком. Без занятия Перекопа нет занятия нами Крыма и ликвидации Врангеля. В связи с вышеизложенным полагаю, что для занятия Перекопа должна быть выделена сильная ударная группа с большим количеством конницы, которая, прорвав-

[1]) ЦАКА, д. № 417—685/а, л. 32—33.
[2]) Там же, д. № 46—843, лл. 152—153.

шись через расположение 2 корпуса противника в районе Натальино—Кругловой, быстрым движением через хутор 106 Перво-Константиновка овладеет перекопскими укреплениями раньше, чем туда отступят части 2 корпуса противника. Быстрота налета наших частей (хотя бы в составе двух кав. и двух пех. дивизий), приуроченного к ночи, легко может отдать в наши руки укрепления противника, которые, по имеющимся сведениям, охраняются небольшими командами. После занятия Перекопа конница быстро может быть нами использована для дальнейшего наступления на Мелитополь. Без участия рейда крупной конницы вряд ли пехотные части 6 армии смогут занять Перекоп. Весь этот маневр для занятия Перекопа частями 6 и 1 конной армий и вообще вся операция разгрома противника должна быть обеспечена наступлением на Мелитополь нашей Никопольской группой. Никопольская группа должна быть настолько сильна, чтобы не подвергнуться отдельному поражению и быть в состоянии справиться с резервами Врангеля в районе Мелитополя (корпус Барбовича, донская конница, кубанцы и пехота). В намеченном вами составе Никопольская группа не в состоянии будет разрешить эту задачу и могла бы быть усилена частями 30 сводной дивизии и Сибирской бригадой. Опыт прошлых операций против Врангеля показывает нам всю необходимость учесть мною изложенные данные. Более детально изложу свое мнение при личном докладе. Уборевич.

Директива командюжа Фрунзе командармам 4, 6, 13 и 2 конной от 24 октября 1920 г., № 0230/сек. 673/оп. 116/ш. [1]).

(О группировке и задачах армий в предстоящем наступлении южфронта.)

На Днепре противник бдительно охраняет места возможных переправ с нашей стороны. В Александровском направлении частями 23 дивизии и повстанческой армии, перешедшими в наступление 22 октября, разбит заслон противника, причем почти полностью захвачен в плен 4 Дроздовский полк его в числе 4000 человек. 23 октября нами занят Александровск. На фронте 13 армии арьергарды противника группируются — 2 и 3 дондивизии — на линии Гуляй Поле — Цареконстантиновка—Берестовое; 1 дондивизия, повидимому, в резерве в районе Орехов. Главные силы противника, по данным разведки, начали отходить за укрепленные позиции по линии Михайловка—Мелитополь и сосредоточиваются в районе Серагозы — Менчекур — Мелитополь. Не исключена возможность удара противника по Каховскому плацдарму с целью нарушить нашу подготовку к наступлению с этого плацдарма.

В развитие моей директивы №№ 163/ск./507/оп/82/ш. приказываю:

1) Командарму 6 в ночь с 25 на 26 октября навести переправу через Днепр в районе Ниж. Рогачик и овладеть плацдармом, прикрывающим ее. Продолжать бдительную оборону Каховского плацдарма, учитывая возможность нового удара в этом направлении со стороны противника. К вечеру 27 октября сосредоточить на Каховском плацдарме не менее трех дивизий и кавбригаду, а равно части, предназначенные для охраны каховских переправ. Быть в полной готовности с утра 28 октября перейти в решительное наступление.

2) Командарму 2 конной продолжать энергичную подготовку к фор-

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 472.

сированию Днепра в районе Никополь и решительным ударом в ночь с 25 на 26 октября навести переправу и овладеть плацдармом, прикрывающим ее. Надежнее закрепить за собой плацдарм, имея в виду переход в общее наступление не позднее утра 28 октября. Конницу армии держать в районе Марьинское—Грушевка.

3) Командарму 4 продолжать энергичное преследование разбитых арьергардов противника и не позднее 27 октября выйти на линию Янчокрак—Щербаковка—Орехов исключительно. Быть готовым к дальнейшему стремительному наступлению утром 28 октября для овладения укрепленными позициями противника в районе Васильевка и Михайловка. Армейский резерв не менее одной дивизии держать уступом за левым флангом армии.

4) Командарму Повстанческой продолжать энергичное выполнение поставленной мною ранее задачи и, двигаясь в направлении Орехов—Б. Токмак—Мелитополь и далее, громить тылы противника (штабы, обозы, взять жел. дороги). Разрушить жел. дорогу на участке Мелитополь — ст. Сальково и по возможности не позднее 29 октября овладеть Крымским перешейком.

5) Командарму 13 с утра 25 октября перейти в наступление, разбить части донкорпуса противника и не позднее 27 выйти на линию Орехов—Пологи—Верхний Токмак—Нотайск. Армейскую конницу держать сосредоточенной на правом фланге армии и использовать ее для удара во фланг и тыл отдельным группам противника, двинуть ее в общем направлении Гуляй Поле—Белогорье—Вербовое—Очеретоватый. После выхода армии на вышеуказанную линию передать 42 стр. дивизию в распоряжение командарма 4. Армии быть готовой продолжать решительное наступление с утра 28 октября.

6) Командарму 1 конной к вечеру 27 октября сосредоточить армию вблизи каховских переправ, не далее полуперехода от мостов. Принять особые меры для скрытого перехода и сосредоточения. В конечном районе занять деревни по соглашению с командармом 6. Установить надежную связь со мной.

7) Устанавливаю разграничительные линии: между Приморским укрепрайоном и 6 армией — прежняя. Между 6 и 2 конармиями — прежняя. Между 2 конной и 4 армиями — прежняя. Между 4 и 13 армиями — прежняя, а по выходе на линию Орехов—Пологи, — ст. Межевая, Гуляй Поле, Вербовое, ст. Федоровка.

8) О получении и распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: С. Гусев. Врид. наштаюж: Паука.

Приказ по войскам южного фронта от 26 октября 1920 г., № 002/п.[1]).

(О группировке и задачах армий в выполнении общего задания не допустить отхода противника в Крым и концентрическим наступлением всех армий уничтожить его главные силы.)

Противник на Александровском, Волновахском и Мариупольском направлениях продолжает отход на линию мелитопольских укрепленных позиций. В районе Рубановка—Верх. Рогачик—Б. Белозерка—Веселое отмечено присутствие главных сил 1 армейского корпуса, снятых

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, лл. 429—430.

с Александровского участка. Перед фронтом 13 армии было установлено присутствие всех частей донкорпуса противника. Перед фронтом 6 армии группировка прежняя, причем танки, бронемашины и часть тяжелой артиллерии отведены противником в Армянский базар. Можно предполагать, что противник начал общий отход в Крым, под прикрытием маневренных арьергардов. Части 4 и 13 армии продолжают наступление согласно моей директивы № 0230/сек. 673/оп., причем к 12 ч. 26 октября нами была занята линия: Ново-Григорьевка — д. Омельник—Богатый—Пологи—Конские Раздоры—Бельманка—Берестовое—Новоспасское. Части 6 и 2 конной с рассветом 26 окт. приступили к наведению переправ в районе Никополь—Нижний Рогачик; последний пункт занят, причем захвачены пленные. Части 1 конной армии к вечеру 27 октября сосредоточиваются в район Бериславля. Войскам фронта ставлю задачу во что бы то ни стало не допустить отхода противника в Крым и согласованным концентрическим наступлением всех армий уничтожить его главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать пути его отхода в Крым и стремиться на плечах бегущих овладеть перешейками. В исполнение чего приказываю:

1) Командармам 13 и 4 продолжать энергичное наступление на запад и юго-запад, сбивая арьергарды противника и не позволяя ему отрываться от нас. Командарму 13, разбив части донского корпуса, не позднее 30 октября, овладеть Мелитопольскими позициями на участке Мелитополь—ст. Федоровка. Армейскую конницу использовать для самого энергичного преследования противника в случае его поражения и отхода. Командарму 4, прорвав дружным ударом линию укрепленных позиций в районе Рейхенфельд — д. Михайловка—Орлянск, выйти не позднее 30 октября на линию М. Белозерка—Тимошевка—ст. Федоровка. На линии Балки—Белозерка войти в связь с частями 2 конармии. Обратить особое внимание на обеспечение своего левого фланга, для чего держать за ним не менее дивизии в резерве. При прорыве укрепленных позиций использовать в полной мере приданные армии броне- и авточасти.

2) Командарму 2 конной, заняв и прочно закрепив плацдарм Б. Знаменка—Днепровка—Елизаветовка, удержать его за собой во что бы то ни стало, с утра 29 октября перейти в энергичное наступление на Серагозы—Калашинская и совместно с 6 и 2 конной армией окружить и уничтожить главные силы противника, группирующиеся в этом районе.

3) Командарму 6, заняв и закрепив плацдарм Нижн. Рогачик—Карайдубина, надежно обеспечить здесь и у Каховки наше исходное положение от активных попыток противника. С утра 28 октября главными силами армии перейти в решительное наступление на юг и разгромить части 2 армии корпуса противника. Ударную группу обеспечить заслоном не менее дивизии, выдвинутой на линию Дмитровка—Константиновка—Горностаевка. Армейскую конницу стремительно бросить на Чаплинку в тыл противника с задачей отрезать ему отступление и на его плечах ворваться в Перекоп. Не менее одной дивизии иметь в резерве. 29 октября левым флангом армии, совместно с 2 конной, перейти в решительное наступление на Рубановка—Серагозы, уничтожая противника, отходящего от Никополя и обеспечивая рейд 1 конной армии.

4) В случае обнаружения общего отхода противника на фронте 2 конной армии с левого фланга командармам 2 и 6 развить решитель-

ное наступление, не стесняя себя указанным выше сроком (29 октября), имея главной целью — не дать противнику уклониться из-под наших ударов.

5) Командарму 1 конной, закончив в ночь 27/28 октября переправу через Днепр у Каховки, стремительным маршем выйти 29 октября на фронт Аскания Нова—Громовка, отрезать противника от перешейков и решительным наступлением с юга Агайман—Серагозы, совместно с 6 и 2 конной, окружить и уничтожить главные силы противника. Иметь в виду при необходимости ударом на Чаплинка оказать содействие коннице 6 армии в разгроме тыла противника. Особо выделенным боковым отрядом перехватить жел. дорогу в районе Ново-Алексеевка.

6) Для энергичного содействия наступлению все авиосредства 6 и 1 армии объединить в руках общего начальника по указанию моего заместителя тов. Авксентьевского.

7) В случае неудачи попытки по овладению Перекопом налетом командарму 6 немедленно приступить к подготовке артиллерийской и инженерной атаки перешейков.

8) Разграничительные линии: а) между 6 и 2 конной армией: Михаельбург — Верх. Рогачик, почт. ст. Серагозы, все для 2 армии включительно; б) между 2 конной и 4 армией: Балки—Менчекур—Калашинская—Калга, все для 2 конной включительно; в) между 4 и 13 армиями: прежняя.

9) О получении приказа срочно донести.

Командюжфронта: Фрунзе.

Приказ по войскам 6 армии от 27 октября 1920 г., № 48/0139/сек. [1]).

(Призыв к армии напрячь все силы, чтобы не допустить Врангеля уйти за Перекоп в Крым.)

Республика требует от нас, красноармейцы, командиры и комиссары, решительных действий: Врангель должен быть уничтожен в кратчайший срок. Уничтожить баронскую орду мы можем быстро и с наименьшими потерями только в том случае, если мы не дадим ей уйти за Перекоп в Крым; поэтому в ближайшие дни мы не должны считаться с голодом и с холодом, ни с усталостью, ни со смертельной опасностью. В эти ближайшие дни решается участь Врангеля и судьба нашей великой измученной Советской республики. Весь мир смотрит сейчас с напряжением на нас, на бойцов южного фронта, на всех славных бойцов 6 армии, весь мир ждет исхода начинающейся борьбы. Буржуазия ждет с тревогой и ужасом, пролетарии — с надеждой на нашу победу. Мы должны исполнить требование всей рабоче-крестьянской страны, оправдать надежду трудящихся всего мира, но обмануть самые черные ожидания буржуазии Франции, Англии и разгромить крупные войска царского генерала Врангеля. Армиям южного фронта приказано перейти в наступление. На шестую армию выпадает важнейшая задача. Революционный военный совет 6 армии поздравляет товарищей красноармейцев, командиров и комиссаров и ждет от них исполнения своего долга перед страной.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах и отдельных частях не позже 24 часов 27 октября.

Командарм 6: Корк. Члены Реввоенсовета 6: Пятаков. Петерсон.

---

[1]) ЦАКА, д. № 46—845, лл. 51—53.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 26 октября 1920 г., № 001/пш. [1]).

(О переходе южфронта в общее наступление на Врангеля.)

Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 [октября] и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. На немедленный захват перешейков считаю не более 1 шанса из 100. В ночь с 25 на 26 в Апостолове провел совещание командармов, Ревсоветов 6, 2 и 1. Установлена полная согласованность и взаимное понимание. Все разъехались в хорошем настроении. Даны соответствующие директивы в отношении Махно. Сегодня в 20 час. выезжаю в Харьков.

Командюж: Фрунзе.

Апостолово, 26 октября.

(Продолжение следует.)

---

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 122.

Десять лет со дня смерти М. В. Фрунзе

Исполняется десять лет со дня смерти Михаила Васильевича Фрунзе, сыгравшего в истории нашей партии и революционного рабочего движения роль одного из крупнейших организаторов и руководителей как в дореволюционное время, так и при диктатуре пролетариата.

Наша партия доверяла ему ответственнейшие командные посты вплоть до поста народного комиссара по военным и морским делам СССР.

Публикуемые ниже архивные документы (выдержки из обвинительного акта по его делу и доклад министру внутренних дел владимирского губернатора) достаточно ясно рисуют Михаила Васильевича как одного из талантливейших, до конца преданных партии ее работников, пропагандистов, агитаторов и организаторов.

Михаил Васильевич был одним из инициаторов и вдохновителей создания упоминаемого в названных документах Иваново-Вознесенского союза РСДРП, охватившего сетью местных организаций весь Иваново-Вознесенский промышленный район, и одним из его основных руководителей. А в городе Шуе он лично руководил всеми мероприятиями парторганизации (печатание и распространение листовок, руководство боевой дружиной, избирательной кампанией во II Государственную думу и т. д., митингами и всеми выступлениями рабочих).

Отдавая все свои силы партийной работе и самоотверженно руководя рабочим движением, Михаил Васильевич в рабочих массах города Шуи создал себе огромную популярность и авторитет вождя, которые так отчетливо выразились в том единодушном протесте и «крайне повышенном настроении рабочих» и обращении их с жалобой к членам II Госуд. думы — большевикам, о которых говорит в своем докладе министру внутренних дел владимирский губернатор. И хотя требование большевиков — членов II Госуд. думы, вероятно, и дало обратные результаты, только подтвердив, что арестован действительно опасный враг царских властей, тем не менее этот факт важен в том отношении, что он показывает, что рабочая масса делала все, чтобы вырвать попавшего в лапы врагов своего вождя.

Ф. Самойлов.

Донесение владимирского губернатора министру внутренних дел, 27 марта 1907 г., № 1435 [1]).

В дополнение к телеграмме о забастовке рабочих шуйских фабрик и произведенных там беспорядках имею честь донести вашему высокопревосходительству следующее:

Ночью на 24 марта пристав 1 стана Шуйского уезда коллежский асессор Декаполитов, получив сведения, что известный в Шуйско-Ивановской округе агитатор и организатор социал-демократической рабочей партии Арсений находится в г. Шуе, в доме Соколова, немедленно произвел в указанном доме обыск и задержал в нем упомянутого Арсения, который при этом намеревался скрыться и выбежал во двор с двумя револьверами в руках, но был арестован. Кроме этих револь-

[1]) Д. П., VII, 1907 г., д. № 2193, л. 4.

веров, у Арсения было найдено: два карабина Винчестера с патронами, гектограф, несколько экземпляров напечатанного на гектографе устава шуйской организации Российской социал-демократической партии, нелегальная литература, несколько экземпляров отчета Шуйской группы социал-демократической рабочей партии за январь 1907 г. и 81 экземпляр напечатанного в январе месяце в типографии Лимонова в г. Шуе при вооруженном нападении на нее, воззвания к избирателям в Государственную думу.

В то же время тем же приставом, но в другом доме был обнаружен крестьянин д. Баламутовой, Шуйского уезда, Павел Дмитриев Гусев, который бывшим при этом обыске урядником Перловым признан за лицо, стрелявшее в него вечером 21 февраля в г. Шуе около земской больницы. Гусев также арестован, и при нем найдены две книги нелегального содержания, извещение Центрального комитета социал-демократической партии о тактике по отношению Государственной думы, программа партии народной свободы и разная переписка.

Оба эти лица тотчас же были арестованы при шуйском полицейском управлении, где Арсений утром 24 марта заявил исправнику, что все шуйские фабрики встанут и рабочие придут к нему на выручку. Действительно, в 10 часов утра этого дня одна за другой фабрики стали прекращать работы, и рабочие общей массой двинулись к полицейскому управлению, где исправником была уже собрана вся стража. Толпа довольно дерзко потребовала от исправника освобождения Арсения и часть ее была намерена приступить к активным действиям, но исправник, приказав страже изготовиться к бою, предупредил толпу не подходить близко, иначе он откроет огонь и ни под каким видом не допустит освобождения Арсения. Толпа смутилась и отошла саженъ на 200—300, где держалась часа три, ведя переговоры с исправником через своих уполномоченных. Толпа требовала не отправлять Арсения до следующего дня из Шуи, заявив, что они пошлют телеграмму выбранному от рабочих члену Государственной думы Жиделеву. Исправник сказал им, что Арсений до 25 марта отправлен в город Владимир быть не может, и толпа разошлась. Когда фабричные рабочие начали предъявлять требование об освобождении Арсения, то шуйский исправник телеграфировал мне о начавшихся беспорядках и просил о присылке к нему войска, каковое в составе двух рот пехоты из г. Владимира и сотни казаков из Коврова мной и было командировано в Шую. Того же 24 марта мной была получена от членов Государственной думы: Жиделева, Алексинского и Романова телеграмма (в копии при сем прилагаемая) о немедленном расследовании обстоятельств ареста Арсения и об освобождении его, каковая телеграмма мной оставлена без ответа.

25 марта Арсений и Гусев, несмотря на присутствие значительной толпы, без всяких инцидентов и столкновений, отправлены в гор. Владимир и по прибытии заключены в исправительное арестантское отделение. Арестованный Арсений при допросе его 25 марта в г. Шуе товарищем прокурора назвался сыном титулярного советника из гор. Верного, Семиреченской области, Борисом Константиновым Точайским. Арестование Арсения, пользовавшегося у рабочих особой популярностью и являвшегося организатором, произвело на них особое впечатление.

В настоящее время все фабрики работают, настроение рабочих еще крайне повышенное, но они ведут себя спокойно, так что командиро-

ванные в Шую войска надеюсь немедленно вернуть в места их квартирования. Приставу 1 стана Декаполитову за задержание упомянутых лиц мной объявлена благодарность, дознание же по сему делу передано жандармскому надзору и сообщено прокурору Владимирского окружного суда.

Губернатор Сазонов.

Выдержка из обвинительного акта [1]).

В конце 1906 года в фабричном районе Владимирской губернии, обнимающем собой уезды: Иваново-Вознесенский, Шуйский и Вязниковский, стала заметна усиленная агитация среди фабричных рабочих. Во многих фабричных центрах, как, например, в с. Кохме, Юже, в г. Шуе и других очень часто собирались митинги рабочих, после чего рабочие обыкновенно обращались к фабричной администрации с целым рядом требований экономического характера, причем неудовлетворение или же неполное удовлетворение этих требований имело своим последствием частичные или общие забастовки, чины полиции на митинги не допускались, но по агентурным сведениям им удавалось узнавать, что на митингах обыкновенно говорили ораторы в большинстве случаев не из местных рабочих, а приезжие из других городов, преимущественно из Иваново-Вознесенска. В связи с этим, во всех более или менее крупных центрах упомянутого фабричного района появилась масса прокламаций социал-демократической рабочей партии, призывающих рабочих к борьбе с правительством за землю и волю, причем, как на наиболее верное средство, указывалось на вооруженное восстание народа совместно с армией, которую нужно привлечь на свою сторону. Конечным результатом восстания должно было быть ниспровержение правительства, уничтожение самодержавного строя государства, созыв Учредительного собрания и образование демократической республики. Эти прокламации разбрасывались в селах, городах, на проезжих дорогах и находились в большом количестве у лиц, у которых, по тем или иным основаниям, производились обыски. Кроме прокламаций, в большом количестве в том же фабричном районе появилась и литература (книги и брошюры) социал-демократической рабочей партии. Расследованием как по поводу забастовок фабричных рабочих, так и по поводу распространения соц.-демократической литературы и прокламаций, произведенным чинами общей и жандармской полиции, удалось установить, что как то, так и другое, есть дело рук образовавшейся в фабричном районе нелегальной организации, носившей название «Иваново-Вознесенский союз российской социал-демократической рабочей партии». Союз этот разделялся на ряд местных отделов или групп, каковы: Кохомская, Южская, Вязниковская, Тейковская, Шуйская и другие. Руководимые Иваново-Вознесенским союзом, местные организации развивали свою деятельность на местах, причем как вербовку членов этих организаций, так и руководство ее деятельностью взяли на себя приехавшие в эти места члены социал-демократической рабочей партии из Иваново-Вознесенска и других мест. Деятельность этих лиц выражалась главным образом в устной и посредством распространения изданий партии пропаганде ее идей среди рабочих и в убеждении их сорганизоваться и вступить в ряды партии. Для целей пропаганды этими лицами во многих местах были устроены типографии,

[1]) МВОС 1909 г., д. № 491, лл. 6 об.—8.

печатавшие прокламации и брошюры, которые ими же и распространялись среди рабочих. В дальнейшем деятельность их выражалась в образовании местных отделов партии из сознательных фабричных рабочих, причем некоторые из упомянутых отделов насчитывали в своих рядах по нескольку сот членов. С образованием этих организаций началась и их активная деятельность, как-то: предъявление ряда экономических требований, устройство забастовок и митинги с выражением порицания правительству по различным поводам, как, например, по поводу суда над членами II Госуд. думы и пр. Получив эти сведения, шуйская и иваново-вознесенская общая и жандармская полиция направила все свои усилия к обнаружению и задержанию тех членов социал-демократической рабочей партии, которые являлись представителями ее центрального органа, Иваново-Вознесенского союза и тех, которые организовали местные отделы. Последние, по сведениям полиции, не имели определенного местожительства, скрываясь у разных рабочих и имели конспиративные клички, как-то: «Арсений», «Петр», и тому подобные, почему и обнаружение их представляло большие затруднения. Тем не менее с начала 1907 г. по 1909 г. было арестовано несколько десятков из этих лиц, которые, по данным дознаний, а затем и предварительного следствия, оказались вполне изобличенными в принадлежности к социал-демократической рабочей партии и активной деятельности в качестве членов этой партии.

Некоторые даты жизни и деятельности Михаила Васильевича Фрунзе

(По материалам Архива революции за 1885—1914 гг.)

1885 г.

г. Фрунзе (прежде Пишпек).

21 января. М. В. Фрунзе родился в г. Фрунзе в Киргизской республике (прежде г. Пишпек, Семиреченской области).

(Копия метрической выписи. Фонд Петерб. политехнического института, инв. № 282, л. 6).

1904 г.

г. Алма-Ата (прежде г. Верный).

2 июня. Окончил мужскую гимназию в г. Верном «с золотой медалью, имея в аттестате при отличном поведении и прилежании отметку круглое пять по всем без исключения предметам».

(Копия аттестата зрелости.—Там же, л. 4. Письмо министра торговли Тимирязева мин. вн. дел Столыпину от 1 января 1909 г.—Д. П. VII, 1908 г., д. № 2689, л. 11).

12 июня. Подал прошение в Петербургский политехнический институт о зачислении студентом на экономическое отделение.

(Прошение от 12 июня 1904 г.—Фонд. Петерб. политех. института, инв. № 282, л. 3).

г. Петербург.

1 сентября. Зачислен студентом экономического отделения Петерб. политехнического института.

(Свидетельство на право жительства в Петербурге. — Там же, л. 27).

11 декабря. Получил отпуск в г. Москву сроком по 10 января 1905 г.
(Прошение на имя директора Петерб. политех. института от 10 декабря 1904 г. и увольнительный билет от 11 декабря 1904 г. Там же, лл. 16 и 20).

1905 г.

12 февраля. Получил отпуск по 1 сентября 1905 г.
(Прошение на имя директора Петерб. политех. института от 12 февраля 1905 г. — Там же, л. 26).

1905 г.

г. Владимир.

Проживал в г. Владимире.
(Заявление Самохвалова — Д. П., V, 1907 г., д. № 2520, л. 5).
10 октября. Уволен из Петерб. политехнического института за неявку на занятия в осеннем полугодии.
(Уведомление канцелярии Петерб. политех. института от 14 марта 1906 г. — Фонд Петерб. политех. института, инв. № 282, лл. 35 и 36).

г. Иваново-Вознесенск.

29 октября. Арестован вместе с А. С. Бубновым в лесу близ м. Ямы при возвращении со сходки рабочих Иваново-Вознесенска. При аресте отобраны револьвер с 25 патронами, оригиналы прокламаций: «К Иваново-Вознесенским рабочим», «Ко всем рабочим и крестьянам», «О Государственной думе», рукопись: «Развитие революционного движения в г. Иваново-Вознесенске» и др.
(Рапорт и. д. полицейского надзирателя помощнику начальника Владимирского губернского жандармского управления в Иваново-Вознесенске от 30 октября 1905 г. за № 6075 — М. С. П. 1906 г., д. № 1009, лл. 10—11).
31 октября. Допрошен пом. нач. Владимирского губернского жандармского управления в Иваново-Вознесенске и освобожден из-под ареста под подписку о невыезде из г. Казани, которую М. В. Фрунзе избрал своим местом жительства.
(Протокол допроса, постановление и подписка о невыезде от 31 октября 1905 г. — Там же, лл. 20 и 22).

1906—1907 гг.

г. Шуя.

Состоял членом Иваново-Вознесенской окружной организации, а затем и Иваново-Вознесенского союза РСДРП. Приобрел большую популярность среди рабочих Иваново-Вознесенского района, как выдающийся оратор и организатор. Известен был под партийной кличкой «Арсений».
(Донесение владимирского губернатора мин. вн. дел от 27 марта 1907 г. — Д. П., VII, 1907 г., д. № 2173, л. 4).

1906 г.

3 июня. Подал заявление в Петерб. политехнический институт о принятии его вновь.
(Заявление, — Фонд Петерб. политех. института, инв. № 282, л. 37).
8 июня. Был вновь зачислен студентом Петерб. политехнического института. —Там же.)
Декабрь. Получил отсрочку по отбыванию воинской повинности на образование.
(Отношение шлиссельбургского уездно-городского по воинской повинности присут-

ствия в Петерб. политехнический институт от 5 декабря 1906 г. за № 780 — Там же, л. 51).

1917 г.

24 марта. Арестован на квартире в д. Соколова. При аресте взяты: два карабина Винчестера с патронами, гектограф, несколько экземпляров, напечатанного на гектографе устава Шуйской организации РСДРП и отчетов Шуйской группы РСДРП за январь 1907 г.

(Донесение владимирского губернатора мин. вн. дел от 27 марта 1907 г. за № 1435 — Д. П., VII, 1907 г., д. № 2193, л. 4).

24 марта. Рабочие шуйских фабрик забастовали и, собравшись у полицейского управления, потребовали от исправника освобождения «Арсения». (Там же.)

25 марта. Отправлен во владимирское арестантское отделение. (Там же).

г. Владимир.

25 марта. При допросе назвался Борисом Константиновичем Точайским. (Там же.)

21 мая. Сообщил в письме из Владимирской тюрьмы своему брату К. В. Фрунзе, что «имя его открыто, привлекается по 126 ст. и по другому делу по ст. 127, 129, 103. Содержат строго».

(Выписка из перлюстрированного департаментом полиции письма из Владимира от 21 мая 1907 г. на имя земского врача в с. Кривозерки, Чистопольского у., Казанской губ. К. В. Фрунзе. — Д. П., Перлюстрация 1907 г., № 5486).

22 ноября. Уволен из Петерб. политехнического института за неявку на занятия и за невзнос платы за учение.

(Письмо мин. торговли Тимирязева, мин. вн. дел Столыпину от 1 января 1909 г. — Д. П., VII, 1908 г., д. № 2689, л. 11).

1908 г.

г. Владимир.

24 апреля. Привлечен к дознанию по делу о покушении на убийство в г. Шуе конно-полицейского урядника.

(Отношение владимирского губернатора мин. вн. дел от 29 апреля 1908 г., за № 2275 — Д. П., VII, 1908 г., д. № 2689, л. 1).

29 апреля. Владимирский губернатор возбудил ходатайство о передаче дела о покушении на убийство в г. Шуе конно-полицейского урядника на рассмотрение военного суда. (Там же.)

6 мая. Состоялось решение о передаче дела военному суду.

(Телеграмма департамента полиции владимирскому губернатору от 6 мая 1908 г. за № 1368. — Там же, л. 2).

15 сентября. Владимирский губернатор возбудил ходатайство о передаче дела об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП на рассмотрение военного суда.

(Отношение владимирского губернатора мин. вн. дел от 15 сентября 1908 г. за № 4375 — Д. П., VII, 1908 г., д. № 5509, л. 1).

9 октября. Состоялось решение о передаче дела военному суду.

(Телеграмма департамента полиции владимирскому губернатору от 9 октября 1908 г. за № 298? — Д. П., VII, 1908 г., д. № 5509, л. 10).

10 октября. Допрошен судебным следователем по делу о покушении на убийство в г. Шуе конно-полицейского урядника.

(Протокол допроса — Московский военно-окружный суд, 1909 г., д. № 266, лл. 583—586).

1909 г.

23 января. Вручен обвинительный акт по делу о покушении на убийство в г. Шуе конно-полицейского урядника.

(Расписка в получении копии обвинительного акта. — Там же, л. 12).

26 января. Временным военно-окружным судом в г. Владимире приговорен к смертной казни через повешение.

(Приговор врем. воен. суда в г. Владимире. — Там же, л. 58).

5 марта. Решением главного военного суда приговор врем. военного суда в г. Владимире от 26 января 1909 г. отменен, и дело направлено на пересмотр.

(Решение главного военного суда от 5 марта 1909 г. — Там же, л. 64).

8 июня. Вручен обвинительный акт по делу об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП.

(Расписка в получении копии обвинительного акта от 8 июня 1909 г. — МВОС 1909 г., д. № 491, л. 54).

26 августа. Дело об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП было передано на доследование.

(Отношение МВОС в штаб Моск. военного округа от 22 сентября 1909 г., за № 9095. — Там же, л. 296).

8 декабря. Вручен обвинительный акт по делу об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП.

(Расписка в получении копии обвинительного акта от 8 декабря 1909 г. — Там же, л. 120).

1910 г.

5—10 февраля. Временным военным судом в г. Владимире приговорен за принадлежность к Иваново-Вознесенскому союзу РСДРП к каторжным работам на 4 года.

(Приговор врем. воен. суда в г. Владимире от 10 февраля 1910 г. — МВОС 1909 г., д. № 491, л. 396).

22 сентября. Временным военным судом в г. Владимире как соучастник покушения на убийство конно-полицейского урядника приговорен к смертной казни через повешение.

(Приговор врем. воен. суда в г. Владимире от 22 сентября 1910 г. — МВОС, 1909 г., д. № 266, л. 392).

7 октября. Командующим войсками Моск. воен. округа смертная казнь заменена ссылкой в каторжные работы на 6 лет по совокупности с приговором врем. воен. суда в г. Владимире от 10 февраля 1910 г.

(Там же.)

1912 г.

4 июня. Переведен из Владимирской каторжной тюрьмы в Николаевскую каторжную тюрьму.

(Донесение начальника Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 3 апреля 1915 г. за № 541. — Д. П., о. о. 1915 г. д. № 9. ч. 13, Б. л. 1).

1914 г.

Иркутск губ.

Весна. М. В. Фрунзе был освобожден из Николаевской каторжной тюрьмы и отправлен на поселение в с. Манзурка, Верхоленского уезда, Иркутской губ.

(Письмо Ф. от 25 октября 1914 г. в с. Манзурку, Верхоленского уезда, К. В. Фрунзе. — Д. П., о. о., 1914 г., д. № 343, отд. 3, л. 145).

Буланжизм и царская дипломатия

Донесения царских дипломатов из Парижа за 1885—1890 гг. дают немало интересного материала для освещения истории буланжизма. Движение, связанное с именем генерала Буланже (1886—1889 гг.), является не только историческим эпизодом классовой борьбы внутри Франции, — оно не лишено интереса и как один из значительных моментов внешней политики, точнее, истории франко-русского союза. В том и другом отношении донесения барона Моренгейма и Коцебу из Парижа в Петербург могут помочь нам разобраться в некоторых характерных чертах движения, возглавляемого нашумевшим в свое время авантюристом, генералом Буланже.

Буланжизм был, по словам Лафарга, «бессознательным, но тревожным и грозным проявлением болезненного состояния общества и недовольства обездоленных классов, утративших свои иллюзии, потерявших веру в слова и дело парламентских республиканцев». Недовольство масс было использовано крупной реакционной буржуазией. Буланже, выступивший вначале, как «республиканский генерал», вскоре стал представителем монархических клик, объявивших в союзе с националистами войну республике во имя военной диктатуры [1]).

В своих последних работах немецкие «историки»-фашисты пытаются изобразить буланжизм как эпизод неудавшегося фашистского движения во Франции. Таким образом вспомнить об этом историческом эпизоде имеет смысл и с точки зрения интересов классовой борьбы сегодняшнего дня [2]).

В 1885 г. Франция переживала глубокий экономический и политический кризис. Кризис этот начался собственно еще в начале десятилетия, после падения министерства Гамбетты (1882 г.). Гамбетта, этот «некоронованный король» буржуазных республиканцев, придя к власти во главе министерства «концентрации», поставил себе целью объединить интересы различных групп буржуазии во имя классовой политики. Гамбетта понимал, что эту политику можно вести, только опираясь на широкие народные массы. В его программе социальная демагогия была одним из наиболее популярных пунктов. Теоретик и практик республиканского оппортунизма, Гамбетта стремился ослабить конфликт внутри буржуазного класса путем взаимных уступок. В годы формирования империалистической политики попытка Гамбетты окончилась неудачей.

На смену Гамбетте пришло министерство Жюля Ферри, объявившего колониальную политику основной программой государственной власти. 12 мая 1881 г. тунисский бей подписал в Бордо договор, отдавший страну под протекторат Франции. Ферри стремился также к завоеванию Индо-Китая. Первые кредиты на тонкинскую экспедицию были вотированы в 1884 г. Предполагали необходимым для этого предприятия израсходовать 50 миллионов франков и 6 тыс. солдат, но тонкинская экспедиция обошлась Франции в ½ миллиарда и 25 тыс.

---

[1]) По истории буланжизма см.: Fr. Laur, «L'époque Boulangiste», t. I, 1912. Mermeix «Les coulisses du Boulangisme», 1890. J. Jaurès, «Histoire socialiste». t. XII.

[2]) См. книгу: W. Frank: «Nationalismus und Demokratie in Frankreich der 3. Republik», 1933.

погибших солдат. Но и этого оказалось недостаточно. 20 марта 1885 г. парижане узнали о неудаче французских войск под Ланг-Соном. Министерство «Ферри-тонкинца» пало 30 марта 1885 г. От имени радикальной оппозиции Клемансо заявил с трибуны палаты: «Все споры между нами окончены, мы не хотим больше вас слушать, не хотим рассуждать с вами о великих интересах страны, мы вас больше не знаем и не хотим знать... Вы больше не министры, а обвиняемые,—да, обвиняемые в государственной измене, на которых скоро опустится рука закона, если только принцип правосудия существует во Франции». Первая глава империалистической политики 3-й республики была закончена.

Падение «Ферри-тонкинца», неудача которого заставила французскую буржуазию забыть его заслуги, за которые еще так недавно она его превозносила как реформатора и отца светской школьной системы, встречено было широкими кругами народных масс с радостью. Энгельс писал Бебелю 4 апреля 1885 г.: «Вообще же дела на свете идут отлично. 1885 г. начался превосходно. Во Франции—падение Ферри, провал руководимой биржевыми спекулянтами колониальной политики, предстоят перевыборы на основании нового избирательного закона. К тому же в Париже царит доведенное до крайности возбуждение, спровоцированное алчностью и бездарностью господствующей буржуазии и гнусностью полиции, которой разрешается все — любая подлость, лишь бы она держала в уезде массы...» [1]). Предстояла победа радикала Кремансо. Это было бы торжеством мелкой буржуазии, что дало бы возможность, как утверждал Энгельс в этом же письме, парижским рабочим быстро освободиться от радикально-республиканских иллюзий и вступить на путь самостоятельного рабочего движения.

Политическое оживление, которое началось во Франции в 1885 г., было связано с мировым экономическим кризисом, точнее, с экономической депрессией целого десятилетия. Об этой «хронической» депрессии Энгельс в письме к Вишневецкой писал: «Раз есть три страны (скажем, Англия, Америка и Германия), состязающиеся в сравнительно равных условиях за овладение м и р о в ы м р ы н к о м, то получится уже не случайное, а хроническое перепроизводство, так как каждая из этих трех стран в отдельности в состоянии выбросить на рынок все потребное количество товаров. Вот почему я слежу за развитием нынешнего кризиса с бо́льшим интересом, чем когда-либо, и вот почему я думаю, что это составит эпоху в истории умственного и политического развития английского и американского рабочего класса, — а присоединение к ним того и другого настолько же безусловно необходимо, насколько и желательно» [2]).

Депрессия охватила и Францию. 8 февраля 1886 г. в письме к Даниэльсону в Петербург Энгельс писал, что конкурентами промышленной монополии выступают не только Америка и Германия, но и Франция, и он приходит к выводу, что если в половине XIX века, когда «монополия, принадлежала одной великой промышленной державе (Англии), кризис происходил каждые 10 лет», то теперь, когда на арену мировой конкуренции выступает уже не одна, а четыре державы, кризисы должны происходить гораздо чаще, т. е., как писал Энгельс, «по существу кризис без конца» [3]).

Об экономическом положении Франции в эти годы говорит следующая сравнительная таблица. Если мы примем торговый индекс 1891—1900 гг. за сто, то он составлял в 1880 г. 111, в 1883 г.—107, в 1885 г. он упал до 93, в 1886 г. — до 96, в 1887 г. — до 94, в 1888 г. — до 95 и только в 1889 г. поднялся вновь до 104. Экономический кризис неизбежно породил рост рабочего

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXVII, стр. 457—458.
[2]) Там же, письмо от 3 февраля 1886 г., стр. 531.
[3]) Там же, стр. 535.

движения. Во Франции высоко поднялась стачечная волна. В 1880 г. официальная статистика исчисляла число стачек 65-ю с 28 526 участниками, в 1882 г. число стачек возросло до 182 с количеством участников 42 156, в 1890—313 стачек и 118 941 участников [1]). Впрочем в годы буланжистского движения забастовочная волна как будто спала; буланжизм был средством в руках буржуазии для отвлечения рабочих масс от их непосредственных классовых интересов. Неудача буланжизма, как мы увидим дальше, была неудачей французской буржуазии.

1885—1889 гг. — годы оживления политического движения, годы борьбы мелкобуржуазных радикалов и социалистов за влияние на рабочий класс. Победа французских рабочих на выборах 1885 г. была, таким образом, победой интернационального значения. «Французская парламентская рабочая партия, — писал Энгельс Бернштейну в Цюрих,—крупное историческое событие и большое счастье для Германии. В Берлине это кое-кого здорово подтолкнет» [2]). Выступление рабочего класса было не только парламентской победой. Крупные стачки, как знаменитая стачка в Деказевилле в 1885 г., были великолепной школой революционной борьбы для рабочих. Стачка в Деказевилле, как известно, имела еще и то значение, что она показала возможность вовлечения армии в революционную борьбу.

Но палата депутатов, среди которых многие и многие были замешаны в самых грязных спекуляциях, оказалась в руках республиканцев-оппортунистов, не способных к решительным действиям и всячески старавшихся прикрыть преступления буржуазного правительства. Одно министерство сменялось другим. Ни одно не существовало больше нескольких месяцев. Финансовая и промышленная буржуазия — подлинный хозяин страны — всеми силами и средствами стремилась к диктатуре. Политические затруднения буржуазного режима были в известном смысле лучшей обстановкой для расцвета спекулятивных операций и казнокрадства.

Что касается внешнеполитических сил, то Германия и Россия, каждая, исходя из своих интересов, были довольны и стремились использовать политические затруднения республиканского правительства. Бисмарк поддерживал французскую республику в том виде, в каком она существовала в 80-х годах, так как анархия была гарантией мира и слабости соседа. Бисмарк писал принцу Рейсу: «Я вижу в существовании республики если и не гарантию мира, то во всяком случае надежду на длительную внутреннюю слабость республики, а отсюда ослабление ее боеспособности» [3]). С подобным положением дел вынуждены были считаться также дипломаты Александра III при решении вопроса о своей внешнеполитической ориентации.

После падения кабинета Ферри, в начале 1886 г. министерство перешло в руки Фрейсине. Оно стояло у власти около года. Среди министров этого кабинета особое место занял военный министр генерал Буланже. Это был новый человек в политике, ему исполнилось 49 лет. Окончив военную Сен-Сирскую школу, Буланже служил подпоручиком в Алжире, принимал участие в итальянской войне 1859 г. В 1860 г. он был отправлен в Кохинхину и оттуда вернулся капитаном. Он принимал участие в войне 1870 г., был в числе тех, кто подавлял Парижскую коммуну и, наконец, в 1880 г., благодаря покровительству герцога Омальского получил чин бригадного генерала и в 1884 г. отправился во главе экспедиции в Тунис, откуда вскоре должен был удалиться по причинам, мало лестным для генерала.

---

[1]) E. Levasseur, «Histoire de commerce de la France», p. 615.
[2]) Маркс и Энгельс. Собр. соч. т. XXVII, стр. 541.
[3]) Chlodwig Hohenlohe, «Denkwürdigkeiten», B. II.

В министерство Фрейсине он попал как ставленник Клемансо. С давних пор повелось, что французская буржуазная партия имела своего ставленника генерала. Таковыми были Мак-Магон, Галифе, Буланже. Буланже должен был во славу радикальной политики очистить армию от монархистов. Фрейсине в июне 1886 г. изгнал из Франции претендентов на престол, Буланже изгнал принцев из армии. Он стал заметной силой в правительстве. Военный министр начал играть роль и во внутренней политике Франции. Его положение не было поколеблено даже опубликованием в августе 1886 г. его двух писем к герцогу Омальскому, в которых генерал выражал свое желание быть слугой орлеанского претендента [1]). Впрочем не только радикалы во главе с Клемансо, но и матерые черносотенцы, возглавляемые Деруледом, не раз стремились использовать саблю Буланже для своих политических целей.

Немецкие и русские дипломаты-осведомители самым внимательным образом следили за карьерой Буланже. В ноябре 1885 г. Моренгейм писал Гирсу о положении дел во Франции: «Определенный сдвиг страны вправо и не менее выявившийся сдвиг правительства влево, т. е. Франция и республика движутся в противоположные стороны. Если это расхождение не приведет непременно в скором времени к резкому разрыву, все же не может быть сомнения в том, что оно создает напряженность положения. Доведенное до крайности, оно сделает функционирование республиканских учреждений невозможным и даже поставит под вопрос существование самого режима, отвергаемого по причине его слабости все более возрастающей массой интересов» [2]). Моренгейм предупреждает царя и его министра, что нет основания надеяться на установление во Франции стабильного правительства, потому что даже монархический переворот был бы лишь «очередной сменой режимов».

Примерно так же оценивала положение дел и немецкая дипломатия. Граф Мюнстер писал Вильгельму: «Шум, беспорядок, которые я встретил в стране в момент моего появления, с трудом могут быть описаны. Трудно себе представить, как сенаторы и депутаты покрывают друг друга грязью. Президента называют канальей...» [3]).

В депеше от 3 июля 1886 г. Коцебу описывает путешествие по провинции, которое Буланже предпринял вместе с радикальными министрами для «республиканской пропаганды. Повсюду Буланже приветствовали как генерала-гражданина, он пытался возбудить «патриотизм молодежи». Коцебу утверждает, что Буланже встречали с триумфом. «Страна ждет искупителя, — писал он, — который избавит ее от правительства парламентских говорунов. Если Буланже возьмет на себя эту роль, она будет за ним признана». Таково было впечатление и дипломатов, с которыми Коцебу имел случай беседовать.

Коцебу отмечал, что с особым вниманием следят за карьерой Буланже в Германии. Немецкие дипломаты и представители армии равно утверждали, что Буланже «энергичен, честолюбив, что он совершенно лишен совести и готов рисковать Францией, если это только поможет ему стать диктатором». Коцебу пугает Гирса, сообщая ему сведения о том, что Германия вооружается, что она угрожает Франции. Он предупреждает его, что угроза военной диктатуры во Франции может породить конфликт между двумя странами и что этот конфликт — дело ближайших дней.

Правда, спустя некоторое время Коцебу успокаивает Гирса, отмечая перемену в поведении генерала Буланже. Из этого же письма (от 17 июля 1886 г.) мы узнаем, что Фрейсине держал русского дипломата в курсе французской внут-

---

[1]) J. Reinach, «L'affaire boulangiste».
[2]) Донесение от 4 ноября 1885 г., № 50.
[3]) По книге В. Франка: «Nationalismus und Demokratie, S. 147. Из неопублик. документов политического архива мин. ин. дел в Берлине и Потсдаме.

ренней политики, высказывая ему свои соображения и информируя его о деятельности генерала Буланже.

С тревогой Коцебу сообщает в Петербург о намерении Буланже в день 14 июля продемонстрировать волю Франции к реваншу. Коцебу сообщает: «Я должен признать, что военный министр на великолепном вороном коне выглядел прекрасно. С его воинственной, немного театральной осанкой он создан, чтобы импонировать толпе». Для Коцебу ясно, что правительство покровительствует демонстративному поведению генерала. Буланже выполняет волю Клемансо, но Фрейсине не сопротивляется его деятельности. С согласия этого последнего генерал Буланже в палате требовал лишения герцога Омальского военного чина, что, по мнению Коцебу, «лишило Буланже уважения порядочных людей, но непорядочных людей бесконечно больше, и я должен отметить, что позиция Буланже, увеличивая его известность, настолько укрепила его положение, что снова пробудилось опасение, не стремится ли он к диктатуре». На этом письме читатель найдет царскую помету: «Вот что значит во Франции человек с волей и энергичный. Из французов можно сделать что угодно, и весьма может быть, что Буланже сделается полнейшим диктатором. Остается сожалеть, что личность военного министра такая скверная: радикал и человек без убеждений и традиций».

Впрочем последнее было безусловно поправимо: Буланже мог легко переменить свои «радикальные» убеждения и стать монархистом.

В то время, как немцы с опасением и явным недоверием наблюдали за деятельностью генерала, популярность которого зиждилась на лозунге реванша, русские правительственные круги с интересом ждали дальнейшего развития событий. Александр III, как мы видели, даже мечтал о диктатуре Буланже.

Французская буржуазия решала в это время вопрос, перенести ли центр тяжести своей политики на колониальную политику или вступить в неравный бой с Германией. В те же годы большое значение приобрел еще один фактор первостепенной важности: Россия нуждалась в кредитах. После поражения колониальной политики Ферри французский капитал устремился на русский рынок. Осложнения русско-германских отношений из-за Болгарии, как в свое время показал М. Н. Покровский, заставили Германию сделать все для того, чтобы лишить Россию необходимых финансовых средств на усмирение болгарских повстанцев. Имперский немецкий банк перестал принимать в залог долговые обязательства русского правительства. Частные банки бойкотировали русские ценности. В это время нашлись банкиры, которые под видом «патриотизма» и во имя русско-французского сближения готовы были разместить свободные французские капиталы в России. Говоря словами М. Н. Покровского: «Русский крестьянин, когда из него выколачивали недоимки, должен теперь утешать себя мыслью, что деньги за отнятую корову пойдут хотя отчасти в дружеский карман».

В 1886 г. тенденции руссофильской внешней политики Франции только начали проявляться. В последующие два года они дали себя знать гораздо более реально. Французская буржуазия готова была пойти на любые жертвы, чтобы добиться симпатии царя.

Когда в 1887 г. Флоке, — тому самому Флоке, который в дни молодости встретил русского императора криком «Да здравствует Польша», — было поручено составить кабинет, то от этого в последнюю минуту все же отказались, лишь бы только не рассердить царя. Вместо Флоке во главе кабинета стал Рувье, а управление иностранными делами в угоду царю было передано Флурансу. В 1888 г. русское правительство пошло на уступки. Моренгейм принял, наконец, Флоке, образовавшего кабинет в 1889 г. Сделано это было под угрозой войны с Австрией и Германией из-за Болгарии.

Годы буланжизма были годами колебаний для дипломатии Германии, Франции и России. Эти колебания дали себя знать уже в 1887 г. Энгельс отмечает это в письме к жене Бебеля 12 марта 1887 г.: «В течение всей осени и зимы русская и прусская дипломатии старались вызвать локализированную войну и избежать европейской. Русские охотно раздавили бы в одиночку Австрию, а пруссаки—Францию с тем, чтобы другие страны оставались зрителями. К сожалению, эти благожелательные устремления взаимно перекрещивались таким образом, что тот, кто выступил бы первым, вызвал бы всеобщую мировую войну..., а мировой пожар внушает им все-таки некоторый страх, так как последствий его невозможно рассчитать заранее и даже прусской или русской армии он оказался бы не по силам» [1]).

Ближайшие два года разрядили эту атмосферу тем, что сблизили Россию и Францию и отсрочили наступление мировой войны на несколько десятилетий. Здесь не место выяснять вопрос о том, как это случилось. Нам важно только подчеркнуть, что в этой неопределенной, но чреватой мировой войной международной обстановке исторический эпизод с генералом Буланже сыграл свою роль, как показатель кризиса международных отношений. Буланже попытался направить внешнюю политику Франции в новое русло. Ведя борьбу с буланжизмом, с его программой «социальной демагогии» и военной диктатуры, с идеей немедленного осуществления реванша, французская республиканская буржуазия вместе с тем заимствовала идею Гамбетты и французских реакционеров о франко-русском союзе и осуществила эту идею, раздавив предварительно генерала Буланже и буланжизм.

Мы оставили изложение успехов буланжистской агитации на событиях лета 1886 г., когда националисты во главе с Деруледом и его лигой присоединились к радикалам в их агитации за генерала. Дерулед отправился в путешествие в Италию, Грецию, Россию и Скандинавию, чтобы убедить иностранные правительства в необходимости переворота. Особое значение имела его поездка в Россию. Здесь он посетил Каткова и Победоносцева, стремясь с их помощью воздействовать на царя и его министра. Деруледа активно поддерживала группа русских реакционеров. Генерал Обручев взял на себя защиту дела Буланже. Бюлов писал 8 сентября 1886 г. из Петербурга, что некоторые круги русских правительственных деятелей и журналистов надеются, что французский военный министр сыграет роль Бонапарта: «Сторонники Буланже в России убеждают всех, что когда Германия будет раздавлена Францией, России удастся победить Австрию» [2]).

Но русскому правительству пришлось считаться, во-первых, с тем, что Буланже еще далеко не был победителем во Франции, что его карьера была проблематична и, во-вторых, с тем, что немцы относились к деятельности Буланже с острой подозрительностью. Немецкий военный агент писал в Берлин осенью 1886 г.: «Генерал Буланже и идея реванша так тесно связаны друг с другом, что один не может существовать без другой, и только в их единстве, благодаря их взаимному влиянию на массы они могут добиться популярности».

Вот почему русская дипломатия проявила, несмотря на свои скрытые симпатии к Буланже, осторожность. 13 февраля 1887 г. Моренгейм сообщает Гирсу, что Буланже вел переговоры с французским атташе в Петербурге и просил его передать письмо царю. Флуранс тотчас же сообщил об этом председателю совета министров, требуя принятия мер, запрещающих отдельным министрам сноситься с иностранными правительствами. Председатель кабинета Гобле созвал совет под председательством президента. Дело принимало серьезный оборот. Флу-

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XXVII, стр. 622—269.
[2]) Франк, цит. соч., стр. 159.

ранс был до того испуган, что в беседе с Моренгеймом отозвался о генерале Буланже, как о «человеке непостоянном и скомпрометированном». Больше того, он заявил русскому послу, что Буланже, т. е. один из крупных французских военачальников, «держится только Германией, создавшей ему репутацию, которой он еще далеко не добился в своей родной стране, — Германией, требование которой об его удалении не решаются выполнить из-за боязни, что в этом могут усмотреть какое-то унижение»...

События во Франции разрастались, и Моренгейм, с тревогой наблюдая за развитием дела, писал: «Все это создает чрезвычайно неясное и неустойчивое внутреннее положение, и это в то время, как внешнее положение как на Западе, так и на Востоке продолжает здесь рассматриваться как весьма угрожающее». Французское правительство находится все время под угрозой падения. Царь пишет на полях письма Моренгейма: «Что за плачевное правительство!». Высказываться в духе прежних благожелательных замечаний о Буланже было теперь еще более опасно, чем раньше. Вот почему, когда 1 марта 1887 г. Гирс сообщил Александру III о том, что «Новое время» поместило заметку, в которой рассказано о кружке русских, отправивших генералу Буланже казацкую шашку от имени России, царь с ужасом замечает: «Глупо до крайности». Он согласен с требованием Гирса принять немедленные меры, чтобы задержать выполнение этого решения.

Чем энергичнее становилась деятельность Буланже, тем осторожнее было поведение царской дипломатии, тем более, что вскоре Буланже вынужден был подать в отставку.

18 мая граф Мюнстер писал в Берлин, что французская общественность больше всего интересуется вопросом, будет ли Буланже допущен в новое министерство. В Париже распространился слух, что русский посол барон Моренгейм от имени царя будто бы заявил, что для него изгнание Буланже неприемлемо. Вряд ли это соответствовало действительности. 26 мая в своем письме к Гирсу посол передает об этом слухе, категорически протестуя против предположения, что он имеет какие бы то ни было сношения с Буланже. «Повидимому, это обстоятельство, — пишет русский посол, — побудило президента уполномочить состоящего при нем генерала Брюжера конфиденциально посоветоваться со мной о формировании кабинета ввиду положения, которое следует сохранить в нем за генералом Буланже, и в особенности относительно прихода к власти Флоке». Моренгейм соглашается передать этот вопрос на рассмотрение царя, но дает понять генералу Брюжеру, что комбинация с Буланже не встретит поддержки русского правительства. Что касается Флоке, то он прямо заявил, что его назначение может неблагоприятно отозваться на франко-русских отношениях.

Как известно, 18 июня 1887 г. Бисмарку удалось вновь добиться некоторого соглашения с Россией путем договора, который гарантировал русский нейтралитет на случай войны с Францией. Франция вновь осталась изолированной. Об ее правительстве Бисмарк остроумно заметил: «Теперешнее французское правительство сделало бы все, что оно может, но может оно очень мало». 29 июня министр иностранных дел Флуранс сообщил немецкому послу, что Буланже отправлен командиром 13-го армейского корпуса в Клермон-Ферран, глухую провинцию, где нет больших городов. Флуранс, не стесняясь, заявил немецкому послу, что цель этого назначения — удалить беспокойного генерала, особенно имея в виду празднества 14 июля.

Буланжисты сделали, однако, все, чтобы превратить изгнание генерала в народную демонстрацию. Они угрожали восстанием. Дело кончилось подчинением генерала военной дисциплине. Радикалы, во главе с Клемансо, посте-

менно перестали оказывать ему свою поддержку. Но вскоре новый правительственный кризис вновь выдвинул Буланже на авансцену французской политики. В это время возник «скандал» Вильсона. Разоблачения обнаружили, что Вильсон, зять президента республики, торговал орденами Почетного легиона. Впрочем, этими орденами торговал не только он один, и депутат Жилли с полным основанием мог утверждать, что в бюджетной комиссии из 33 членов по крайней мере «двадцать — Вильсоны». Политический скандал разрастался. Французское правительство тщетно пыталось скрыть следы преступления. Буланже поспешил в Париж, чтобы добиться власти. На время Клемансо от имени радикалов готов был теперь вступить с ним в соглашение.

В ночь с 28 на 29 ноября 1887 г. Фрейсине и Флоке обсуждали вопрос о назначении Буланже военным министром. Правительственный кризис затянулся. Греви вынужден был в декабре подать в отставку. Предстояло избрать нового президента из множества кандидатов. Клемансо бросил лозунг: «Изберем глупейшего». Так стал президентом республики Карно, потомок великого предка. Правительственный кризис окончился, но Буланже в министры не попал, возможно потому, что умеренная республиканская буржуазия с полной очевидностью видела опасность, которую в случае нового бонапартистского переворота представляла для нее революционная активность рабочих масс.

Буланже, который в свое время выдвинулся благодаря поддержке герцога Омальского, в конце 1887 г. вновь затеял переговоры с представителями монархических кругов, явно стремясь порвать с радикалами, не способными оказать ему необходимую поддержку. 2 января 1888 г. Буланже вместе с бонапартистским журналистом Тибо отправляется в Швейцарию для переговоров с Жеромом Наполеоном, будучи уже связанным в то же самое время с орлеанистами через фабриканта-машиностроителя Диллона, для которого все это движение представляло лишь благоприятную обстановку финансовых комбинаций. Монархистская герцогиня Юзес внесла в кассу Буланже несколько миллионов франков. Таким образом, не порывая окончательно с радикалами, имея за собой даже некоторые группы бланкистов, Буланже одновременно опирался на монархическую буржуазию, волю которой он выполнял. Радикалы не могли использовать Буланже, и он стал орудием роялистов.

26 февраля 1888 г. на дополнительных выборах в палату депутатов генерал получил в нескольких департаментах огромное большинство голосов. Новые успехи Буланже поразили дипломатов. Немецкий атташе писал: «Страх так велик, что в правительственных кругах пытаются обмануть себя, утверждая, что буланжизм исчез, а генерал забыт». 14 марта 1888 г. Буланже был лишен командования и, вынужденный подать в отставку, получил право быть избранным в палату депутатов. Он явился в Париж, где стал во главе «Республиканского комитета национального протеста». В палате он образовал новую фракцию из отколовшихся от радикалов и правых. Политическая платформа новой партии буланжистов сводилась к требованию роспуска палаты, ревизии конституции и созыва учредительного собрания.

Партия буланжистов готова была прибегнуть к заговору, к любому путчу, но до поры до времени предпочитала готовиться к всеобщим выборам 1889 г. Успехи этой партии были столь разительны, что немецкий посол писал в Берлин: «Движение за Буланже и страх перед ним усиливаются с часа на час». Моренгейм, сообщая в это время о событиях во Франции, превозносит парламентскую победу Гувье и восторгается поражением Буланже, как поражением радикалов. Он утверждает в своих донесениях, что «неожиданным и благодетельным последствием правительственного конфликта была расправа, учиненная по заслугам над знаменитым генералом Буланже». Он не щадит красок, чтобы изобра-

зить павшего «диктатора». Его радует даже национальный праздник 14 июля, который окончился поражением для Буланже. Но он с ужасом отмечает, что среди демонстрантов-буланжистов были и русские, в том числе «некий Загуляев», представитель «Нового времени» [1]). Загуляев оказался активным участником буланжистского движения и предложил пройтись с русским флагом перед статуей Страсбурга. Моренгейм в том же письме [2]) отмечает, что «какой-то русский» выступил с речью, называя Буланже «французским Скобелевым». Моренгейма пугает эта активность русских сторонников Буланже. Он требует борьбы с Загуляевым и другими.

В августе 1887 г. Моренгейм посылает секретную телеграмму Гирсу в связи с поездкой Деруледа в Россию. Он передает просьбу французского правительства помешать агитации Деруледа. Царь пересылает это сообщение Долгорукову в Москву. Казалось, звезда Буланже уже закатилась, и так как не было никакого смысла больше поддерживать генерала, то борьба с Деруледом началась во-всю. Гирс докладывает Александру III о поездке Деруледа по России. Царь одобряет отказ министра принять Деруледа.

3 сентября 1887 г. Гирс сообщает Александру III, что Бисмарк жалуется на прием, оказанный Деруледу в Н.-Новгороде, где его приветствовал «сам губернатор». Министр вынужден был успокоить генерала Швейница, немецкого посла, что не следует придавать значения шумихе, созданной вокруг Деруледа. Царь снабдил доклад Гирса пометой: «Странно, что немцы обращают такое внимание на пустословие газет! Кто им верит и кто может придавать серьезное внимание этому вранью». В другом месте [3]) он называет Деруледа «скотом». Казалось бы, что позиции русского царизма и Бисмарка в отношении к Буланже в конце 1887 г. начали совпадать, но это только казалось. Новое возвышение генерала в 1888 г. вызвало новые колебания в политике царского правительства.

1888 год был годом наибольших успехов буланжизма. Несмотря на то, что в палате депутатов буланжисты были ничтожной группой, их политическая роль была значительной. 3 апреля 1888 г. был создан новый кабинет Флоке, в котором министерство иностранных дел получил Гобле. Кабинет прибег к остроумному маневру: он по-своему провел закон о ревизии конституции, что дало возможность сплотиться основным группам республиканской буржуазии. Вместе с тем принятое решение обезоружило радикалов. Но остроумный парламентский ход не мог успокоить растущее недовольство масс. Разочарованные в радикалах, избиратели голосовали за генерала Буланже. 15 апреля происходили выборы в Северном департаменте; Буланже победил республиканского кандидата, получив 172 тыс. голосов против 85 тыс. Характерно, что среди голосующих было немало горнорабочих севера.

Буланжизм мог победить только потому, что социалистические партии были слишком слабы, чтобы возглавить социальное недовольство масс. Демагогия Буланже на короткое время сплотила широкие круги мелкой буржуазии и отсталую часть пролетариев. Немецкие наблюдатели сообщали, что студенты-буланжисты демонстрировали на улицах Парижа «рука об руку с ремесленниками и кучерами».

Летом 1888 г. Буланже развернул свою парламентскую деятельность.

---

[1]) Чрезвычайно интересно было бы заняться выяснением судьбы Загуляева. Сотрудник «Нового времени», он был автором интересного романа о французской революции, написанного в робеспьеристском духе. Маркс о нем упоминает в письмах к Кугельману в связи с франко-прусской войной.

[2]) От 18 июля 1887 г.

[3]) Телеграммы Деруледа „Сев. тел. агентству" и редакциям газет (Арх. вн. пол., С. А. 113, л. 34).

4 июня в палате с нетерпением ждали выступления генерала. Речь его не произвела впечатления, Буланже закончил ее требованием ревизии конституции. Привлекло внимание то, что в своем программном выступлении он все время подчеркивал дружеские отношения к России. Флоке, который, в свою очередь, старался заслужить доверие царя, во имя этого же самого сближения с Россией с особым усердием обрушился на Буланже.

19 августа Буланже вновь победил в трех департаментах: он получил огромное большинство голосов. Его влияние в армии, среди офицерства, усилилось. Чтобы укрепить свои позиции в реакционных кругах, генерал вступил в переговоры с римским папой. Немецкий посол в Риме фон Шлецер позже писал: «Его святейшество увидело в Буланже человека, который призван свергнуть республику и открыть путь орлеанской династии» [1]).

Усилилось влияние Буланже и среди крупной финансовой буржуазии. Граф Мюнстер сообщал в Берлин в ноябре, что на Ротшильда оказывают давление орлеанистские круги, требуя от него соглашения с генералом. Барон Гирш соглашался предоставить генералу несколько миллионов. Мотивы симпатии финансистов к буланжизму прекрасно объяснил граф Мюнстер в депеше от 28 ноября 1888 г.: «На первый взгляд может показаться совершенно неправдоподобным, что финансисты и богатые евреи предоставляют большие денежные средства человеку, подобному Буланже, но, если вдуматься в то, как низко пала общественность этой несчастной страны, ее правительство, как низко пал республиканский парламентаризм, совершенно уничтоженный, если вдуматься в то, что страна колеблется между диктатурой и Коммуной, — тогда все это станет естественным и понятным, станет ясным, почему финансисты предпочитают диктатуру Коммуне» [2]).

Перевыборы депутата в департаменте Сены, назначенные на 27 января 1889 г., должны были показать, насколько Буланже удалось сплотить вокруг себя широкие массы избирателей. Генерал обратился к французам с специальным воззванием. Напрасно, — писал он, — избирателей пугают словом «диктатура; террор, который проводит правительство во Франции, является самым худшим видом диктатуры. Буланже объявил себя республиканцем и защитником национальных французских интересов.

На выборах против кандидатуры Буланже была выставлена кандидатура владельца водочных заводов Жака и рабочего Буле. Буле, как сказано было в его воззвании, выступал под знаменем Коммуны и социальной революции против парламентариев и цезаристов. «Буланже,— читаем мы в воззвании революционного комитета, — это кровавая неделя. Голосовать за Жака — значит голосовать за спекулянтов и воров, которые из вашей крови создают себе колоссальные состояния». И показательно, что, несмотря на ожесточенную классовую борьбу, на выборах 1889 г. Буланже вышел победителем. Ему удалось убедить, — пусть на время, — широкие круги избирателей в том, что он несет с собой мир. Генерал выступил под лозунгами: «Гамбетта — Скобелев — Буланже», или, как значилось в одном плакате: «С царем, за бога и Францию». Подкупленные банды буланжистских агентов распространяли его воззвания, агитировали за него. Выборы проходили под лозунгом: «Да здравствует Россия, да здравствует Буланже».

Клемансо, пораженный успехами генерала, заявил в палате: «Мы видим перед собой религиозное движение, страна пала жертвой болезни, о которой

---

[1]) Очень много интересного о позиции немецкой дипломатии к буланжизму дают документы из «Die grosse Politik d. europäischen Kabinete».

[2]) Франк, цит. соч., стр. 216.

писал Мишле, — болезни мессианизма: г. Буланже стал мессией, спасителем, фетишем...».

Посмотрим, как реагировали на возвышение Буланже в 1888 г. русские и немецкие дипломаты. Сопоставление донесений дипломатических и военных агентов обеих стран представляет значительный интерес. Моренгейм писал Гирсу 12 апреля 1888 г., что плебисцитарное движение, начавшееся во Франции, значительно ухудшило положение дел и даже отодвинуло назад министерский кризис. Он пишет: «Умышленно говорю: плебисцитарное движение, ибо случайный человек, стоящий в центре этого движения, дал ему лишь свое имя». Моренгейм продолжает убеждать царя и своего министра, что сам Буланже не имеет никакого значения, что вряд ли он способен возглавить недовольство. Он готов переоценить глубину оппозиционной борьбы: «Теперь уже не ставится, — пишет он, — больше вопрос о том или ином министерстве, — эти семейные споры уже всем надоели, — речь идет о самом парламенте, который породил эти министерства, и даже более того: речь идет о самом парламентском режиме». Моренгейм в панике готов даже утверждать, что 1888 год, напоминает 1848. Впрочем, как мы видим из его депеши, не менее Моренгейма был напуган Фрейсине.

Спустя несколько дней он вновь сообщает Гирсу, что развязка приближается: «То, что долгое время ощущалось лишь как смутное неблагополучие и сказалось в целом ряде кризисов и потрясений, которые больше полугода волновали страну, проявляется теперь в общем недовольстве, охватывающем все большие круги населения, на всей территории, во всех слоях [1]). Моренгейм утверждает, что страх перед неизвестностью приводит в ужас правительство и палату. Власти боятся апелляции к народу. Моренгейм передает свое настроение и настроение правительственных кругов Франции 1888 г., когда утверждает, что грозный призрак 1793 г. вновь веет над страной.

Однако, колебания Буланже и его отказ от активной деятельности постепенно всех успокаивают.

Буланжизм оказался разбитым в первой же схватке. Очевидно, что царской дипломатии не было больше оснований его поддерживать, что надежды, которые царь возлагал на Буланже в 1886 г., не оправдались, несмотря на успехи, которых достиг генерал. Моренгейм настаивает на том, что Буланже пропустил все отведенные ему историей сроки, что он не использовал своего благоприятного положения, что в то время, когда толпа его приветствовала и готова была к действию, а палата была объята страхом, генерал «медленно прогуливался в своем ландо кокотки, с красными помпонами на ушах лоснящихся лошадей, с гвоздикой в петлице, — и этим все и ограничилось. С этого момента он начал казаться смешным...» [2]).

Неудачи буланжизма требуют, — об этом Моренгейм напоминает теперь Гирсу, — особого внимательного отношения к действиям тех русских кругов, которые продолжают защищать дело Буланже. Такова основная мысль письма Моренгейма от 16 августа 1888 г. Он с осторожностью замечает: «Пребывание возможно случайное, одного из наших наиболее видных публицистов в этот именно момент в Париже заставило кое-кого сделать выводы о существовании некоторых связей...». Посол царя не входит в более конкретное обсуждение этого вопроса, он доказывает только, что сторонники буланжизма среди русских в настоящий момент могут дискредитировать Россию в глазах Германии. Поэтому

---

[1]) Письмо Моренгейма от 24 мая 1888 г.
[2]) Доверительное письмо Моренгейма от 19 июля 1888 г.

Моренгейм в секретной телеграмме от 30 августа спешит предупредить русского министра иностранных дел, будто Буланже, уехавший в Швецию, решил отправиться в Россию. Моренгейм предлагает принять меры для того, чтобы убедить Буланже отказаться от этой затеи: «ввиду невозможности оказать ему тот прием, на который он, повидимому, рассчитывает», указать ему на те неудобства, «которые вызовет пребывание его среди нашего общества».

Буланже, которого посол в 1886 г. в своих депешах изображал как ставленника радикалов и даже анархистов, выставляется теперь как опора монархистов. Впрочем, посол был прав, когда он утверждал: «Именно потому, что он (Буланже) — нуль и за ним никто не стоит, он и может быть игрушкой в руках кого угодно. Это — самый заурядный перекресток, где встречается много дорог, но это — не большая дорога, указующая путь» [1]).

По мнению Моренгейма, «речами республику не свергнуть». Республике угрожает банкротство, гибель не от рук Буланже, а от «анархистов». Под этим названием посол в своем полицейском усердии объединяет всех, начиная от радикалов и кончая социалистами. Его страшат не успехи Буланже, а грядущий столетний юбилей французской революции, «которую интернациональный социализм может, пожалуй, отпраздновать на свой лад». Его пугает, что радикальная политика, тенью которой был одно время буланжизм, является «отправной точкой социализма». Его пугает не Буланже, а Вайян.

В заключительных словах письма от 30 августа мы имеем ключ ко всему вопросу: «Бесспорно, Франция — важная карта в нашей игре, но только при условии, если она будет сильной, мощной и процветающей, — тогда это козырь. Но если мы ходим с червей, затем нам двойка пик? Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы режим, несущий с собой разложение и разрушение, во власти которого находится сейчас Франция, как можно скорее уступил свое место правительству, которое спасет страну от неизбежного упадка». Но если бы Буланже был действительно силой, гарантирующей низвержение республиканского режима, подавление революции во Франции и укрепление военной мощи республики, царизм пошел бы, конечно, с этой карты.

Мы видели, что в 1886 г. именно в этом смысле высказался Александр III, но Буланже не оправдал надежд царя.

Несмотря на то, что осенью 1888 г. волна недовольства все более поднималась, и буланжизм как будто завоевывал успех за успехом. Моренгейм продолжал утверждать, что роль генерала обманчива, что он не представляет собой реальной силы. Его радовали успехи умеренно республиканского правительства, которые, нанося удары буланжизму и социальному недовольству, масс, укрепляли Францию, как военную силу, как возможного союзника России. Он писал: «Франция все еще, что бы там ни говорили, великолепная скаковая лошадь, которая безжалостно сбрасывает плохих ездоков» [2]). Можно было бы пойти на союз с Францией Буланже, если бы Буланже представлял реальную силу, но нужно заключить союз с республикой против Буланже, если республика будет выполнять задачи, поставленные перед ней царизмом.

Но вот Буланже вышел победителем на выборах в январе 1889 г. Уже не Моренгейм, а Коцебу, как всегда в гораздо более сдержанном тоне, — я бы сказал в тоне открытого сочувствия генералу, — пишет в Петербург о несомненном личном влиянии генерала, о надежной и активной поддержке, которую ему оказывает лига патриотов. «Невозможно не признать, — пишет Коцебу, — что генерал Буланже приобрел себе большую популярность. Средние классы, которые

[1]) Письмо от 30 августа 1888 г.
[2]) Письмо от 25 октября 1888 г.

разоряются из-за Панамы или других неудач и которые, не разбираясь, обвиняют правительство, несомненно, пойдут за Буланже» [1]).

Стоит сопоставить депеши Коцебу в январе—феврале 1889 г. с донесениями Моренгейма за 1888 г., чтобы видеть, как малейшие успехи генерала колебали отношение к нему русской дипломатии.

В депеше от 14 февраля 1889 г. Коцебу, со слов посетившего его «влиятельного бонапартиста», примкнувшего к буланжистскому движению, излагает программу Буланже. Посетитель Коцебу убеждает его, «что течение, охватившее сейчас две трети Франции, не только не демагогично, как это утверждают враги генерала с целью оклеветать его в глазах иностранцев, но направлено против демократии». Это подтверждается большим числом примкнувших к нему консерваторов и монархистов. Что касается внешнеполитической программы, то буланжисты будут терпеливо выжидать распада Тройственного союза и в своей политике будут ориентироваться на Россию. Интересна помета царя на этой депеше Коцебу: «Программа Буланже недурна. Но может ли он ее исполнить?».

Итак, если в конце 1888 г. по депешам Моренгейма можно было бы утверждать, что русская дипломатия раз навсегда покончила с Буланже, то в 1889 г. «генерал надежда», как называли Буланже во Франции, стал вновь привлекать внимание царской дипломатии. Правда, 28 февраля Коцебу пишет министру, что он примет в руководству указание на необходимость быть осторожным в наблюдениях за буланжизмом и что он сделает все для того, «чтобы не подать никакого повода к подозрению ни встречами с лицами, принадлежащими к буланжистскому лагерю, ни несвоевременными высказываниями». Чем вызвана эта осторожность? Прежде всего чрезвычайно определенной и решительной позицией Германии. 27 января 1889 г. Бисмарк писал: «Господа из правительства переоценивают значение выборов. Они не имеют значительных последствий. Прибавится только еще один депутат» [2]). Президент Карно успокаивал немецкого посла: «C'est un ennui, mais pas un danger». Мюнстер, немецкий посол, согласился с президентом, что дело Буланже безнадежно. 5 февраля Мюнстер сообщил Бисмарку желание Карно быть в курсе мнений Берлина об успехах буланжизма.

В этих условиях царской дипломатии приходилось проявлять большую осторожность. Коцебу пишет 28 февраля: «Эта осторожность тем более необходима, что министерский кризис, причинивший правительству столько беспокойства, сделал это последнее особенно подозрительным».

Еще более должна была усилиться подозрительность французского правительства в связи с происшедшим в это время дипломатическим инцидентом, который нельзя не поставить в связь с вопросом о буланжизме: «Свободный казак» Ашинов в Сагалло, на территории французских владений в Абиссинии, поднял русский флаг. Он отказался очистить территорию, и в ход был пущен французский крейсер. Буланжистские круги во главе с лигой патриотов тотчас же выразили царю свои симпатии, желая этим подчеркнуть, что не несут ответственности за поведение французского правительства. Этим воспользовался Констан, фактический глава правительства, чтобы распустить лигу патриотов. Ряд депутатов-буланжистов был арестован, а 9 марта 1889 г. правительство республики отменило постановление об изгнании герцога Омальского, завоевав себе этим шагом симпатии той части сторонников орлеанистского претендента, которые не желали вступать в союз с Буланже.

16 марта 1889 г. немецкий посол в Париже, по просьбе Карно, сообщил в Берлин, что «правительство категорически решило Буланже и его сторонников

[1]) Письмо от 17 января 1889 г.
[2]) Chlodwig Nohenlohe, цит. соч.

обезвредить и арестовать. Это должно произойти 18—19 марта. Беспорядки вряд ли могут иметь место, но противники обвиняют правительство в том, что оно распустило патриотическую лигу по требованию немцев». Мюнстер посоветовал Карно обождать с арестом. 14 марта Диллон предупредил Буланже о предполагаемом аресте. 15 марта в 9 часов вечера Буланже инкогнито бежал из Парижа в Брюссель. 17 марта он вновь выступал в Туре. В своей речи генерал подчеркнул, что задачу свою видит в очищении республики от «якобинского наследства», что он готов сохранить республику, но в «очищенном виде». Прошло, однако, 14 дней. Правительство не выполнило своей угрозы арестовать Буланже. Вильгельм II на полях дипломатического донесения написал: «Итак, он все-таки силен. Досадно!».

Далее откладывать значило лишить новое министерство доверия немцев. Буланже, вероятно, узнав о полицейских мероприятиях, 1 апреля 1889 г. постыдно бежал из Франции.

О попытках ареста Буланже Коцебу сообщил Гирсу 14 марта. Он выразил надежду в своем донесении, что буланжисты будут со временем реабилитированы. Полиция искала компрометирующих генерала Буланже документов, но потерпела неудачу и лишь обнаружила, что многие чиновники также присоединились к движению.

11 апреля 1889 г. после бегства Буланже и предания его верховному суду Коцебу вынужден в своих донесениях подчеркнуть победу правительства над буланжизмом. Впрочем, он тут же добавляет, что обстоятельства для правительства отнюдь не изменились. Политический кризис во Франции не прекратился. «Буланже, — утверждает Коцебу, — стал жертвой парламентской клики и его бегство, которое сначала вызвало колебания даже среди его приверженцев, повидимому, обернулось в его пользу».

Таким образом, даже падение Буланже не уничтожило надежд Коцебу. В тот же день в новом донесении он рассказывает о беседе с одним из буланжистов, вернувшимся из Брюсселя. Буланжисты, — сообщает он со слов своего собеседника, — надеются на то, что они на ближайших общих выборах получат большинство, что они возьмут власть в свои руки и выполнят программу ревизии конституции.

Насколько сильно было положительное отношение к буланжизму в реакционных русских кругах и насколько эти настроения питались колебаниями царской дипломатии, свидетельствует депеша от 20 мая 1889 г., в которой Гирсу сообщается о том, что редактор «Петербургских новостей» Худяков организовал в Париже банкет буланжистам. На этой телеграмме царь сделал помету: «Положительно запретить». А в августе 1889 г. на письме Буланже из Лондона царю, в котором он раболепно излагал свою программу — установить во Франции реакционный порядок, бороться с рабочим движением и добиться союза с Россией, — мы находим помету: «Скромно и разумно, но действительно ли способен на это, увидим!» [1]).

По всей видимости, даже в августе Александр III еще не разрешил для себя вопроса о судьбах буланжизма.

В это время Париж готовился к мировой выставке 1889 г. Эта выставка прошла с успехом. Она свидетельствовала о том, что буржуазии удалось восстановить порядок в стране, раздавив оппозиционное движение. Констан опирался на военные и полицейские силы и ввел режим террора. Немецкий военный атташе сообщал в Берлин: «Высказывания министра внутренних дел по поводу 1 мая были до того ясны, что он убедил спокойных граждан Парижа на

[1]) Письмо Буланже к царю 9 августа 1889 г. См. «Кр. архив», т. XIV, стр. 260—262.

этот день толпами оставить город. 1 мая Париж производил странное впечатление пустоты... Что касается полиции, то она получила соответствующие «инструкции». Впервые за долгое время полиции нечего было бояться: она могла больше не опасаться быть жертвой...». Он добавляет, что полиция действовала «методами далекого Востока». Вильгельм II отмечает это место на полях донесения восторженным «браво!»...

4 апреля 1889 г. депутат Буланже был лишен парламентского иммунитета. 19 августа он был осужден вместе с Рошфором и Диллоном к пожизненному заключению.

Всеобщие выборы 1889 г. произошли, таким образом, после того, как буланжисты были уничтожены.

На выборах 22 сентября 1889 г. республиканцы получили 366 мест в палате, буланжисты — только 47. Надежды на мирную победу военной диктатуры не оправдались. Коцебу с горечью, правда, скрытой, был вынужден констатировать неудачи Буланже. В мае Франция интересовалась другими событиями: столетним юбилеем революции, всемирной выставкой и всеобщими выборами. Всемирная выставка имела большой успех, потому что она показала буржуазии возможность ее дальнейшего развития. С точки зрения чисто промышленной и финансовой она превзошла все ожидания. Впрочем Моренгейм в частном письме Гирсу от 22 мая готов утверждать, что ни юбилей, ни выставка не окажут влияния на результаты всеобщих выборов, которые более чем когда-либо внушают ему опасения. Это как будто бы противоречит всему тому, что раньше писал Коцебу о Буланже, но это противоречие характерно. Даже в мае некоторые представители русской дипломатии все еще выражают надежду, что «парламентаризм всех оттенков будет сметен во главе с оппортунистами, т. е. с партией, стоящей у власти»... «Результаты выборов поставят нас лицом к лицу с новой Францией, управляемой новой конституцией», — пишет Моренгейм. Тут же он отмечает, что, несмотря на неудачу генерала Буланже, буланжизм не исчез.

Исход всеобщих выборов решил, однако, вопрос. Как писал Моренгейм 10 октября 1889 г., большинство голосовало за республику, «и это при условии, что она заслужит оказанное ей доверие, проводя политику, противоположную той, которой она до сих пор следовала».

Буланжизм возник в обстановке экономического и политического кризиса Третьей республики, в годы, когда социальное недовольство масс возрастало, как грозная буря. Распад в рядах правящей буржуазии выдвинул на первое место радикалов, мелкобуржуазных демагогов во главе с Клемансо. Буланже был «выдуман» ими. Генерал-авантюрист в их руках должен был служить орудием для борьбы и победы над рабочим классом и оппортунистической республикой. Переход Буланже на сторону монархистов сам по себе был жестоким политическим поражением радикализма. Вспомним, что в 1886—1889 гг. на арену истории выступила парламентская рабочая партия. Энгельс расценивал это как историческую победу рабочего движения. Он писал в письме Лафаргу 16 февраля 1886 г.: «Клемансо и вся его шайка, ввязавшись в министерские интриги, заразились парламентской болезнью, и они уже неспособны ясно видеть, что происходит за стенами Бурбонского и Люксембургского дворцов... Я убедился, наконец, что действовать по принципу: «если я не могу склонить всевышних, то приведу в движение Ахерон» — не по ним. Они уселись на ту же наклонную плоскость, по которой скатились Ранк, Гамбетта и К°. Они дрожат перед пролетарским Ахероном» [1]).

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XXVII, стр. 540.

Социалистическая партия Франции была, однако, расколота на ряд политических сект. Правые и левые оппортунисты в рабочем движении мешали успешной борьбе за завоевание большинства рабочими. Радикалы играли роль прислужников оппортунистов, таскали каштаны из огня для реакционной буржуазии. Они не смогли сделать то, о чем писал Энгельс: «дайте каждому рабочему винтовку и 50 патронов, — и республика никогда не будет в опасности».

Французская буржуазия подавила на время рабочее движение и установила свою диктатуру. Но эта победа, как и поражение буланжизма, не могла задержать развития рабочего движения. 18 августа 1886 г. в письме А. Бебелю Энгельс писал: «О, если бы Маркс мог видеть, как во Франции и Америке события подтверждают его положение, что демократическая республика теперь — не что иное, как поле битвы, на котором разыгрывается бой между буржуазией и пролетариатом!» [1]).

Ц. Фридлянд

1885 г.

Депеша посла в Париже Моренгейма [1]) министру иностранных дел Гирсу от 4 ноября/23 октября 1885 г., № 50 *).

Господин министр,

Новая палата соберется 10 числа текущего месяца.

Таким образом, пройдет три недели после последних выборов, состоявшихся 18 октября.

Результат их таков: 204 голоса в парламенте у консерваторов, 191 — у оппортунистов, 153 — у радикалов. Еще более знаменательно распределение голосов избирателей: 3 471 197 за консерваторов, против 4 179 534 за республиканцев. Итак, достаточно было бы переместить 708 337 избирателей, чтобы республиканцы оказались в меньшинстве.

Этот очевидный поворот общественного мнения вызвал, конечно, самые противоположные и самые крайние комментарии со стороны различных партий, принимавших участие в избирательной борьбе. Три недели страстных обсуждений только увеличили общую неразбериху, и напрасны будут старания отыскать хотя бы в малейшей степени беспристрастную оценку приговора, вынесенного нацией, в этом хаосе мнений, одинаково неискренних.

Может быть, такую беспристрастную оценку удастся скорее вынести лицам, свободным от всяких предвзятых убеждений и личной заинтересованности. Это — моя неотложная задача, и я должен постараться выполнить ее с полным беспристрастием.

Прежде всего обращают на себя внимание два факта: во-первых, значительное возрастание обеих крайних партий, как монархической, так и радикальной, — возрастание, несомненно, заранее предвиденное, но совершенно неожиданные размеры которого превзошли все самые крайние предположения.

Во-вторых, необходимость для партии, сравнительно умеренной, которая сейчас еще находится у власти, но которая в результате всеоб-

---

[1]) Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XXVII, стр. 577.

*) Публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики, в фондах «Канцелярия министра» и «Секретный архив», обозначенных в ссылках для краткости буквами «К» и «С. А.». За небольшими исключениями подлинники на французском языке. Значительная часть документов дана здесь в извлечениях в части, относящейся к внутриполитическому положению во Франции.

Текст подготовлен к печати М. Я. Бессмертной.

щего голосования оказалась в меньшинстве, укрепить свое пошатнувшееся положение посредством сближения либо с консерваторами, либо с радикалами.

Несколько месяцев тому назад в моих донесениях я позволил себе предположить вероятное увеличение каждой из этих двух партий на пятьдесят голосов. Действительность превзошла мои ожидания почти вдвое.

По тому же самому поводу я указывал на вытекающую из этого положения затруднительность для всякого правительства регулярно функционировать в течение более или менее продолжительного срока. Сейчас эта трудность приобрела ясно выраженный характер невозможности.

В самом деле, что мы видим? Определенный сдвиг страны вправо и не менее выявившийся сдвиг правительства влево, т. е. Франция и республика движутся в противоположные стороны. Если это расхождение не приведет непременно в скором времени к резкому разрыву, все же не может быть сомнения в том, что оно создает напряженность положения. Доведенное до крайности, оно сделает функционирование республиканских учреждений невозможным и даже поставит под вопрос существование самого режима, отвергаемого по причине его слабости все более возрастающей массой интересов, которым угрожает опасность.

Однако, не следует заблуждаться: консервативное течение, которое так ярко проявило себя, далеко еще нельзя рассматривать, как недвусмысленное проявление реакции откровенно монархической и тем менее — специально роялистической или империалистической. Эти тенденции могут составлять значительную часть его, — это я вполне допускаю, — но они не являются ни единственными, ни, — опасаюсь, — самыми сильными. Что Франция, — по крайней мере, громадное большинство Франции, — консервативна, — в этом всякий, кто только близко изучил страну, конечно, никогда не сомневается. Впрочем, почти не рискуя ошибиться, можно было бы то же самое утверждать и относительно других стран, — Франция мало чем отличается в этом отношении. Но, как уже мне приходилось отмечать это в другом месте, Франция консервативна не в отношении какой-либо доктрины, какого-либо принципа, какой-либо моральной или политической теории, но просто в отношении такого порядка вещей, который гарантировал бы ей спокойное существование и защиту ее материальных и моральных интересов. Что касается формы, то она ее мало интересует, — она в этом отношении проникнута абсолютным скептицизмом.

Религиозные преследования и насилия над убеждениями, с одной стороны, расточение общественного достояния, экономический и финансовый маразм — с другой, — таковы главные причины происшедшего поворота.

Итак, — скажем точнее — главным образом тому обстоятельству, что настоящее правительство не в состоянии дать реальных и прочных гарантий, следует приписать ту перемену в общественном настроении, благодаря которой получили преобладание задетые и встревоженные настоящим режимом интересы, они-то и повернули политический руль вправо. Несомненно, если этого симптома будет недостаточно, чтобы открыть глаза республиканскому правительству на настоящую причину постигшей его непопулярности, то потеря доверия, которую оно вскоре почувствовало бы, неизбежно заставила бы опу-

скаться чашу весов политического равновесия с быстротой, равной весу ошибок, которые оно продолжало бы нагромождать. В этом случае значительно легче, чем это обычно себе представляют, могла бы произойти роялистская или империалистская реставрация, но и тогда я продолжал бы утверждать, что Франция в тот день не сделалась более монархической, чем накануне она была республиканской; это будет только на один режим больше в том их ряде, который ему предшествовал и который за ним последует. Но не этому незначительному событию завершить собой эру политических пертурбаций...

Моренгейм.

1886 г.

Депеша поверенного в делах в Париже Коцебу [2]) министру иностранных дел Гирсу от 3 июля/21 июня 1886 г., № 30 [*]).

...Военный министр г. Буланже [3]) друг Клемансо, а потому поддерживаемый радикальной партией, — начинает занимать в кабинете опасную по своему значению позицию. О нем только и говорят в газетах и в политических кругах.

После роялистской демонстрации в Трепоре [4]) радикальные министры гг. Буланже и Гране [5]) предприняли путешествие по провинции с целью республиканской пропаганды. Позиция, которую при этом занял военный министр, привлекла к его личности внимание всей Франции. Его везде приветствовали как генерала-гражданина. Шовинистическая нотка, которая прозвучала в некоторых его речах, возбудила патриотизм молодежи. Страна ждет искупителя, который избавит ее от правительства парламентских говорунов. Если Буланже возьмет на себя эту роль, она будет за ним признана. Таково впечатление большинства дипломатов, с которыми я имел случай беседовать.

Со времени возвращения генерала в столицу некоторые факты подтвердили мнение, что и сам он намерен поставить себя выше существующего правительства. Военный губернатор Парижа, генерал Соссье, пользующийся всеобщим уважением и доверием министерства, оказался уже более не подходящим военному министру. Он стал к нему придирчиво относиться. Буланже, запрошенный по этому поводу в совете министров, сказал своим коллегам и г. Греви [6]), который присутствовал на заседании: «Не думайте, что если когда-нибудь мне вздумается отправить вас в тюрьму, то Соссье помешает мне это сделать». Со всех сторон мне подтверждают достоверность этого выражения. Военная шутка, если хотите, но она выходит за пределы дозволенного. Он сместил начальника штаба при парижском губернаторе под тем предлогом, что он недостаточно предан республике. Г. Соссье обиделся и подал в отставку. Я слышал, что министерство ее не принимает, полагая, что ему не обеспечена безопасность, если гарнизоном Парижа будет управлять генерал, лично преданный военному министру.

Неудобная позиция, которую занял военный министр, затрудняет г. Фрейсине [7]). Вполне естественно, что общественное мнение встревожено этим положением, так как преобладание военного элемента, пробуждение воинственного настроения, которое было бы естественным последствием власти, опирающейся на армию, конечно, должно обеспо-

*)А. В. П., К. 81, л. 208.

коить могущественную соседнюю державу, которая не может не знать о той ненависти, которую она оставила среди населения Франции.

Из прессы по ту сторону Рейна мы можем судить, с каким вниманием следит за Буланже Германия. Все немцы, с которыми я встречаюсь, утверждают, что Буланже — выдающийся военный, что он энергичен, честолюбив, что он совершенно лишен совести и готов рисковать Францией, если это только поможет ему стать диктатором.

Это тревожное настроение в Германии не ускользает от внимания французского общества. Оно внушает ему страх. По распространившимся здесь частным сведениям, Германия вооружается, она угрожает Франции, и причиной этого — патриотизм, который проявляет эта последняя. Многочисленные письма из Меца и Эльзаса изображают предстоящие германские маневры на французской границе, как предлог для концентрации больших сил, готовых к военным действиям.

Считаю своим долгом довести до сведения вашего превосходительства эти слухи. Они свидетельствуют о том, что общество как здесь, так, может быть, и по ту сторону Рейна, убеждено, что военная диктатура во Франции повлечет за собой, как ближайшее следствие, конфликт между двумя странами, причем не потребуется даже непременно особого повода для его возникновения.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 17/5 июля 1886 г., № 32 *).

Господин министр,

С тех пор, как Фрейсине под секретом поведал мне о поведении своего коллеги по военным делам, которое должно было привести этого последнего к министерской авантюре, Буланже старался ступеваться и давать меньше поводов для разговоров. Кроме того, он использовал все представившиеся ему возможности, чтобы выказать в отношении немцев максимальную предупредительность. Недавно на открытии военного клуба, на торжестве, присутствовать на котором он пригласил всех аккредитованных в Париже дипломатов, он все свое внимание уделял германскому послу. Он хотел изгладить впечатление, будто он преследует патриотически-шовинистические цели.

Его неудача с генералом Соссье, которого он принужден был удержать на посту губернатора Парижа, на некоторое время ослабила подозрения относительно его личных замыслов, и общественное мнение стало меньше за ним следить.

Эти последние дни снова выдвинули его на первый план. Чтобы придать больше блеска республиканскому празднику 14 июля, генерал Буланже на этот день вызвал в Париж части тонкинской экспедиционной армии [8]) и заставил их принять участие в параде на Лонгшанском поле и продефилировать вместе с гарнизоном Парижа перед президентом, правительством и дипломатическим корпусом под восторженные приветствия бесчисленной толпы.

Я должен признать, что военный министр на великолепном вороном коне выглядел прекрасно. С его воинственной, немного театральной осанкой он создан, чтобы импонировать толпе.

Когда он приблизился к трибуне, чтобы приветствовать президента, народ прорвался и, окружив его громадным полукругом, приветствовал его оглушительными криками восхищения. Когда он уезжал, громад-

*) А. В. П., К. 86, л. 185.

ная толпа последовала за ним. Я мог видеть его далеко вдали, на лошади, окруженного толпами кричащих и жестикулирующих людей, которые сбегались к нему со всех сторон.

Эта овация относилась главным образом к армии, которую парижане были очень рады снова видеть и которая предстала окруженная ореолом побед, одержанных тонкинцами, но генерал Буланже, конечно, не замедлил использовать этот порыв патриотической гордости, вызванный видом армии, для увеличения своей популярности.

Держась всегда за Фрейсине (он даже получил высший орден Почетного легиона), ген. Буланже в то же время безнаказанно действует против воли президент-министра, так как этот последний совершенно не имел в виду создавать затруднения герцогу Омальскому [9]). Исключение принца из военных списков было предложено и проведено военным министром под давлением и при поддержке Клемансо и радикальной партии. Фрейсине, миролюбивый по характеру, был не в состоянии воспрепятствовать ему в этом.

По слухам, идущим из министерства, государственный совет склонялся будто бы к тому, чтобы отменить декрет о лишении принцев права военной службы, как меру несправедливую.

Это поставило бы военного министра в самое фальшивое положение, и, думается, Фрейсине ничего не имел бы против этого. Но вызывающий тон письма герцога не позволяет уже правительственному органу стать на его сторону.

Речи генерала Буланже в парламенте и в сенате против законности военного звания герцога Омальского, который был его непосредственным начальником и который пользуется всеобщим уважением, унизили Буланже в глазах порядочных людей; но непорядочных людей бесконечно больше, и я должен отметить, что его позиция, увеличивая его известность, настолько укрепила его положение, что снова пробудилось опасение, не стремится ли он к диктатуре *).

Коцебу.

1887 г.

Письмо Моренгейма Гирсу от 13/1 февраля 1887 г. **).

Господин министр,

Мои телеграммы от 8 февраля/27 января и от 9 февраля/28 января уже вкратце информировали ваше превосходительство о серьезном инциденте, происшедшем совершенно неожиданно, и последствия которого еще сказались не полностью. Вот совершенно точное изложение фактов в том виде, как они были переданы мне самим министром иностранных дел.

4 февраля/23 января генерал Буланже вызвал к себе французского военного атташе в Петербурге, находящегося в данное время в Париже в отпуску, и спросил его, не найдет ли он возможным передать в собственные руки государя императора письмо от него, притом секретным образом. Вышеупомянутый офицер представил своему начальнику, сколь необычен и некорректен был бы такой шаг, но имел неосторож-

*) В подлиннике помета Александра III: «Вот что значит во Франции человек с волей и энергичный. Из французов можно сделать что угодно, и весьма может быть, что Буланже сделается полнейшим диктатором. Остается сожалеть, что личность военного министра такая скверная: радикал и человек без убеждений и традиций».

**) А. В. П., К., 75., л. 15.

ность указать ему способ, с помощью которого можно было бы достигнуть цели, которую имел в виду генерал. Стоило только преподнести его величеству какое-нибудь ценное издание генерального штаба или какое-нибудь оружие, достойное высокого внимания, и приложить к этому письмо; таким образом передача его будет вполне мотивирована и не даст повода к каким-либо подозрениям. Генерал Буланже ухватился за эту мысль и приказал офицеру явиться к нему на следующий день, чтобы получить посылку и в тот же день вечером выехать в Петербург.

Утро вечера мудренее. Ранним утром на следующий же день офицер велел доложить о себе г. Флурансу [10]) и заявил ему, что после ужасной, бессонной ночи он прибегает к его покровительству, так как он решился скорее навлечь неудовольствие своего высшего начальства, чем принять участие в деле, значение которого он сначала недооценил. Затем он поведал ему, что произошло накануне.

До крайности возмущенный, Флуранс тотчас же вместе со своим собеседником отправился к председателю совета министров и, предоставив ему самому судить о происшедшем инциденте, просил тут же принять его отставку, так как он не может при таких условиях нести ответственность за направление иностранной политики. Если будет дозволено, чтобы министры могли вести непосредственную переписку с иностранными государями, помимо правительства, в которое они входят, и в особенности без ведома министра иностранных дел, то он никогда не согласится примириться с такого рода положением.

Г. Гобле [11]) постарался успокоить своего коллегу, и тут же было решено передать дело в совет министров под председательством самого Греви. Заседание совета состоялось немедленно. Когда Флуранс начал излагать дело, генерал Буланже внезапно вскочил и, крикнув: «это неправда!», — поспешно вышел из зала совета. Министры и президент опешили от изумления, и Флуранс, повторяя свою просьбу об отставке, добавил, что он не такой человек, которого можно было бы обвинять во лжи.

Флуранс, доверительно сообщая мне эти подробности, которые он, по его словам, передает только мне, так как тут было произнесено имя нашего августейшего повелителя, не постеснялся крайне резко отозваться о генерале Буланже, которого он представил как человека компрометирующего, непостоянного, несерьезного, военные способности и таланты которого могут быть очень сильно оспариваемы, — да и оспариваются многими, — как человека, положение которого сильно пошатнулось. «Он держится только Германией, создавшей ему репутацию, которой он еще далеко не добился в своей родной стране, — Германией, требования которой об его удалении не решаются выполнить из-за боязни, что в этом могут усмотреть какое-то унижение. А между тем, — добавил он, — у нас имеются десятки людей, более выдающихся, нежели он».

После этого разговора прошло уже пять дней, и до сих пор ничего еще неизвестно об исходе этого нового кризиса. Предполагают даже, что кризис может захватить весь кабинет, так как у генерала там имеются коллеги-радикалы, которые будут против его удаления, в то время как другие не хотят доставить ему незаслуженного триумфа за счет Флуранса, которого, как это уже доказано на опыте, очень трудно будет заменить при настоящем составе министров. С другой стороны, кабинет не может выйти в отставку, пока не будет вотирован бюд-

жет, который передавали друг другу с разными изменениями три последовательно сменившихся министерства [12]), а уже две двенадцатые доли временного бюджета почти израсходованы [13]). Все это создает чрезвычайно неясное и неустойчивое внутреннее положение, и это в то время, как внешнее положение как на Востоке, так и на Западе продолжает здесь рассматриваться как весьма угрожающее *).

Моренгейм.

Доклад Гирса Александру III 13/1 марта 1887 г. **).

Беру смелость обратить всемилостивейшее внимание вашего императорского величества на представляемую у сего вырезку из газеты «Новое время», в коей сообщается о том, что кружком русских отправлена генералу Буланже казацкая шашка от имени России. Как я слышал, доставление шашки этой поручено будто бы некоему Нотовичу, сделавшемуся известным благодаря своим неблаговидным похождениям в Константинополе и затем в Хорасане.

Не решаясь утруждать ваше величество изложением соображений, касающихся неблагоприятного влияния, которое демонстрация эта будет иметь на наши политические отношения, я не считаю себя в праве умолчать здесь, что даже в республиканской Франции были приняты строгие полицейские меры против антигерманских демонстраций, готовящихся в Париже по поводу выборов в германский парламент, вызванных проектом закона о септеннате [14]).

Ввиду этого осмеливаюсь высказать мнение, что было бы небесполезным собрать справки о том, в какой степени основательны сообщаемые газетою «Новое время» сведения и, если шашка действительно уже отправлена, то предложить барону Моренгейму принять зависящие меры к недопущению ее передачи ***).

Гирс.

Частное доверительное письмо Моренгейма Гирсу от 6/4 мая 1887 г. ****).

...Так как расстройство финансов дошло до крайних пределов, то борьба по вопросу о бюджете решит судьбу кабинета. Бюджетная комиссия полностью отвергла министерский проект, и министерство предлагает ей представить взамен его другой, который оно могло бы рассмотреть в свою очередь; комиссия отвечает, что это не ее дело; в первом же заседании палате поневоле придется их рассудить. Повидимому, против министерства имеется сильное большинство, так как говорят, что вся правая бесповоротно решила настоять на отставке Буланже, но, соблюдая приличия, его одного устранить нельзя, так как в этом усмотрели бы унизительную уступку требованиям Германии, в то время как его исчезновение с политической сцены, связанное с падением всего кабинета, не дало бы повода для такого толкования. Вообще многие находят, что роль, которую он играет, уже давно стала стеснительна и обременительна. В самом деле, даже для Франции он остается

---

* В подлиннике помета Александра III: «Что за плачевное правительство!».

**) А. В. П., К. 34, л. 20.

***) В подлиннике две пометы Александра III: «Хорошо», относящаяся к последнему абзацу доклада, и «Глупо до крайности!» — к докладу в целом.

****) А. В. П., К. 75, л. 81.

загадкой. Здесь говорят: неизвестно, что у него на уме и что давно пора положить конец этой неловкой и в то же время смешной ситуации. Я придерживаюсь того же мнения, не в обиду будь то сказано его горячим поклонникам, которые, повидимому, имеются у нас и которые верят в него больше, чем даже его соотечественники. Но радикальная партия не хочет допустить его падения, и ставка, из-за которой происходит борьба, кажется ей настолько важной, что она не задумается перенести ее, если понадобится, из парламента на улицу. В самом деле, можно ждать всего, и никто не может ручаться за твердость правительства, которое не справилось с мальчишеской выходкой двухсот-трехсот жалких оборванцев, свистевших во время спектакля «Лоэнгрин» [15]).

Во всяком случае, мне известно из достоверного источника, что президент республики уже зондировал почву у Фрейсине и что этот последний, хотя ему и мало улыбается перспектива взять на себя при таких обстоятельствах тяжелое бремя государственных дел, тем не менее не ответил формальным отказом, во всяком случае, он поставил свое согласие в зависимость от предоставления ему права распустить палату, если то понадобится. В самом деле, опыт длился уже достаточно долго, и сейчас нельзя себе представить такую правительственную комбинацию, которая могла бы сосуществовать с палатой, не могущей иметь никакого большинства.

Моренгейм.

Доверительное письмо Моренгейма Гирсу от 26/14 мая 1887 г. *).

Господин министр,

С тех пор как Франция наслаждается прелестями республиканского режима, ей ни разу еще не пришлось испытать такого унижения. Вот уже около десяти дней она мечется в поисках хоть какого-нибудь правительства, не торгуясь отдается первому попавшемуся и не находит любителя даже за самую низкую цену. Конкуренты приходят и уходят, останавливаясь лишь для того, чтобы преподнести ей отказ. Все хоть сколько-нибудь возможные имена назывались последовательно или все зараз как бы для того, чтобы доказать, что в этой стране все решительно одинаково возможно, а в конце концов дать наилучшее доказательство, что там все невозможно. А кто в этом виноват? Действительно ли кабинеты, не выходящие из зародышевого состояния и погибающие в период инкубации? В большинстве случаев утверждать это было бы несправедливо. Винить можно только самую палату, это прославленное так называемое национальное представительство, которое в действительности ничего не представляет, и пенять на которое страна не может, если только не хочет пенять на самое себя, — ведь она сама его создала.

Я не буду бесполезно утомлять ваше превосходительство описанием всех однообразных перипетий этого кризиса, который вызывает всеобщее сожаление и осуждение и который до сих пор еще никто не сумел разрешить. Я остановлюсь только на комбинации Флоке [16]), так как она богата многими характерными инцидентами, и в тот самый момент, когда она почти уже удалась, она закончилась сверх всякого ожидания окончательным провалом этого беспокойного и самонадеянного персо-

*) А. В. П., К. 75, л. 94.

нажа, который на следующих выборах может поплатиться за это своим президентским креслом. А между тем в течение двух суток такая опасность серьезно угрожала Франции. Только боязнь испортить хорошие отношения с Россией удерживала Греви от этой кандидатуры. Но как Флоке, так и генерал Буланже нашли для себя возможным успокоить на этот счет президента, утверждая, что Россия не только ничего не скажет, но даже не истолкует это назначение в дурную сторону, раз налицо имеется всесильное покровительство генерала Буланже, этой persona gratissima (собственные слова генерала), личные сношения которого со мной дают ему право утверждать это. А я даже затрудняюсь сказать, что знаком с генералом, так как встречался с ним только мельком — на многочисленных официальных обедах у себя и в других местах — и в этих случаях обменивался с ним совершенно банальными и ничего не значащими фразами.

Повидимому, это обстоятельство побудило президента уполномочить состоящего при нем генерала Брюжера конфиденциально посоветоваться со мной о формировании кабинета, ввиду положения, которое следовало бы сохранить в нем за генералом Буланже, и в особенности,—относительно прихода к власти Флоке. Я ответил моему собеседнику, что я прошу его прежде всего передать главе государства, как я тронут выражением доверия, которое он изволил оказать мне и которое найдет соответственную оценку у моего правительства, но что затем я твердо надеюсь на то, что он не будет сетовать на меня, если я по-прежнему буду держаться в стороне, что единственно совместимо с моим служебным положением, и сочту себя обязанным уклониться от ответа на предложенные вопросы. Генерал Брюжер тотчас же сказал, что президент, конечно, имел в виду обратиться лишь лично к барону Моренгейму, ввиду моей несомненной заинтересованности в наиболее удовлетворительном разрешении кризиса, который может повлечь за собой столь серьезные последствия. Я ответил тогда, что по вопросу о генерале Буланже я считаю совершенно невозможным высказать даже мое личное мнение. Президент является единственным судьей в этом деле, и ему надлежит принять то или иное решение, взвесив те неудобства и преимущества, какие может представить удаление или оставление Буланже на посту, на котором его деятельность получила столь широкую огласку; далее я добавил дословно следующее: «Президент несомненно поймет, что чем больше оснований у него считать себя ответственным за положение, которое, по его мнению, сделалось затруднительным, тем более я должен избегать всякой ответственности за него...» Я отметил, кроме того, что мы прилагаем все усилия, чтобы не вмешиваться во внутренние дела других стран, считая, во-первых, что мы на то не имеем никакого права и, во-вторых, не являемся компетентными в этой области. Генерал пытался, — правда робко, — намекнуть, что этот вопрос сделался до некоторой степени вопросом внешней политики. «Возможно, — сказал я ему, — но он нас не касается. Относительно же другого вопроса я не могу с той же уверенностью утверждать, что он в такой же степени нас не касается. Но я еще менее решусь наперед судить о взглядах моего августейшего повелителя и предвосхищать инструкции, которые он, возможно, соизволит дать мне. Но, будучи поставлен для поддержания наилучших отношений с французским правительством и отдавая себе отчет о значении различных условий, которые создает для моей деятельности та или иная ситуация, я не

скрою от вас, что я имею все основания опасаться, что выбор, который вы предполагаете сделать, отзовется очень неблагоприятно на наших отношениях».

Генерал Брюжер тогда сказал мне: «Это все, что желал знать президент, и это меня вполне удовлетворяет. Президент, как вам известно, не в состоянии целиком уклониться от того, что ему навязывается извне, как необходимость, и чему он должен против воли подчиняться. Но, может быть, еще не поздно, хотя, кажется, все комбинации исчерпаны, и придется ухватиться за единственную, которая еще остается».

Вот, господин министр, изложение, боюсь немного длинное, но зато точное и верное, этого разговора.

На следующий день в самом Елисейском дворце, как вы это наверное уже знаете из газет, с большой торжественностью выступили от имени партий лица, их возглавляющие, с целью выразить президенту свое возмущение против выбора человека, порицаемого общественным мнением, приход к власти которого мог бы рассматриваться Россией как оскорбление. Это были, с одной стороны, адмирал Мако [17]) и, с другой стороны, Жюль Ферри [18]), явившиеся порознь, а не вместе, как утверждали газеты, хотя почти одновременно. Но ничто не может сравниться с горячностью или вернее резкостью грозной статьи, появившейся в газете пылкого Поля де Кассаньяка «Autorité», органе бонапартистов. В ней обвиняют президента ни более, ни менее как в государственной измене.

Меня чрезвычайно огорчает эта выходка, хотя Кассаньяк, это балованное дитя, часто себе позволяет подобное же, пользуясь некоторой привилегией все говорить, не навлекая на себя за это какой бы то ни было кары. Это — забияка не только на бумаге, но и на деле, а в данном случае он завоевал себе право свободно пользоваться своим пером, так как на следующий же день после всем известного идиотского восклицания Флоке он вызвал его на дуэль и наградил его хорошеньким ударом шпаги. Прекрасное сердце и прекрасная голова, но то и другое слишком уже пылки! Я имел после того случай дружески попенять ему за это. Он нам предан всей душой.

Барон Мако, старый адмирал, напротив, очень хладнокровен и крайний роялист. Что касается Ферри, то мне нет надобности вам его характеризовать. Одним словом, все идет в сущности очень хорошо, так как Флоке больше не оправится от понесенного им поражения, и мы с ним развязались.

В четвертый раз Фрейсине принимается за работу. В двух пунктах у него разногласие с президентом: относительно Буланже, которого он хотел оставить в кабинете, на что Греви ни под каким видом не соглашался, и относительно права распустить палату, которого ему также не хотели предоставить. Надо думать, что придут к какому-нибудь компромиссу, если вообще только эта новая попытка увенчается успехом.

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 13/1 июля 1887 г. *).

...Мне не зачем конкурировать с газетами и описывать вам ту невообразимую сумятицу, которую вызвал отъезд генерала Буланже к месту его нового назначения [19]). Все газеты переполнены этими позорными

*) А. В. П., К. 75, л. 132.

подробностями и все с одинаковым негодованием осуждают эксцессы, которые позволила себе чернь, подстрекаемая и направляемая вожаками радикализма. Нерадение властей, которые должны были бы быть заранее осведомлены, переносит, несомненно, значительную часть ответственности на само правительство. Однако, эти выступления именно благодаря их размерам весьма способствовали уяснению положения, так как все зло проявилось открыто и рассеялись все опасные неясности, благодаря которым революционная партия и могла продолжать свою подпольную работу. Позиции точно определились, и страна, как и правительство, знает теперь, чего придерживаться. Открытая борьба с радикализмом во сто раз предпочтительнее, чем все те злосчастные комбинации, которые так широко практиковались при предшествовавших кабинетах. Разрыв на этот раз окончателен, и большая парламентская победа, одержанная Рувье в позавчерашнем заседании, позволяет ясно судить о размерах поражения, нанесенного радикалам нынешним кабинетом. Это такой разгром, от которого они уже никогда не оправятся. Клемансо, их пресловутый глава, личность которого внушала такие опасения, что при Фрейсине видели в нем возможного премьер-министра, жалко провалился. Это преувеличенное представление о своей силе, которое поддерживала в нем снисходительная и преступная слабость предшественников Рувье, побудило главу левой партии, как известно вашему превосходительству, самому открыто порвать с умеренной партией сейчас же после падения кабинета Гобле. Таким образом война была уже заранее объявлена, и положение кабинета вполне основательно представлялось тем опаснее, что, по всем видимостям, он мог рассчитывать только на достаточно шаткую и вместе с тем компрометирующую его поддержку правых монархистов.

Вот почему радикалы и вели свои непрестанные атаки именно в этом направлении, и потому-то они решили дать решительное сражение еще до закрытия сессии, которое должно состояться на днях. Они его начали позавчера в форме интерпелляции относительно внутренней политики правительства и потерпели такое поражение, которое надолго вывело партию из строя [20]). Существование кабинета обеспечено до ноября, когда возобновится сессия палат; от него одного лишь будет зависеть теперь прочно удержаться на своем посту, что вполне возможно, если только он будет продолжать итти той же прямой дорогой, так же уверенно, с заранее выработанным планом, к определенной цели. Все правые поддержали его, как один человек, но даже в самой республиканской партии он имел такое большинство, которого никогда не было у его предшественников.

Другим неожиданным и благодетельным последствием этого конфликта была расправа, учиненная по заслугам над знаменитым генералом Буланже, к которому со всей строгостью отнесся председатель совета министров и которого так жестоко отделали даже радикальные ораторы с Клемансо во главе.

Этот божок, который так жалко сбежал на локомотиве, высадившем его в открытом поле, и который дважды упал в обморок на вокзале во время скандальной сумятицы, плачевным героем которой он являлся, считается уже конченным человеком, сохранившим в качестве своих единственных сторонников лишь Рошфоров [21]), Деруледов [22]) и т. п. со всеми их подонками из предместий.

Ждут, что эти безумцы используют завтрашний национальный праздник 14/2 июля и парад на Лонгшанском поле в присутствии президен-

та республики, чтобы организовать новые шумные манифестации. Полиция и военные власти Парижа приняли меры, рассчитанные на всякие случайности, но все же нельзя быть совершенно уверенным, что удастся избежать скандала. Ультра-радикальные газеты уже выпустили крайне резкие воззвания к народу; предполагается также развернуть и русский флаг. Я уже заранее принял против этого меры, обратив на это самое серьезное внимание г. Флурапса, который тотчас же предупредил префекта полиции. Будем надеяться, что население Парижа окажется благоразумным и что день обойдется без осложнений. Во всяком случае правительство на этот раз выполнит свой долг, так как видимо старается загладить то нерадение, которое оно недавно проявило.

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 18/6 июля 1887 г. *).

День национального праздника 14/2 июля прошел хорошо. Можно даже сказать — очень хорошо. Правда, гг. Рошфор, Дерулед и их сподвижники подстроили кой-какие незначительные выступления по пути следования президента и министров; несколько сот проходимцев, расставленных по этому пути, неистово свистали в особого рода свистки, которые им раздавались в большом количестве; эти же подкупленные банды надрывались, крича: «Да здравствует Буланже», — но вот и все. Напротив, контрманифестации, приветствовавшие президента и войска, были гораздо внушительнее и искреннее...

...Другим происшествием этого дня была чрезвычайно неуместная и прямо провокационная демонстрация, которую демагоги и зачинщики беспорядков ежегодно устраивают в этот самый день перед статуей Страсбурга на площади Согласия. Прискорбно для нас, что в числе наиболее видных лиц, принимавших деятельное участие в демонстрации, называли некоего Загуляева, представителя «Нового времени», который парадировал вместе с Деруледами, Санбефами [23]) и т. д. и т. д. под крики толпы: «Да здравствует Буланже», «Да здравствует Рошфор». Достаточно прочитать отчет «L'Intrasigeant», чтобы убедиться в этом. Это произвело самое грустное впечатление на благомыслящую часть общества, не исключая и республиканцев. Я уже не говорю о правительстве, которое решительно ничего не понимает в этой открыто афишируемой солидарности с его самыми яростными противниками. Уже во время гнусных беспорядков, которые произошли при отъезде Буланже, какой-то русский, — не могу сказать, тот ли это самый или другой, — принял в них деятельное участие, обратившись к толпе с речью, в которой называл Буланже французским Скобелевым, и говорил разные тому подобные нелепости. Прилагаю вырезку из «Temps», где упоминается об этом случае. Я пытаюсь узнать, кто это был, но пока мне это еще не удалось.

Кроме этих фактов, в сущности малозначащих, в особенности если принять во внимание угрозы, которые еще заранее распространяли радикалы, день прошел как нельзя более спокойно. По общему мнению, это — заслуга правительства, так как г. Рувье приказал принять самые энергичные меры для того, чтобы предупредить, помешать и, если будет нужно, подавить всякое мятежное движение. Правительство

*) А. В. П., К. 75, л. 150.

не было застигнуто врасплох и не отступило перед необходимыми мерами.

Можно сказать, что каждое распоряжение, каждое выступление нового министерства с каждым днем все более завоевывает ему всеобщее уважение и даже всеобщие симпатии. В управлении государством чувствуется прямота, твердость, мужество и честность, что вызывает удивление и даже более — благодарность. Если республика хочет, чтобы с ней примирились, то это наилучший способ пропаганды в ее пользу...

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 21/9 июля 1887 г. *).

Господин министр,

..Вы найдете также [в письме Флуранса] [24]) упоминание о г. Загуляеве; этот последний не только не побоялся принять публичное участие в мятежных манифестациях 14/2 июля, но и был также инициатором проекта, осуществиться которому, правда, помешали, а именно продефилировать с русским флагом перед статуей Страсбурга. Приложенная к тому же письму министра перехваченная телеграмма (на ней отмечено «перевод»), отправлена из Клермон-Феррана, теперешнего местопребывания генерала Буланже. В ней идет речь о г. Павловском, еврее-нигилисте, корреспонденте «Нового времени». Все это ставит в тупик французский кабинет, который не может найти объяснения этой солидарности наших органов печати, пользующихся наибольшим доверием у публики, с наихудшими демагогами Франции и с отъявленными врагами правительства и самого главы государства. На другой день после получения мною этой записки Флуранс откровенно и не без горечи говорил со мной об этом. Я, конечно, ни на минуту не допускаю мысли о том, чтобы эти закулисные махинации могли серьезно противодействовать той линии, которую я уполномочен проводить для поддержания добрых и полезных отношений с Францией. Об этом достаточно свидетельствует это самое письмо г. Флуранса. Однако я не могу отрицать, что преступные махинации подобного рода, в ряду других, им подобных, о которых уже известно вашему превосходительству из моих прежних донесений, являются опасными и вредными, так как вводят в заблуждение не только большую публику, но даже и людей более осведомленных, относительно тех влияний, которые будто бы борются у нас из-за политического преобладания. За этими происками журналистов угадывают суетящихся честолюбцев, их даже называют по именам. Это зло проявляется не только во Франции, о его существовании подозревают и в других местах, и было бы очень желательно положить этому конец. Что касается меня, то я имею основание полагать, что приезд Загуляева, — который, конечно, уклонился от посещения посольства, — мотивирован, хотя бы отчасти, желанием собрать данные в пользу обвинения «Новым временем» в шпионстве полковника Вильома [25]).

Если это так, то содержание телеграммы доказывает, что поручение не осталось без результатов, и наш путешественник возвращается не с пустыми руками.

Моренгейм.

---

*) А. В. П., К. 75, л. 155.

Телеграмма Моренгейма Гирсу от 6 августа/25 июля 1887 *).

Поездка Деруледа [26]), на которую обращаю ваше бдительное внимание, раздражает здешнее правительство. Оно крайне ею недовольно, так как видит в этом клеврете генерала Буланже своего злейшего врага и считает его первым зачинщиком бесчинств и буйств, сопровождавших отъезд этого генерала и произведенных в день военного смотра, о коих я докладывал вам в моих письмах. Вследствие этого правительство твердо надеется, что оказанный Деруледу у нас прием будет служить назидательным доказательством того, что мы негодуем против радикальной шайки и вполне дружески относимся к настоящему правительству **),

[Моренгейм.]

Письмо Моренгейма Гирсу от 10 августа/29 июля 1887 г. ***).

Милостивый государь Николай Карлович!

Кончина Михаила Никифоровича Каткова вызвала здесь общее искреннее участие. На постигшую Россию тяжкую потерю отозвалась в особенности печать с непритворной скорбью. Конечно, в подобных воздаяниях посмертных похвал не обходится без голословия, тем более под пером французским, всегда изобличающим присущие всему народу поразительное незнание и легкомыслие. Но, тем не менее, заверить могу, что в общей сложности воздана покойнику должная честь по достоинству.

Нельзя, однако, не сделать оговорки насчет радикальных демонстраций. Никакой за ними искренности признавать не должно. Имелось тут единственно в виду над не успевшим еще остынуть прахом разыграть кощунскую комедию мнимой солидарности между французской демократией и русским общественным мнением. Россия, мол, с нами и за нас. С этой целью задумали, было, вожаки революционной партии отправить в Москву депутацию, якобы, от прессы, во главе которой стоял бы не кто иной, как известный парижский депутат-радикал Локруа [28]), получивший наиболее голосов на последних выборах и потому величаемый le premier élu de Paris. Этот бывший довольно потешный водевилист, произведенный вдруг г. Фрейсине ни более ни менее как в министры торговли, — чем успел рассмешить народ пуще прежнего, — собирался ехать к нам пооораторствовать в сообществе подобранных ему под-стать представителей чего-то и произвел бы, конечно, нивесть какое безобразие. Узнав о таком замысле, я поручил нашему советнику г. Коцебу внушить частным образом, но от моего, однако, имени, начальнику кабинета (chef de Cabinet) г. Флуранса, что, по-моему, весьма было бы желательно предупредить подобную отправку, тем более что, судя по именам главных суетящихся личностей, она принимала характер все более и более односторонний, а именно радикальный. Проект не осуществился. Но вместе с тем, депутация от этих же господ явилась к г. Коцебу с предъявлением телеграммы из Москвы от г. Циона [29]), в которой внушалась им мысль отслужить в нашей церкви панихиду по усопшем, священник же пригласил их обратиться в посольство. Извещенный об этом, я дал им знать, что панихида и без того отслужится

*) А. В. П., К. 74, л. 281.

**) В подлиннике помета Александра III: «Сообщить об этом кн. Долгорукову [27]) в Москву».

***) А. В. П., К. 75, л. 185.

в посольской церкви для всех проживающих в Париже русских в день похорон, и что никому из пожелающих присоединить свои молитвы к нашим вход в храм не возбраняется, под условием воздержания от всяких манифестаций в пределах церковных. Какие-то два господина из журналистов в самом деле пожаловали, но не из видных.

Из прилагаемой у сего выписки из сообщенного мне по этому делу письма г. Флуранса к доверенному лицу ваше превосходительство убедиться изволите, как на оное смотрело французское правительство и какую признавало за оным неудобную важность. Не обошлось и на этот раз, как видите, без генерала-скомороха. О Деруледе я вам тотчас же телеграфировал.

Моренгейм.

Выписка из письма французского министра иностранных дел Флуранса к доверенному лицу *).

Мне понятно значение, которое представляет этот вопрос; телеграммы Буланже, которые я видел, заставили меня уяснить себе важность этого вопроса. По наущению генерала Буланже, подготовлялась манифестация, последствия которой могли иметь некоторое значение. Я тотчас же велел предупредить Локруа, и, согласно моему предложению, собрание представителей ассоциаций французской прессы решило не посылать своих представителей, чтобы избежать необходимости произнести слова, которые могли бы быть истолкованы превратно. Они ограничатся, принимая во внимание профессиональное положение покойного, только посылкой телеграммы с выражением соболезнования и венка. И даже здесь из соображений осторожности они не будут официально принимать участие в церемонии на улице Дарю [30]).

Только один г. Дерулед сам себя делегировал: ничто не может его удержать. Российскому правительству надлежит приемом, который оно ему устроит, отбить у него охоту к повторению в будущем этой жалкой и опасной комедии. В самом деле, заинтересовано в этом уже российское правительство.

Доклад Гирса Александру III 31/19 августа 1887 г. **).

После шумного пребывания своего в Нижнем-Новгороде Дерулед прибыл в Петербург, где его чествуют редакторы некоторых наших газет, проповедующих союз с Францией против Германии. На днях вздумал он посетить меня в Финляндии, не предупредив меня о своем визите. Я не счел возможным его принять ***) тем более, что у меня в тот день было несколько гостей, которым присутствие ярого представителя французской лиги Revanche показалось бы, по крайней мере, странным. Я не могу также не принять в соображение те сведения, которые наш посол в Париже сообщает нам о политической деятельности этого агитатора.

Меня уверяют, что Дерулед отправляется сегодня в Копенгаген ****).

О вышеизложенном считаю обязанностью довести до сведения вашего величества.

---

*) Заголовок подлинника.
**) А.В.П., К. 34, л. 89.
***) В подлиннике помета Александра III: «Конечно».
****) В подлиннике помета Александра III: «Ничего еще об этом не слыхал».

Доклад Гирса Александру III 15/3 сентября 1887 г. *).

Генерал Швейниц [31]) сообщил мне, по поручению князя Бисмарка, что чествование Деруледа в Нижнем-Новгороде, в котором принимали участие местные власти и даже сам губернатор, и в особенности произнесенные по этому случаю воинственные речи произвели сильное впечатление по всей Германии и возбудили там умы во всех слоях общества, тем более что почти вся наша печать вторит этим проявлениям ненависти к немцам.

Нисколько не сомневаясь в дружеском расположении императорского правительства, Бисмарк находит весьма желательным, чтобы положен был предел таким враждебным демонстрациям, клонящимся к нарушению добрых отношений между обоими государствами.

Я отвечал Швейницу, что появлению у нас Деруледа, наделавшего столько шума, нельзя придавать серьезного значения, и что оно далеко не произвело того действия, которого ожидал от него французский агитатор. Объяснение это, равно как и те, которые я не раз давал уже ему относительно прессы, его мало удовлетворили; в возражениях своих он особенно указывал на то, что даже такой официальный орган, как «Варшавский дневник», подлежащий предварительной цензуре, дозволяет себе постоянно самые грубые нападки и клеветы на германское правительство.

Еще до этих объяснений с Швейницем я счел долгом, вследствие известных вашему величеству сообщений барона Моренгейма, обратить внимание министра внутренних дел на неуместную и вредную агитацию, возбужденную у нас появлением Деруледа, на что получил в ответ, что этот иностранец уже выехал из России и что главному управлению по делам печати предложено принять меры, чтобы наши газеты были сдержаннее относительно Германии.

О вышеизложенном считаю обязанностью довести до высочайшего сведения вашего величества **).

Гирс.

1888 г.

Телеграмма Моренгейма Гирсу от 31/19 марта 1888 г.

Лично.

Катакази только-что ознакомился с текстом письма Буланже к гг. Татищеву и генералу Игнатьеву [32]), в котором он просит вести в его пользу пропаганду в русской прессе и разоблачает меня как немца, предавшегося Бисмарку. Посредником между Буланже и Катакази служит некий Корвин-Круковский ***).

[Моренгейм.]

Письмо Моренгейма Гирсу от 12 апреля/31 марта 1888 г. ****).

Господин министр,

Благодаря развитию плебисцитарного движения положение серьезно ухудшилось за неделю, прошедшую со времени моего последнего пись-

*) А. В. П., С. А. 113, л. 95.

**) В подлиннике помета Александра III: «Странно, что немцы обращают такое внимание на пустословие газет! Кто им верит и кто может придавать серьезное внимание этому вранью».

***) В подлиннике помета Александра III: «Предупредите об этом Толстого» [33]).

****) А. В. П., К. 74, л. 65.

ма, в котором я резюмировал внутриполитическую ситуацию. Это плебисцитарное движение растет с каждым днем и, весьма возможно, отодвинет на задний план все еще продолжающийся министерский кризис.

Умышленно говорю «плебисцитарное движение», ибо случайный человек, стоящий в центре этого движения, дал ему лишь свое имя. Он подвернулся случайно и воспользовался апатией страны, но еще вопрос, удастся ли ему в конце концов вообще ею воспользоваться. Совершенно несомненно, что не человек этот вызывает энтузиазм, да и не словом «энтузиазм» следовало бы назвать чувство, при помощи которого массы приводятся в движение. Прямо смотря на вещи, мы не видим ни энтузиазма в стране, ни престижа у этого человека. Страна вполне естественно устала, чувствует отвращение к настоящему положению вещей и бесконечно права, обвиняя и парламент, который управляет, и правительство, которое не управляет. Три года тяжелого опыта заставили ее, наконец, ясно понять, что именно палате, делавшей невозможным существование какого-либо правительства, она обязана этой анархией, благодаря которой она так низко пала материально и морально. Эта истина, которая была очевидна с момента сформирования парламента, уже давно должна была бы заставить лиц, последовательно возглавлявших за это время государство, освободить страну от этого парламента. Из-за того, что во-время не воспользовались предохранительным клапаном, довели дело до взрыва котла! Теперь уже не ставится более вопроса о том или ином министерстве, — эти семейные споры уже всем надоели, — речь идет о самом парламенте, который породил эти министерства, и даже, более того, речь идет о самом парламентском режиме. Как только плотина будет прорвана, никто уже не сможет сказать, что уцелеет от наводнения, и не будет ли вместе с парламентом, по заслугам осужденным, смыт волнами и парламентаризм. Во Франции, — мы это видели много раз, — все возможно, и события мчатся с невероятной быстротой. Вспомним 1848 год, с которым 1888 год имеет много общего. Те, которых называли тогда доктринерами, называются теперь оппортунистами, но это все те же теоретики, те же идеологи, которые верят чистосердечно, но наивно во все то, что находится в их книгах и дальше своих измышлений не идут. Несомненно, что теперь, как и тогда, они являются более ценными, чем те, которые их стараются свергнуть, но они им уступают в том, что они не способны к действию, т. е. не способны управлять. Я вижу этих людей, получивших, наконец, власть, о которой они так долго мечтали. Они как бы стоят передо мной, оцепеневшие от изумления.

Только третьего дня г. Фрейсине, который зашел ко мне, должен был признать, что в пяти шагах уже ничего не видно, — так много «поднято пыли» со всех сторон. «Но, — уверял он, однако, без особой убежденности, — все это осядет, все это осядет». Уверяю вас, этот меланхолический военный министр вызывал во мне чувство сострадания. Словом, как бы ни было опасно писать о том, что никому неведомо, я все-таки постараюсь сейчас выделить несколько уже определившихся моментов во всем этом мраке неизвестности.

Генерал Буланже, вероятнее всего, будет избран в ближайшее воскресенье в Северном департаменте и появится в палате при открытии сессии 19/7-го. Это будет решительный день. Каким образом он появится в палате? В роли шумного триумфатора, сопровождаемого толпою в несколько тысяч человек, надлежаще выдрессированных для этого

случая и осаждающих Бурбонский дворец, в то время как он поднимется на трибуну, чтобы бросить в лицо палаты грозную филиппику, после чего ему останется только покинуть собрание, которое он дезавуировал? Это, мне кажется, вполне в его стиле и является совершенно последовательным. Или же он примирится с необходимостью заседать в палате, роспуск которой является альфой его программы, подобно тому как пересмотр конституции — ее омегой? И что произойдет тогда на улице? Мне говорили сегодня утром о том, что предвидится возможность объявления военного положения со специальными полномочиями, предоставленными генералу Соссье, генерал-губернатору Парижа. В том случае, если «человек плебисцита» будет вести себя спокойно, не найдется ли среди членов консервативной оппозиции кого-либо, кто взял бы на себя почин, и, внеся интерпелляцию, включающую вотум о доверии, вызвал бы министерский кризис, для того чтобы выйти из двусмысленного и опасного положения? Или же, ввиду пресловутого политического путешествия в Бордо, о котором возвестил президент республики, и для которого он уже заранее назначил дату — 27/15, еще предоставят кабинету отсрочку под видом отсрочки открытия сессии палаты, как этого хочет и на что надеется, повидимому, президент. Вот ряд вопросов, на которые ни один француз, к какой бы партии он ни принадлежал, не в состоянии дать ответа. Растерянность не только в официальных кругах, она повсюду, и даже сам господин Кассаньяк,— а этим сказано все, — сознается в своей сегодняшней статье в «Autorité», что не видит выхода. Для бонапартистов действительно вопрос является вдвойне щекотливым. Плебисцит был всегда их платформой. Как же отречься от него теперь, когда, повидимому, идут навстречу их желаниям и когда доказано и признано, как правительством, которое мне об этом заявило, так и бонапартистами, которые от этого не отрекаются, что 90% избирателей генерала Буланже в Дордони, где он собрал большинство, — бонапартисты! И сверх того! Его высочество граф Парижский в своем злополучном манифесте этим летом [34]) не поставил ли опрометчиво самого себя, себя, представителя традиции, исторической законности и монархического легитимизма, основывающегося на божественном праве, — на почву плебисцита? Что уже тогда говорить!

Рассматривая вопрос всесторонне, нужно сказать, что помимо революции, всегда возможной во Франции после того, как прошло 18 лет, — революции, которая могла бы вполне разрешить проблему, — есть только один путь — роспуск палаты. Страна его хочет, и пойти в этом ей навстречу значило бы наполовину обесценить и программу претендента-диктатора и смысл его существования. Разрешить в том или другом смысле оставшуюся половину было бы делом нового парламента, который, очевидно, был бы избран под углом зрения этого кардинального вопроса. Но это слишком просто для французов, именно поэтому следует опасаться, что ближайшие события примут другой оборот.

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 24/12 мая 1888 г. *).

Господин министр,

...Со времени моего письма от 10 мая/28 апреля [35]) новые характерные факты еще больше оттенили ту картину внутренней ситуации Франции,

*) А. В. П., К. 74, л. 101.

которую я позволил себе обрисовать. Несмотря на крайнюю неясность, которая характерна для положения в целом, все же есть возможность наметить с некоторой отчетливостью те главные пути, по которым пойдут противоположные течения, вплоть до неизбежного столкновения. Возбуждение, овладевшее умами, распространяется с такой силой и быстротой, что столкновение угрожает произойти гораздо скорее, чем можно было предполагать еще две недели тому назад. То, что долгое время ощущалось лишь как смутное неблагополучие и сказалось в ряде кризисов и потрясений, которые более полугода волновали страну, проявляется теперь в общем недовольстве, охватывающем все большие круги населения, на всей территории и во всех слоях. В существующем положении вещей пробита брешь сразу со всех сторон, и одновременная атака, исходя из самых противоположных пунктов, направлена в одну и ту же центральную точку, где находится нечто неопределенное, занимающее место, носящее имя и с трудом, правда, играющее роль правительства. Так как давно уже никто более не знает, где можно его найти, и так как все становятся все более безучастными к его составу, то уже более не делают различия между министерствами, долженствующими представлять правительство, и палатой, которая эти министерства порождает или, скорее, выкидывает недоношенными. Следствием этого хронического и бесплодного брожения является действительное отсутствие всякой центральной власти во Франции, и в этой стране, где еще недавно Париж был всем, Париж уже очень близок к тому, чтобы стать ничем. Это обнаружится на ближайших всеобщих выборах. Политические штабы потеряли руководство страной. Население 35 000 коммун Франции видит правительство только в лице своих маленьких местных тиранов, которые нарушают их интересы и оскорбляют их чувства и даже их религиозные убеждения. Поэтому надо быть готовым к тому, что избиратели в массе окажут сопротивление всякому влиянию и всякому давлению, сбросив с себя опеку комитетов, которые раньше вели их к урнам. Здесь налицо сильное и непреодолимое движение, которое продолжает расти, не поддаваясь пока точному учету, и с которым, как все это чувствуют, необходимо считаться. Именно страх перед этой неизвестностью приводит правительство и палату в оцепенение и заставляет больше всего опасаться теперь, когда время уже упущено, высшего испытания — апелляции к стране, чем они, благодаря своей величайшей неповоротливости, сами не сумели своевременно воспользоваться. Теперь эта апелляция, можно сказать, производится самой страной и против их воли. Это — лозунг, объединяющий всех противников теперешнего режима, как справа, так и слева. Я полагаю, что совершенно несостоятельны попытки палаты и кабинета, находящихся в одинаковой степени под угрозой, противопоставить этому тройному потоку [36]), который их захлестывает, хрупкую преграду в виде так называемой концентрации искусственно подобранных и ничем не связанных элементов. Эти ухищрения ни к чему не поведут. Позиции заняты, бой начался, борьба будет ожесточенная, и совершенно нельзя сказать, что она закончится на избирательной арене.

Именно крайние партии вступят в поединок в этой схватке и определят ее исход. Умеренные или оппортунисты будут перемолоты между двумя жерновами и неизбежно увеличат собою ряды главных противников. Это будет им отплатой за их бездействие, когда власть была в их руках, и будет справедливым возмездием за их капитуляцию.

А пока вызов брошен. Радикалы всех оттенков и наименований, вплоть до социалистов и анархистов включительно, объединились в «Общество прав человека и гражданина», название, заимствованное из обихода 89-го года, которое будет с течением времени заменено другим — «Комитет общественного спасения», заимствованным из словаря 93-го года. Цель их, которая ими открыто провозглашается, — взять в свои руки и продолжать дело «Великой революции», пользуясь теми же средствами, которыми пользовались их великие предшественники в прошлом веке. Прилагаю здесь текст декларации этого общества [37]).

В свою очередь, все группы монархической правой также объединены в одно общество пропаганды плебисцита всеми легальными средствами, как парламентскими, так и внепарламентскими. Программа этого общества будет окончательно установлена только завтра, в пятницу, на пленарном заседании. К промежуточному между этими двумя течениями следует отнести пока еще существующее, но почти отошедшее уже в область воспоминаний, так называемое буланжистское движение. Хотя оно и находится в упадке, но оно могло бы, несомненно, опять приобрести даже очень большое значение и соперничать с другими, если бы во главе его стояли более серьезные и уважаемые лица. Но горсточка авантюристов крайне ничтожного веса, являющаяся его вдохновителями, представляется мне слишком ничтожной, чтобы быть в состоянии противостать лидерам двух других направлений.

Среди всего этого хаоса кабинет и палата ведут жалкое существование, изо дня в день, шатаясь и поддерживая друг друга, и ничего другого не признают, как только ничего не делать и ничего не говорить из опасения сделать ложный шаг или сказать неподходящее слово. Вот каково великое министерство Флоке [38])! Сколько времени может это продолжаться? Это будет зависеть от чистейшей случайности.

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 7 июня/26 мая 1888 г. *).

...Новое появление на сцене генерала Буланже [39]) способствовало выяснению положения, поскольку оно раскрыло его личное убожество, в чем можно было сомневаться лишь до тех пор, пока оно не подверглось испытанию. Что касается меня, то я в этом ни на минуту не сомневался. Ведь по существу ничтожество не может осуществлять ничего положительного. Пока ревизионистское движение, которое охватило страну вследствие отвращения к современному парламентскому режиму, пребывало в своей первой, чисто отрицательной фазе, нельзя было, казалось, пренебрегать движением, которое окрестили именем буланжизма. Теперь, когда пришло время действовать, монархические партии, которые раньше не отвергали его содействия, с целью использовать его в своих целях, теперь от него отрекаются, и все открыто выступают под своим собственным флагом. В беспорядочном заседании палаты, посвященном обсуждению предложения о пересмотре конституции, которое было внесено генералом Буланже и в защиту которого он сам и выступил, герцог Дудовилль открыто, во всеуслышание провозгласил задачей своей партии восстановление королевской власти; все республиканские фракции, находящиеся в коалиции, высказались

*) А. В. П., К. 74, л. 95.

против какой бы то ни было попытки ревизии посредством плебисцита, признав этим самым, что современный республиканский режим стоит выше даже самого всеобщего голосования. Одни только бонапартисты в газете г. Жолибуа, который возглавляет партию обращения к народу, открыто заявили, что они готовы заранее принять всякое решение нации, какое она вынесет в своих избирательных собраниях. Это было смело, но рискованно! Голосование дало знаменательные результаты. 377 голосами против 186 отвергнута срочность предложения генерала Буланже о пересмотре конституции. Если же принять во внимание, что в эти 186 голосов вошли также 170 голосов монархистов, которые только что отказались от каких бы то ни было сделок с генералом, то в его активе остается лишь 17 голосов! Это полный провал, который отзовется во всей стране. Правда, на этот раз дело идет лишь о палате депутатов, притом о палате, потерявшей доверие страны, и, конечно, нельзя было ожидать, что она будет голосовать за свой собственный смертный приговор.

Самый большой и наиболее важный вопрос о пересмотре конституции таким образом ни в какой степени не предрешен и продолжает оставаться в полной зависимости от непредвиденных случайностей общих выборов, независимо от того, когда они состоятся. Но уже теперь, с первых же шагов, он ясно поставлен, и б у л а н ж и з м, по-моему, разбит в первой же схватке! Затем — и это пока единственно достигнутый п р а к т и ч е с к и й результат, — все шансы за то, что республиканская коалиция, созданная общей опасностью, просуществует так же долго, как и эта опасность. Это обстоятельство обеспечивает настоящему кабинету такую прочность, на которую он ранее сам не рассчитывал, и даст ему возможность дотянуть до ноября, так как нынешняя сессия продлится не более нескольких недель, т. е. до половины июля нового стиля. Это — значительная передышка, которая, если ее хорошо использовать, может позволить правительству употребить все находящиеся в его распоряжении действительные средства к тому, чтобы подготовиться к будущим выборам, которые будут проходить, очевидно, под радикальными лозунгами. Итак, теперь более чем когда-либо решительная борьба грозит захватить лишь обе крайние партии как левого, так и правого сектора.

М о р е н г е й м.

Доверительное письмо Моренгейма Гирсу от 19/7 июля 1888 г. *).

Господин министр,

Вчера наконец-то сессия палаты закончилась. Скандалы на последних ее заседаниях получили во всем мире такую большую огласку, что нет надобности привлекать ваше внимание к этой скандальной эпопее. К тому же здесь все быстро забывается, и никто уже больше не интересуется тем, что произошло неделю тому назад! Удар шпагой, который так глупо навлек на себя генерал Буланже [40]), был причиной того, что над ним немного посмеялись, но, вообще, думается, мало что от этого изменилось. Большинство скорее думает, хотя в этом и не сознается, что если дуэль прошла удачно для премьер-министра, то это вовсе не значит, что на его долю выпал успех в палате, где генерал безжалостно бичевал свору депутатов, которые лаяли и визжали, как собаки на псарне. Надо сознаться, обвинения, которые он бросал в лицо этой

*) А. В. П., К. 74, л. 149.

несчастной палате, все попадали в цель, так что его положение было выигрышное. Только решился он на это слишком поздно, когда со времени своего избрания в парламент он уже потерял почти всю ту популярность, которой он пользовался раньше. Именно при первом его появлении в стенах парламента, тотчас же как он занял свое депутатское место, должен был он начать с того, чем он закончил сейчас,— когда уже слишком поздно! Признаюсь, я ожидал, что таким именно будет его первое выступление в палате. Помнится, я вам писал об этом[41]) накануне этого выступления. Тогда впечатление было бы огромное. Сплошная толпа, стоявшая вдоль всех улиц, заполнившая громадное пространство площади Согласия, все подходы к Бурбонскому дворцу[42]), приветствовала его как победителя, и палата была объята страхом. Ну, а он удовольствовался тем, что медленно прогуливался в своем ландо кокотки, с красными помпонами на ушах лоснящихся лошадей, с гвоздикой в петлице, — этим все и ограничилось! С этого момента он начал казаться смешным. Его противники приободрились, сомкнули свои ряды, использовали те длинные недели, которые у него проходили зря, в безделье. Когда же он почувствовал, что почва уходит из-под ног, то захотел вернуться к своей роли, но время было уже упущено. Однако, несмотря на все остроты по адресу человека, который, выставляя себя защитником Франции, не сумел защитить самого себя, и т. д. и т. д., мне кажется вполне доказанным, что если шпага министра-адвоката не убила ни его партии, ни его самого, то тем не менее, как и до этого, партия эта будет умирать естественной смертью. И на этот раз в конечном счете все решат выборы, и если в следующее воскресенье генерал Буланже потерпит в Ардеше такую же решительную неудачу, как раньше в Шаранте[43]), можно будет считать, что его короткая карьера закончена. Повторяю, еще раз: в центре внимания стоит теперь предвыборная кампания. Все, что делается, говорится или думается, имеет в виду лишь выборы. Их организация, их подготовка займет для всех партий парламентские каникулы...

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 16/4 августа 1888 г. *).

Господин министр,

...Что касается внутреннего положения во Франции, то оно становится все более и более тяжелым. Несомненно, есть доля злорадства и злого умысла в таком преувеличении фактов, как это делают немецкие газеты, которые уверяют своих читателей, что Париж только что пережил революцию еще более грозную, чем революции 1830, 1848 и даже 1871 годов (даже даты налицо). Это до смешного нелепо. Кое-где были отдельные уличные выступления[44]), перешедшие в стычки с полицейскими, которые честно выполнили свой долг; несколько тумаков, полученных той и другой стороной; несколько арестов наиболее буйных вожаков, присужденных затем к наказанию в исправительной тюрьме — в сущности, этим все и кончилось. Меньше, чем год тому назад не тому еще мы были свидетелями в самом центре Лондона[45])! Приходится все же признать, что хотя беспорядки, вызванные профессиональными мятежниками,и быстро подавлены и не имели реального и серьезного успеха на улицах Парижа, тем не менее они являются чрезвычайно тревожным симптомом того замешательства, которое все более и

*) А. В. П., К. 74, л. 167.

более овладевает умами. Нечего заблуждаться: слово «стачки» употребляется здесь лишь для замаскировки их истинных целей. То, что здесь происходит, является далеко не экономическим движением, вызванным вопросом о заработной плате, но просто-напросто первым опытом анархического мятежа. Если кто и бастует, то можно смело утверждать, — это правительство! То, что прекратили хождение по улицам с красным флагом, это, конечно, похвально, и уже является чем-то положительным, но помешать распространению идей и доктрин, только символом которых является эта кровавая тряпка, — это задача, превышающая силы нынешнего радикального правительства. Его происхождение, его прошлое, его связи, его обязательства, самый смысл его существования — все это обрекает его на бессилие; несомненно, самое радикальное, что есть у этого правительства, — это его полная неспособность к действию; эта неспособность, проявившись на практике, стала до такой степени очевидной, что вызвала даже расхождение в рядах самого кабинета, противоположные элементы которого вступили в скрытую борьбу друг с другом...

...Тройные выборы [46]), на которых генерал Буланже выставил свою кандидатуру и которые должны состояться в следующее воскресенье, лягут тяжелым грузом на чашку весов. Неудача нанесет решительный удар республиканской концентрации, которая держится лишь с большим трудом и благодаря только существованию этой общей опасности. Поэтому непонятно, почему кандидатуру Буланже поддерживают монархисты, содействуя таким образом сохранению власти у нынешнего радикального правительства.

Мне не хотелось бы еще раз брать на себя неблагодарную задачу привлечения внимания императорского правительства на возобновление у нас тайных происков некоей партии. Эта последняя, кажется, поставила себе целью всеми возможными способами создавать затруднения нашей внешнеполитической деятельности, которая только выполняет со всей добросовестностью начертания нашего августейшего повелителя. После великого события, петергофского свидания [47]), эти подпольные происки возобновились с еще большей силой. Об истинных размерах их можно судить по статьям в «Nouvelle Revue» и в «Matin».

Я уже столько раз полностью приводил все имена, что было бы совершенно бесполезно их снова повторять, тем более что они должны быть лучше, чем мне, известны вашему превосходительству. Пребывание, возможно случайное, одного из наших наиболее видных публицистов в этот именно момент в Париже заставило кое-кого сделать выводы о существовании некоторых связей... Так как я абсолютно об этом ничего не знаю и не буду в состоянии ничего узнать, я лично воздерживаюсь от каких-либо предположений. Но как бы то ни было и каков бы ни был источник этих новых интриг, ваше превосходительство можете сами судить о том особо неблагоприятном впечатлении, которое они могли бы здесь произвести, если бы, благодарение богу, — я могу сказать это без преувеличения, — то положение, которое я завоевал себе в стране, не позволяло мне с полным хладнокровием и крайним презрением созерцать эти попытки ввести в заблуждение общественное мнение на наш счет. И тем не менее, ставя своей целью дискредитировать в глазах иностранцев свое собственное правительство, которое они изображают находящимся в оппозиции к стране, эти так называемые великие патриоты идут на скверное, преступное дело. Но, я повторяю, в данное время не только французское правительство, но и

само французское общество слишком хорошо в этом разбирается, чтобы мне, хоть бы в малейшей степени, следовало обращать на эти измышления внимание, больше того, чего они заслуживают.

Моренгейм.

Телеграмма Моренгейма Гирсу от 30/18 августа 1888 г.

Из источника, заслуживающего доверия, мне известно, что Буланже, уехавший в Швецию, рассчитывает, если ему не воспрепятствуют, отправиться в Россию. Мне кажется, что следовало бы его отговорить от этого, ввиду невозможности оказать ему тот прием, на который он, повидимому, рассчитывает, и тех неудобств, которые вызовет пребывание его среди нашего общества.

[Моренгейм.]

Письмо Моренгейма Гирсу от 30/18 августа 1888 г. *)

Господин министр.

...Что касается «нового успеха» генерала Буланже, то, смею думать, это только видимость, которая полностью объясняется отнюдь не искренней поддержкой монархистов обоих лагерей. У него нет его собственной партии, на которую он мог бы опираться и вообще базироваться. Его подталкивают, и он уступает, так как сейчас иначе поступать не может, но не отдает себе отчета в том, и куда он идет, и чего он хочет. Именно потому, что он — нуль и за ним никто не стоит, он и может быть игрушкой в руках кого угодно. Это — самый заурядный перекресток, где встречается много дорог, но это — не большая дорога, указующая путь.

Обе хорошие, прямо прекрасные речи роялистов — герцога д'Одиффрэ-Паскье и г. Боше,—как бы они ни были на самом деле великолепны,—не в состоянии, однако, заглушить гораздо более мощного голоса страстей, не поддающихся никаким убеждениям. Если бы дело было только в том, чтобы произнести обвинительные речи против республики, представшей сейчас перед нами в ее истинном свете, не понадобилось бы даже затратить такого количества красноречия, чтобы покончить с режимом, в котором неизвестно что преобладает—нелепость или гнусность. Но в вопросах политики, на публику уже не действуют чары ораторского красноречия, которым она поддавалась в доброе старое время академического парламентаризма. Ни доктрины, ни принципы не имеют уже больше власти над ней. Господствуют лишь интересы, интересы материальные и даже личные. Речами не свергнуть республику! Когда она падет, то это произойдет потому, что она будет поддаваться и затем рухнет под тяжестью экономического банкротства. Надо, чтобы сильнее ударили по карманам частных лиц, чем это делали до сих пор, чтобы взяли вклады из сберегательных касс, чтобы хозяйки вытянули свои денежки из шерстяных чулок. И если машина кое-где как будто и дает трещину, то это лишь симптомы, указывающие на приближение такого бедствия. А если не примут нужных мер, то этот момент расплаты может стать началом ужасной социальной катастрофы. Анархисты уже на своих местах и кружатся, как хищные птицы, почуявшие мертвое тело. В этом-то и заключается большая опасность того глубокого кризиса, который мы здесь переживаем и по-

*) А. В. П., К. 74, л. 172.

ложить которому конец следует как можно скорее. Если этого не сделать, то столетняя годовщина революции, которую интернациональный социализм может, пожалуй, отпраздновать на свой лад, возбуждает самые сильные опасения. Как видно, он уже к этому готовится, и почти открытое руководство этим движением знаменитого парижского муниципального совета, имеющего даже связи с некоторыми лицами, находящимися в данное время у власти, уже ясно проявилось в недавних беспорядках, которые взволновали столицу и которые под видом стачек перекинулись и в другие пункты Франции [44]). Недавно об этом прямо заявил Анри Маре, депутат и редактор газеты «Le Radical», один из самых замечательных и самых умных людей в Париже: «Радикальная политика — это необходимый пункт по пути следования к социализму». Ясно и откровенно.

Позволяю себе обратить ваше внимание на чрезвычайно симптоматичную телеграмму из Копенгагена, прилагаемую здесь [48]). Речь идет о том самом муниципальном совете с господами Вайяном и Жоффреном [49]) во главе, этом временном филиале Коммуны, который наш «глава» [50]), если помните, приглашал приехать к нему в С.-Петербург, обещая ему сердечный прием!

Вам известно, как я был всегда против какого-либо нашего участия в выставке по случаю юбилея революции. Я опасался, что ее участники не всегда сумеют избежать и устоять против соблазнов, в которые их будут стараться втянуть среди всех этих банкетов, тостов, демонстраций и оваций, вероломных и корыстных, нарочито для них в изобилии уготованных: они, пожалуй, наберутся там и привезут с собой вредные семена.

Бесспорно, Франция — важная карта в нашей игре, но только при условии, если она будет сильной, мощной и процветающей, тогда это козырь. Но если мы ходим с червей, зачем нам двойка пик! Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы режим, несущий с собой разрушение и разложение, во власти которого находится сейчас Франция, как можно скорее уступил свое место правительству, которое спасет страну от неизбежного упадка...

Моренгейм.

Письмо Моренгейма Гирсу от 25/13 октября 1888 г. *).

Господин министр,

...Поток донесений о внутреннем положении страны внушает чрезвычайную тревогу правительству, и это ни для кого не секрет, так как все об этом так же хорошо знают, как и само правительство. Все более и более нарастает волна недовольства под именем так называемого буланжизма, за неимением другого более подходящего названия: ведь всегда надо иметь в виду, что не Буланже создал буланжизм, а буланжизм создал Буланже. Пока что он обнаруживает некоторую ловкость, заставляя это течение нести его и окутывая свои намерения тайной, раскрыть которую ему, может быть, еще труднее, чем кому-либо другому; в то же самое время он в равной мере ускользает из объятий противоположных партий, которые хотели бы его потопить, и избегает компрометирующих связей со всеми теми, кто его эксплоатирует в своих целях; последние же поставлены благодаря этому в явно стеснительное положение и не решаются окончательно связать

*) А. В. П., К. 74, л. 201.

себя с такой неизвестностью. Однако, позволительно спросить себя, как же долго может продолжаться такая игра, другими словами, такой взаимный обман, который до поры до времени допускают, и возможно ли генералу, поддерживаемому монархистами, не воспользоваться этой поддержкой? А когда они от него отвернутся, я совершенно не вижу, в ком он найдет себе опору, и вот почему роль его мне кажется более иллюзорной и, вернее сказать, эфемерной, нежели реальной.

Стоило бы только энергичному, последовательно консервативному и властному правительству, которому ведь в этом случае приходится иметь дело не более, чем с жалкими, обреченными на неудачу попытками, проявить хотя бы каплю мужества, твердой и сильной рукой взяться за руль, и гораздо легче, чем можно предположить, оно справилось бы со всеми затруднениями, которые созданы его же бессилием. Франция все еще, что бы там ни говорили, великолепная скаковая лошадь, которая безжалостно сбрасывает плохих ездоков.

Если президент Карно [51]), после того как бюджет будет вотирован, не примет тотчас же одного из тех решений, которые характеризуют крупных государственных деятелей в исторические моменты, решающие судьбы страны, то значит он не оправдает доверия своих сограждан и докажет, что он не понял, в чем заключается смысл политической честности. Совершенно не нужно становиться выше закона или его изменять, достаточно его только применять. В его игре осталась одна лишь карта — консервативное министерство для осуществления роспуска палаты, и с ней он должен выиграть партию.

Моренгейм.

1889 г.

Депеша Коцебу Гирсу от 17/5 января 1889 г., № 1 *).

Господин министр,

После короткого перерыва на праздники палаты неделю тому назад начали функционировать, предварительно переизбрав прежних председателей: г. де Руайе в сенате и г. Мелина в палате депутатов, — оба они являются представителями умеренной части республиканцев, находящихся в данное время у власти.

Прения продолжаются, не подавая до сих пор никакого повода к осложнениям между кабинетом и его противниками: повидимому, внимание всех приковано к вопросу о предстоящих выборах в департаменте Сены, — выборах, которые должны решить, подаст ли Париж свой голос за правительство или за генерала Буланже, который выступает его противником.

Второстепенный вопрос о выборах депутата, ставших необходимыми из-за смерти одного из представителей Парижа, приобрел такое значение, как если бы шел вопрос о выражении населением столицы своих политических убеждений. Правительство обратилось от имени республики к республиканцам всех оттенков с призывом объединиться и голосовать за одного кандидата, противопоставив тем самым мощный несокрушимый авторитет притязаниям генерала Буланже быть выбранным от самого Парижа, — того Буланже, который в своей программе призывает к ниспровержению республиканских учреждений.

*) А. В. П., К. 69, л. 158.

Такое объединение сил до некоторой степени удалось ввиду опасности прихода к власти новых людей, что могло бы грозить смести всех тех, кто за последние годы захватил власть в свои руки. Главари всех республиканских фракций, начиная с крайних левых радикалов до оппортунистов и левого центра, согласились поддерживать любого кандидата из своих рядов.

Слабым местом этой тактики является то обстоятельство, что носитель общей республиканской идеи должен быть в достаточной мере бесцветен и не шокировать ни умеренных, которые хотят сочетать республиканскую форму с консервативными принципами, ни пылких демократов, с нетерпением ожидающих возможности воплотить в жизнь их крайние теории. Вследствие этого вожаки всех фракций сошлись на некоем г. Жаке, радикале, члене генерального совета Сены, как говорят, личности ничтожной и не пользующейся никаким влиянием.

Афиши, провозглашающие г. Жака республиканским кандидатом, сегодня появились на всех стенах Парижа рядом с афишами г. Буланже, с начертанными на них словами: «ревизия, учредительное собрание».

Несмотря на разницу в удельном весе обоих соперников, невозможно сейчас судить о результате начатой игры. Генерал, несомненно, пользуется личным влиянием, зато он имеет против себя старых республиканцев, закаленных в боях (вроде Флоке, Клемансо, Ферри и многих других), мощное давление правительства и громадное большинство газет, агитирующих против него.

У него имеется надежная и активная поддержка в лице 35 тысяч членов лиги патриотов в Париже и его предместьях, молодых и пылких людей, во всем повинующихся Деруледу. Он может быть уверен в 30 тысячах бонапартистах, все остальное покрыто мраком неизвестности. Роялисты заявляют, что они воздержатся, но, вероятно многие из них будут голосовать, вопреки указаниям их вождей, против правительственного кандидата.

Та же неизвестность господствует и в противоположном лагере. Весь торговый Париж слывет за республиканцев умеренного направления. Несмотря на соглашение между главарями, умеренные не решаются поддерживать кандидата, принадлежащего к радикальной партии, и возможно, что между ними будет много воздержавшихся. Большая часть избирателей — рабочие — пока еще не представляют сплоченной массы, хотя правительство и развивает среди них усиленную деятельность. Социалистов, не составляющих, однако, большинства, насчитывается около 75 тысяч, голосовать они будут за радикала. Революционные анархисты, сторонники Коммуны, выставили своего кандидата; он, повидимому, имеет лишь то значение, что напоминает об их существовании. В его распоряжении, вероятно, не более 25 тысяч голосов.

Таковы данные относительно более чем полумиллиона избирателей, которых каждая партия старается привлечь на свою сторону посредством прокламаций, циркуляров, ежедневных совещаний и интриг всякого рода, подкрепленных поддержкой из секретного фонда правительства. Главари обеих сторон стараются разжечь страсти и посеять недовольство. Но каковы бы ни были их усилия, окончательное решение — в руках неразгаданной толпы, подверженной влияниям минутного каприза или бессознательной фантазии.

Я разговаривал с людьми самых разнообразных взглядов: никто ничего определенного сказать не в состоянии, но все полагают, что шансы у генерала Буланже большие, ввиду наличия массы бездельников, ко-

торым предоставлено право голоса и которыми руководит лишь желание досадить правительству, и так как это последнее нервничает по поводу буланжизма, то они не преминут выразить свое недовольство, став на сторону генерала.

Хотя такой взгляд, по всей справедливости, кажется поверхностным и специфическим для парижан, однако, невозможно не признать, что генерал Буланже приобрел себе большую популярность. Средние классы, которые разоряются из-за Панамы или других неудач и которые, не разбираясь, обвиняют правительство, несомненно пойдут за Буланже, и если последний будет иметь успех, то этим он в значительной степени будет обязан именно им.

Каков бы ни был прямой результат выборов, средства пропаганды, пущенные в ход, могут лишь способствовать дальнейшему развитию деморализации, уже и так весьма значительной, и грозить спокойствию страны.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 31/19 января 1889 г., № 5 *)

Господин министр,

В моей телеграмме от 27/15 числа сего месяца я имел честь сообщить вашему превосходительству краткий результат избирательной борьбы, которая держала в напряжении весь Париж в течение последних трех недель.

За генерала Буланже подано 244 070 голосов, за г. Жака 162 520 и за коммунара Буле 16 780 голосов. Генерал выбран большинством в 81 550 голосов.

Выборы прошли при полном спокойствии. Они происходили в воскресенье, погода была прекрасная. Несмотря на поздний час, весь Париж находился на улицах до того самого момента, когда стали известны результаты. Тогда песни и крики «да здравствует Буланже» огласили бульвары. Это весело и безобидно праздновали свою победу толпы молодых людей. Свой успех генерал одержал самым мирным образом, и все-таки это очень важное событие.

Правительство употребило все средства, бывшие в его распоряжении как хорошие, так и заслуживающие порицания, чтобы поддержать своего кандидата; оно провозгласило его кандидатом республики в противовес его сопернику, открыто нападающему на республиканские учреждения. Правительство верило в республиканские чувства столицы, которая является самой надежной цитаделью республики. Но как раз именно здесь оно потерпело поражение от человека, который почти что требует уступить ему место. При таких обстоятельствах это поражение не является уже незначительным инцидентом.

Слова г. Гобле, которые я почел своим долгом передать вашему превосходительству в моем донесении от 17/5 января за № 2, доказывают, как мало было подготовлено правительство к такому исходу кампании, которую оно предприняло. Вчера во время нашего еженедельного свидания министр иностранных дел сказал мне, что его мнение создалось вследствие уверений г. Флоке, который до самой последней минуты верил в успех. В воскресенье, в самый день выборов, г. Анатоль де ля Форж, председатель выборного комитета республиканцев, телеграфировал, что он уверен в победе и что он ручается за это головой.

*) А. В. П., К. 69, л. 148.

Растерянность первых минут равнялась внезапности поражения. Из верного источника мне известно, что Флоке в тот же вечер подал президенту республики прошение об отставке. Так как этот шаг был предпринят без согласования с другими членами кабинета, то отставка председателя совета не была принята. Г. Карно потребовал, чтобы Флоке сам предстал перед палатой с объяснением затруднительности настоящего положения.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 31/19 января 1889 г., № 7 *).

Господин министр,

Ловко проведя и выиграв выборную кампанию, генерал Буланже соблюдает величайшую осторожность, чтобы не дать правительству повода применить насильственные меры.

Все ждали, что в палате он появится с первого же дня в сопровождении своих сендов из лиги патриотов, которые будут приветствовать его при входе и выходе. Так как их более 30 тысяч, то легко можно было вызвать беспорядки и затем воспользоваться этим для роспуска этой ассоциации, которая нарушила уже постановления своего устава, запрещающего ей заниматься внутренней политикой. Когда кабинет почувствует под собой почву, он, может быть, на это решится. Так как он располагает гарнизоном Парижа, то я не думаю, чтобы можно было опасаться народных выступлений.

Никто еще не думает о баррикадах. Это откладывается до того времени, когда из-за полного бессилия власти беднота получит возможность предъявить свои требования богачам. Истые парижане уже насквозь проникнись скептицизмом, испытав на себе в течение столетия режим политической пропаганды, который, однако, еще ни разу не смог превратить их нищету в благосостояние. Они пальцем не шевельнут будь то ради монарха, будь то ради диктатора, или парламента, и мне кажется, что борьба, завязавшаяся между политиканствующими деятелями, будет в дальнейшем продолжаться с помощью единственного оружия, имеющегося в их распоряжении, а именно — интриг.

Генерал спокойно сидит дома; он даже избегает показываться на улицах из боязни демонстрации. Он намеревается достичь власти не силой, а посредством голосования, рассчитывая, что на следующих общих выборах он соберет такое громадное количество голосов во всей Франции, что предстанет как избранник нации. В качестве такового правительство, согласно конституции, должно будет включить его в состав кабинета; он возьмет себе военное министерство и, располагая армией, сможет провозгласить все, что захочет. Так именно представили мне во французских министерских кругах план действий генерала Буланже.

Г. Гобле добавляет, что президент республики никогда не предложит министерский портфель человеку, который преследует исключительно личные цели. Однако, министр выражает сожаление по поводу того, что Буланже оказался так некстати возвеличенным, когда при отставке кабинета, в который он входил, он был смещен непосредственно после успеха, одержанного им в деле Шнебеле [15]); что его превратили в мученика, назначив его командующим самого худшего во Франции военного округа, в Оверни, и затем преследуя его из-за всяких вздорных нару-

*) А. В. П., К. 69, л. 142.

шений дисциплины; придирки эти общественное мнение находило просто смешными.

В этой оценке я вижу опасный намек на то, что министр-радикал сохранил не совсем дурное воспоминание о своем прежнем коллеге, что я и считаю долгом отметить, всегда имея в виду возможность перемен при таком неустойчивом положении вещей, какое мы сейчас наблюдаем.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 14/2 февраля 1889 г., № 10 *).

Господин министр,

Ко мне приходил старый, влиятельный бонапартист, с которым я давно знаком, и который совсем недавно примкнул к буланжистскому движению и теперь служит ему своим пером и своим значительным состоянием.

Зная, что он играет важную роль среди приверженцев генерала, — принимает депутации, распространяет листовки, разжигает недовольство против правительства,—я ему сразу заявил, что я не могу входить с ним в сношения, так как он открыто занимает враждебную позацию по отношению к законному, всеми признанному правительству, при котором я аккредитован.

Он ответил, что он относится с уважением к этому взгляду и что ничего оскорбительного для лиц, находящихся в данное время у власти, он не будет высказывать. Он только хочет убедить меня в том, что течение, охватившее сейчас две трети Франции, не только не демагогично, как это утверждают враги генерала с целью оклеветать его в глазах иностранцев, но, напротив, направлено против демократии, что подтверждается большим числом примкнувших к нему консерваторов и монархистов.

Буланже решил оставаться вне партий и не допускать, чтобы их борьба привела к анархии; он уверен, что достигнет власти, и в этом случае он откроет доступ к государственной деятельности всем без различия их убеждений, включая и легитимистов и клерикалов. Он начнет с объявления свободы вероисповеданий, он отменит закон 1881 года против конгрегаций [53]) и вернет принцев из изгнания.

Государственную власть он предполагает сконструировать по образцу первого консульства, сохранив даже это название для нового образа правления, а именно: государственный совет, вырабатывающий законы, и палата, их обсуждающая, но не имеющая права их предлагать. В случае разногласия — обращение к плебисциту в его современной форме референдума. Министры выбираются не из состава парламента и не ответственны перед ним. Только глава государства отвечает перед страной за свое правительство.

Что касается внешней политики, то генерал будет стремиться сохранить мир и добрые отношения с соседями. Само время должно, по его мнению, привести к распаду Тройственный союз; он же в своей политике будет ориентироваться на Россию. Он сделает все, чтобы заслужить наше доверие и не только не будет втягивать нас в опасные авантюры, но терпеливо будет ждать благоприятного момента. К тому же после 18-летней разрушительной деятельности республиканцев ему придется слишком многое перестраивать внутри страны, так что долгое время он не в состоянии будет думать о законных притязаниях Франции к внешнему миру.

Сохранить мир он рассчитывает благодаря разногласиям, которые,

*) А. В. П., К. 69, л. 128

по его наблюдениям, существуют в высших сферах германского правительства, и благодаря тому поощрению, которое он получает со стороны Италии.

Это последнее обстоятельство подтверждают конфиденциальные сообщения, полученные из диаметрально противоположного источника, а именно от агента, который осведомляет французское правительство относительно итальянских дел. Он узнал, что приближенные королевы Маргариты [54]) и сама королева, испуганные республиканизмом, который проявляется среди населения полуострова и который, по их мнению, проникает из Франции, отнесутся благосклонно к буланжизму и будут его поддерживать при посредстве принцессы Клотильды [54]) и некоторых из Бонапартов. Кардинал из той же фамилии будто бы даже пробовал, но до сих пор безуспешно, заручиться для этого дела содействием папы.

Способ, каким генерал Буланже предполагает достичь власти, — я уже имел случай писать об этом, — исключает всякое применение насилия, все должно произойти на законной почве выборов, которые приведут его сторонников в палату; он уверен, что, так как после новых выборов правительство не будет уже в состоянии функционировать, имея дело с враждебно настроенной палатой, теперешнему премьеру придется уйти и без борьбы предоставить ему свое место.

Новый закон [55]), повидимому, его не беспокоит. Раньше буланжисты при составлении списков (кандидатов) по департаментам, должны были ставить рядом с именем генерала имена его видных сторонников, различающихся по своим убеждениям, что приводило в смущение избирателей. При бюллетенях, содержащих лишь одно имя, это затруднение исчезает: в большинстве округов Буланже будет фигурировать один. Из существующих приблизительно 600 округов он надеется пройти примерно в половине из них с тем, чтобы, взяв для себя один, наиболее подходящий для представительства, предложить всем остальным избирать из числа его ставленников.

Министерство Флоке не на плохом счету у буланжистов. Я не знаю, имеют ли они с ним связи. Мой собеседник утверждал, что Фрейсине им не враждебен. Он даже намекнул мне, что Буланже, зная его слабость к военным делам и его честолюбивые мечты прослыть организатором победы, подобно старому Карно времен первой революции, дал ему знать, что в будущем министерстве за ним будет сохранен пост военного министра. Но, по-моему, это переходит границы возможного.

На самого Флоке смотрят, как на тщеславного верхогляда, который может только вредить своему делу. К тому же г. де Кассаньяк в заседании палаты во всеуслышание объявил, что он даже желает сохранения министерства Флоке, так как ни одно правительство никогда не причиняло столько вреда республике.

Вот каковы настроения в данное время среди буланжистов *).

Коцебу.

Частное письмо Коцебу Гирсу от 28/16 февраля 1889 г. **).

Господин министр,

В письме, которое ваше превосходительство изволили написать мне от 8 числа текущего месяца и которое барон Буксгевден мне акку-

*) В подлиннике помета Александра III: «Программа Boulanger недурна, не может ли он ее исполнить?».

**) А. В. П., К. 69. д. 421.

ратно передал вместе с текущей дипломатической перепиской, мне рекомендуется быть осторожным в моих наблюдениях за буланжизмом. Я в точности придерживался этого предписания и, зная, как следят за всеми нами и как сплетничают на наш счет, я приложил все старания, чтобы не подать никакого повода к подозрениям ни встречами с лицами, принадлежащими к буланжистскому лагерю, ни несвоевременными высказываниями.

Эта осторожность тем более необходима, что министерский кризис, причинивший правительству столько беспокойства, сделал это последнее особенно подозрительным.

Мое первое донесение от сегодняшнего дня дает отчет о тех трудностях, с которыми встретился глава государства при составлении министерства [56]).

Его образ действий, его замешательство и колебания при выборе лиц различных партий заставили разочароваться в нем тех, кто считал его крупным государственным деятелем. Основное последствие кризиса — это удар, нанесенный репутации президента республики, которая при этом сильно пострадала.

Нынешнее правительство состоит в большинстве из людей с хорошей репутацией, за исключением г. Констана, министра внутренних дел, у которого в прошлом не одно темное дело, зато считают, что он обладает способностью ловко подтасовывать результаты выборов и именно ввиду этой его способности на нем и остановили свой выбор. Я слышал, что он не ладит с Фрейсине.

Вообще это министерство не удержалось бы, если бы не опасение, что новый кризис может угрожать самым основам парламентского режима. К тому же роспуск палаты не выгоден для большинства депутатов, уверенных в том, что они больше не будут переизбраны, и это заставляет их быть осторожными.

За эти две недели буланжистское течение захватило новые круги. Повидимому, несомненно, что граф Парижский окончательно и бесповоротно присоединился к движению. Некоторые из членов его семьи, в особенности герцог Омальский, а также монархисты — Одиффре-Паскье и другие сенаторы, — правда, этим недовольны, но они должны повиноваться носителю королевской власти.

Парламент и опирающееся на него правительство все более и более теряют поддержку общественного мнения. Г. Карно и палаты, в одном лагере, и нация, в другом, повидимому, перестали друг друга понимать.

Парламентарии еще надеются на средние классы, которые, как они уверены, являются приверженцами республики; они думают, что избирательные законы и предвыборные махинации могут спасти положение. Но это мало вероятно.

Высшее общество с нетерпением ожидает преобразования правительства. Планы генерала Буланже оно одобряет, надеясь, однако, в своем большинстве, что сам он власти не достигнет. Его характер и в особенности его окружение внушают мало доверия.

Духовенство и народ, крестьяне и большая часть рабочих, как меня уверяют, просто буланжисты.

Важный симптом: чиновники, поскольку они сами не делают политики, сочувствуют этому движению.

Что касается генерала, то он попрежнему не дает никакого повода к нареканиям, но в то же время ничего не упускает для того, чтобы усилить пропаганду, связанную с его именем и которая в последнее время стремится проникнуть в казармы. Его сторонники утверждают,

что молодые офицеры готовы примкнуть к нему и что в особенности можно рассчитывать на офицерство территориальной армии. Отставные военные, а их в одном Париже 10 тысяч, будто бы все ему преданы.

При наличии этого грозного движения, охватившего всю страну, министерские комбинации г. Карно и избирательные законы палаты депутатов производят весьма жалкое впечатление.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 14/2 марта 1889 г., № 15 *).

Господин министр,

Г. Спюллер [57]) был очень доволен тем, как палата приняла ходатайство о предании суду некоторых депутатов, замешанных в делах лиги патриотов. В самом деле, это все главные приверженцы Буланже, а именно: Ляггер, Тюрке и Лезан в палате и Наке в сенате, которые должны будут разделить в исправительной полиции судьбу Деруледа, председателя лиги. Прокурор парижского суда в своем ходатайстве основывает свои обвинения на том, что политические манифестации лиги носят характер мятежа и доказывает, что ее организация придает ей характер тайного общества, что она мобилизует все свои силы, чтобы воздействовать на выборы и повредить правительству. Несомненно, что те, которые являются теперь обвиняемыми, и основная вина которых состоит в том, что они буланжисты (так как все другие их проступки мало значат в этой стране, которую сами правители отдали на произвол политических интриг), будут со временем реабилитированы. Для обоснования судебного преследования министерство намеренно подобрало такие статьи закона, по которым обвиняемые подлежат суду исправительной полиции. Максимальное наказание по этому суду — 2 года тюрьмы. Этого вполне достаточно для министерства, так как, хотя и в целях правительства придать своим действиям видимость акта справедливости и соответствующего дисциплинарного взыскания, однако, самое главное для него — лишить генерала Буланже его грозной армии выборщиков, которой руководит в его интересах Дерулед и комитет лиги. Г. Спюллер говорил мне, что он будет вполне удовлетворен, если их деятельность приостановится на год.

Надеясь найти компрометирующие генерала Буланже документы, произвели обыск в помещениях лиги. Пока правительство потерпело в этом отношении неудачу, но из найденных списков оно узнало, что многие из его служащих примкнули к движению, которое поставило себе целью его свергнуть.

Ставя себе более высокие задачи, сенат в данное время занят преобразованием себя в верховный суд. По статуту конституции он имеет право ведать преступления, совершенные против безопасности государства. Процедура этой юрисдикции до сих пор не была еще установлена законом. Сенат теперь установит ее форму.

Г. Спюллер не думает, что против генерала имеются подозрения достаточно серьезные, чтобы предать его суду этого трибунала, «но их ищут», — сказал он.

Частным путем я узнал, что г. де Мерсер уехал в Рим с поручением к папе. Это держат в тайне; ни одна газета об этом не написала. Так как все внимание министерства поглощено выборами, надо полагать, что г. Мерсер должен обещать папе образовать наихристианнейшую

*) А. В. П., К. 69, л. 113.

республику и взамен потребовать, чтобы духовенство, которое стало на сторону буланжизма, снова прониклось бы чувством доверия к правительству. Я заметил, что республиканцы стали говорить чрезвычайно почтительно о религии, и я слышал, как г. Спюллер во время общего послеобеденного разговора превозносил с большим энтузиазмом и с точки зрения христианских убеждений крестовый поход кардинала Лавижери против рабства и магометанства.

Вот каков арсенал правительства в его борьбе с антипарламентским движением! К этому надо еще прибавить, что правительственные кандидаты во время выборов будут распространять версию о том, что Буланже — представитель авантюристического шовинизма и войны.

Если поинтересоваться источником всех этих мероприятий, то окажется, что они исходят от группы оппортунистов, вдохновляемых г. Ферри, которые лично заинтересованы в том, чтобы не осуществилась возможность прихода к власти правительства Буланже.

Г. Спюллер не скрыл от меня своего беспокойства по этому поводу. Он убежден, что генерал отомстит наиболее видным членам оппортунистической партии за меры, принятые против его честолюбивых замыслов. По мнению министра, единоличное правление во Франции может лишь привести к общественным бедствиям. Личность самого генерала внушает ему, пожалуй, симпатию, хотя он и не на высоте взятой на себя задачи, но его окружение — это сборище людей ничтожных и бесчестных (совершенно то же самое утверждают буланжисты о своих противниках); они начнут войну, для того чтобы удержаться у власти; внутри же страны они пойдут для удовлетворения своих страстей на всякого рода репрессии. Империя Наполеона III дала уже пример этого. После переворота, с приходом его к власти, более ста тысяч французов поплатились либо жизнью, либо свободой, либо имуществом. «Вы наверное думаете, — сказал Спюллер мне, — о величии вашего императора, который простирает свою длань над всеми своими верноподданными, которые счастливы чтить в нем олицетворение отечества и своего естественного покровителя. Это чувство, которое мы уважаем и которое, может быть, должно было бы вызывать у нас зависить, невозможно во Франции, прошедшей через революцию. Его уже нельзя найти ни в верхних, ни в низших слоях. Страна должна довольствоваться существующими установлениями, которые дают больше гарантий и самой стране, и Европе, чем случайный цезарь, который озабочен лишь исключительно личными делами.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 11 апреля/30 марта 1889 г., № 25 *).

Господин министр,

Последние события: бегство в Брюссель генерала Буланже, преобразование сената в верховный суд для суда над ним и разрешение палаты привлечь его к суду за преступление против безопасности государства — производят впечатление полной победы, одержанной министерством и парламентариями над буланжистами.

В действительности же обстоятельства для правительства отнюдь не изменились. Его шансы попрежнему стоят низко. Республиканцы, оппортунисты и радикалы горячо поддерживают в палате все его мероприятия против Буланже, но между самими этими партиями со-

*) А. В. П., К. 69, л. 87.

гласия нет. Радикалы опасаются того, что выборы пройдут под руководством оппортунистов, вдохновляемых Ферри, и не отказываются от мысли в последнюю минуту вызвать падение кабинета для того, чтобы сформировать новый, им угодный.

Общество совершенно не интересуется этими интригами, которые разъединяют парламентариев. Гораздо большее впечатление производит на общество чувство ненависти, которое их объединяет. И так как палата никаким престижем не пользуется, то речи, произносимые там с требованием применения насильственных мер против генерала Буланже, вызывают недоверие.

После оглашения прокуратурой обвинения против Буланже и ходатайства перед палатой о разрешении на привлечение его к суду, ораторы правой доказывали, что обвинение это не обосновано ни фактами, ни доказательствами. Им ответили, что политика не знает справедливости. Подобного рода словечки распространяются и поражают воображение. Итак, в публике уже не сомневаются, что Буланже едва не сделался жертвой парламентской клики, и его бегство, которое сначала вызвало колебания даже среди его приверженцев, повидимому, обернулось в его пользу. Говорят, что его осуждение было предрешено и что он хорошо сделал, что сумел спастись от заговора.

Как личность, генерал никогда не стоял очень высоко в общественном мнении; как и прежде, он является выразителем накопившегося в стране недовольства, вызванного действиями анонимных правителей, которые прикрываются именем республики. Буланже возглавляет всеобщее недовольство, как здесь говорят. Сила его не в нем самом, но в изолированности правительства и его адептов.

Мероприятия, направленные против него, обсуждались в строжайшей тайне. Без предварительного согласия палаты нельзя арестовать депутата. Чтобы выполнить эту формальность, надо было обязательно возбудить ходатайство о возбуждении следствия, но в это же самое время держали наготове полицейский наряд, чтобы отвести его в тюрьму.

Замысел не удался из-за отказа в последний момент государственного прокурора г. Буше подписать от имени правительства требование о выдаче. Во время замешательства, вызванного в министерстве этой позицией г. Буше, которого пришлось отозвать в министерстве гим лицом, Буланже, предупрежденный о том, что подготовлялось, успел скрыться. Как я слышал, сам Буше держал его в курсе дела, имея в виду подготовить себе положение в будущем, в которое он больше верит, чем в настоящее.

Я виделся с Спюллером в первые же дни, когда парламентарии и в своих газетах и в лице своих представителей в палате забрасывали генерала оскорблениями, считая его положение безнадежным. Так как министр сказал мне, что буланжистский вопрос вступает в новую фазу, я его спросил, считает ли правительство, что оно окончательно от него отделалось. Он ответил мне, что не видит конца затруднениям, которые эта личность как бы предназначена создавать республике. Ведь самые большие его ошибки всегда шли ему только на пользу. Если отъезд его — ошибка, то и на этот раз он только выиграет.

Повидимому, ранее октябрьских выборов положение не выяснится.

Коцебу.

Депеша Коцебу Гирсу от 11 апреля/30 марта 1889 г., № 26 *).

Господин министр,

Один из деятельных приверженцев буланжистского движения, мой знакомый, пришел ко мне после посещения им в Брюсселе генерала. Он вполне уверен, что партия сильна попрежнему. Самые достоверные сведения об этом приходят со всех сторон, а если кое-кто и ушел из партии, то все это люди малонадежные, которые только компрометировали движение. Сенат, несомненно, заочно приговорит генерала к лишению права быть выбранным. По его мнению, правительство от этого ничего не выиграет, так как согласно подсчету, с большой тщательностью произведенному буланжистским комитетом, общие выборы должны дать громадное большинство представителей, требующих ревизии конституции; кто говорит «ревизия», подразумевает перемену правительства, а в данное время никто во Франции не пользуется такой популярностью, которая могла бы сравняться с популярностью Буланже. Его партия попрежнему уверена, что он добьется власти и выполнит программу, которую я уже имел случай в одном из моих прежних донесений кратко изложить вашему превосходительству.

Правительство проиграло процесс, начатый против вождей лиги. Его собственные чиновники, исправительная полиция не осмелились вынести приговор, идущий вразрез с общественным мнением. Если же сенат все же вынесет такой приговор, которого настойчиво добиваются от него парламентарии, находящиеся у власти, то этим самым он станет еще более непопулярным. Генерал Буланже самым решительным образом заверил, что против него улик не существует. Он конспирировал и продолжает еще конспирировать совершенно открыто, в пределах закона, подобно другим политическим деятелям, так как каждый имеет право добиваться власти.

Говоря о мероприятиях правительства, повлекших бегство генерала, мой собеседник рассказал мне о легенде, которая распространяется среди буланжистов, а именно, что в момент ареста, под предлогом возмущения, подстроенного самой же полицией, генерал должен был быть убит. Конечно, это — чистая выдумка, но в самом деле, повидимому, был дан приказ с ним не церемониться в случае сопротивления с его стороны или со стороны лиц, его окружающих.

Другая серьезная опасность, которая ему грозила, это опасность попасть под военный суд по обвинению в подстрекательстве военнослужащих к дезертирству. Заключение прокурора, оглашенное в палате, обвиняет его в этом преступлении, и мне известно из правительственного источника, будто бы существуют письма, компрометирующие его в этом отношении. Хоть он и не находится сейчас на военной службе, он, как генерал, все же подлежит военному суду; учитывая же всем известные чувства, которые питают к нему генералы Соссье, Галифе и другие, которые вошли бы в военный совет, ясно, судьба его была бы быстро решена.

На выраженное мною сомнение, что издалека будет не так легко руководить выборами, мне ответили, что дан такой сильный толчок, что правительство уже не в силах его остановить.

Если бельгийское правительство будет противиться тому непрерывному движению посетителей туда и обратно, которое наблюдается там в данное время, то генерал переедет в Англию. Здесь мой собеседник

*) А. В. П., К. 69, л. 83.

счел нужным сообщить мне свои опасения относительно тех воззрений, которых генерал может набраться в этой стране о желательном направлении внешней политики Франции в будущем, ведь английское влияние уже делало попытки проникнуть в среду близких к нему лиц при посредстве г. де Бретейль, который поддерживает постоянные сношения с принцем Уэльским и лордом Черчиллем [58]). В этом отношении генерал еще нуждается в наставлениях, и было бы полезно заранее посвятить его в намерения России.

Я нашел нужным ответить, что подобного рода опасения нахожу преждевременными, и уклонился от дальнейшего разговора на эту тему.

Коцебу.

Секретная телеграмма Моренгейма Гирсу от 20/8 мая 1889 г.

Редактор «Петербургских ведомостей» Худяков задал вчера банкет буланжистам, в коем участвовали главные зачинщики противоправительственной партии и члены лиги патриотов. Провозглашались тосты и пр. Долгом считаю немедленно указать на первую попытку этого рода манифестации, за которою легко могут последовать и другие, если не получу приказания строжайшего выговора и запрещения от имени правительства *).

[Моренгейм.]

Частное письмо Моренгейма Гирсу от 22/10 мая 1889 г. **).

Господин министр,

...В области внутренней политики в текущем году должны были происходить три выдающихся события: столетний юбилей, всемирная выставка и всеобщие выборы. По предположениям правительства, первые два из них должны были бы оказать благоприятное воздействие на третье. Однако, все говорит за то, что эти предположения не оправдаются.

Я уже имел случай указывать, как мало энтузиазма вызвало торжественное открытие революционного юбилея. Последующие торжества, приуроченные к празднованию памятных дат, могут быть лишь только слабыми отражениями первого дня торжеств; это будут просто официальные празднества по указке свыше, для развлечения лишь ротозеев. К какой бы партии ни принадлежали французы, ставшие большими скептиками, они не ликуют. Они решительно равнодушны к юбилею.

Всемирная выставка — несомненное чудо и колоссальный успех, но если она и удалась великолепно, превзошла все ожидания и не поддается никакому описанию, то это лишь с точки зрения чисто промышленной и финансовой, и как место для всякого рода развлечений, но в политическом отношении она не играет сколько-нибудь заметной роли в общественном мнении страны. Страна может, по праву, собой гордиться, не ставя это в какую-либо заслугу своим кратковременным, часто менявшимся правительствам и не испытывая по отношению к ним никакого чувства благодарности. Более того: как я уже имел слу-

*) В подлиннике помета Александра III: «Положительно запретить».
**) А. В. П., К. 69, л. 374.

чай писать вам, страна далеко не с большой симпатией взирает на это блестящее проявление своего собственного гения, как будто усматривая в нем чисто парижскую затею, которая мало гармонирует с деловым застоем на местах. И этот личный эгоизм до такой степени подавляет всякие другие соображения, что даже Париж, да, сам Париж, начинает жаловаться и громко высказываться против нелойяльной и губительной конкуренции, которая создается для его торговли и других деловых интересов будто бы именно благодаря успеху выставки.

Итак, ни юбилей, ни выставка не окажут никакого влияния на результаты выборов, которые более чем когда-либо внушают опасения. Недовольство неудержимо растет и даже для наименее прозорливых людей очевидно, что главным избирательным лозунгом будет пересмотр конституции. Сторонники парламентаризма всех оттенков будут сметены во главе с оппортунистами, т. е. с партией, стоящей у власти. Исчезнет всякое основание для прежней классификации партий, вплоть до названий их. Результаты выборов поставят нас лицом к лицу с новой Францией, управляемой новой конституцией.

Все, что можно наперед сказать об этой последней, — это то, что, оставаясь, конечно, республиканской, она будет, по всей вероятности, антипарламентской в том смысле, что она будет стремиться усилить исполнительную власть, делая ее менее зависимой от всесильных ныне палат, и ограничит эти последние чисто законодательными функциями, из рамок которых они чересчур уж часто выходили, сводя кабинеты просто к роли исполнительных комиссий. Как бы ни расходились мнения партий, будь то монархических или республиканских, в отношении общего направления и второстепенных особенностей конституции, которые каждая из них будет стремиться провести в жизнь, все они сходятся в основном пункте, который принято здесь обозначать словом «антипарламентаризм». Некоторые из них берут себе за образец американский строй, другие — знаменитый манифест-программу графа Парижского [59]), наконец, некоторые доходят даже до диктатуры более или менее в стиле Наполеона, но псевдо-парламентаризм, в том виде, как он практиковался во Франции, всеми осуждается, и дни его сочтены.

Как же все это отражается на так называемом «знаменитом» буланжистском движении? Оно осталось тем же, но все более и более теряет связь с случайным именем, которым его, за неимением лучшего, окрестили, с целью установить хотя бы некоторую видимость связи между всеми этими совершенно разнородными, но стихийно стремящимися к одной общей цели, течениями. Но по мере того, как приближается решающая кампания [60]), когда всем им придется померяться друг с другом силами или же по соображениям выгоды вступить между собой в соглашение, они стали чувствовать необходимость действовать каждому за себя, избавляясь от компрометирующих связей. Те и другие поспешили, как мне кажется я уже говорил, выйти из общей игры. Республиканцы дали понять, что будут действовать самостоятельно, если генерал будет и дальше давать повод подозревать, что он состоит на службе у реакции, которая его поддерживала; монархисты решительно отвергли всякую солидарность с радикальными элементами, составлявшими антураж генерала. Их общее наименование до такой степени перестало обозначать что-либо реальное, что стало выходить из употребления. Дело дошло до того, что недавно один из главных приспешников этого мнимого вождя, Вергоинг, позволил себе публично заявить на собрании своих единомышленников, что абсолютно не-

верно утверждать, будто Буланже — буланжист. Это вызвало взрыв смеха и аплодисментов, — так верно попал он в цель и такую дал точную формулировку. Если бы Буланже был буланжистом, то никто не знал бы, кто же он в сущности, ведь не может же он одновременно придерживаться совершенно противоположных взглядов.

Итак, он торжественно заявил о своем республиканизме и со всей энергией отверг какие бы ни было свои поползновения к диктатуре. Он снова стал просто-напросто генералом Буланже, имеющим право, как и всякий французский гражданин, добиваться высшей должности в своей стране, если бы последняя вознамерилась предложить ему президентское кресло, — только непонятно, почему бы ей могла притти такая мысль, и я ничего не вижу такого, что давало бы мне повод предполагать, будто таково желание Франции.

В ожидании решающего дня кабинет полагает, что ему теперь никакой новый министерский кризис не угрожает, и готовится руководить выборами, т. е. употребить свое влияние на их результаты. Для этого он располагает многочисленными средствами и уже, конечно, не постесняется пустить их в ход. Но какую ориентацию выберет он? Направо, налево? Старания сблизиться с республиканской и роялистской правой все время продолжаются. Консервативная фаланга сената и «Journal des Débats» работают, не покладая рук, и выказывают активность, которой от них никто не ожидал. Попытки, хоть и запоздалые, но тем не менее заслуживающие похвалы! В их числе имеются даже умеренные с пылким темпераментом — качество у них настолько же редкое, как и полезное. Им главным образом присущи благоразумие, образованность и талант, и, несмотря на все это, история свидетельствует, что эта партия, какие бы названия она в разные времена ни носила, будь то жирондисты или доктринеры, всегда терпела поражения в борьбе.

Моренгейм.

Депеша Моренгейма Гирсу от 22/10 сентября 1889 г. *).

Господин министр,

Перебаллотировка, произведенная после моего последнего донесения, уточнив итог выборов, не изменила их сущности. В количественном отношении они остаются прежние: 366 республиканцев и 210 членов оппозиции, причем те и другие распадаются на группы соответственно различным оттенкам. Следовательно, соотношение обеих больших партий, взятых в целом, остается то же, что и в предыдущей палате. Но большие изменения произошли в их внутренних группировках в ущерб радикалов, с одной стороны, и бонапартистов — с другой.

Отсюда следует, что отныне прежнее деление на фракции и группы с их общеизвестными названиями должно уступить место другой классификации. И это пока все, что можно утверждать сейчас, т. е., до сформирования палаты, которая будет созвана 12 ноября нового стиля. Было бы преждевременно сейчас делать какие-либо предположения, так как из 576 депутатов, которые составляют палату, 287, т. е. половина, вошли в нее впервые. По общему мнению, они умеренные республиканцы, но еще невозможно заранее определить, какое место

*) А. В. П., К. 64, л. 30.

они займут в этом громадном собрании, причем от них будет зависеть, будет ли это собрание склоняться вправо или влево.

Вот и все факты и как будто, казалось бы, что следовало бы этим ограничиться. Однако это было бы очень поверхностным суждением, которое, базируясь только на видимости, может привести к ошибочным выводам.

Чтобы проникнуть в сущность вещей, следует остановиться на одном многознаменательном факте, который должен иметь большое значение в глазах правительства осторожного и предусмотрительного. Если мы заинтересуемся цифрами, относящимися не только к депутатам, но и к избирателям, то, как я уже писал об этом в моем последнем донесении, мы увидим, что число голосов, поданных за республиканцев, всего на 300 тысяч больше, чем число голосов за монархистов, — и это на всю Францию.

Итак, только незначительное перемещение голосов изменило бы соотношение сил в пользу монархистов. Вот над чем должны были бы серьезно подумать и чего не должны упускать из виду лица, которые будут находиться у власти, если они не хотят, повторяя ошибки их предшественников, на будущих выборах вновь подвергнуть опасным испытаниям режим, укрепить и защитить который они ставят своей целью. Это — предупреждение, и предупреждение хорошее! Будем надеяться, что они отнесутся к нему с гораздо большим вниманием, чем ряд предшествовавших им кабинетов, которые 4 года тому назад точно так же получили первое и весьма ощутительное предупреждение.

А эти 200—300 тысяч голосов, с какими неслыханными усилиями были они получены! Не говоря о моральном престиже правительства, которому так способствовали громадный успех выставки и празднование столетнего юбилея революции, — таких вспомогательных средств у него уже больше не будет, — кому не известны те средства воздействия, которые употребляло правительство, — запугивания, преследования, насилия и всякого рода мошенничества — в результате которых удалось достигнуть такого жалкого итога? И если при таких условиях правительство получило 200—300 тысяч голосов лишних, в то самое время, когда оно располагало, — какими средствами, об этом хорошо известно, — целой армией чиновников в 800 тысяч человек, — поистине это равносильно поражению, и с полным правом можно было бы себя спросить, за кого же голосовали эти 800 тысяч чиновников?

Итак, этот перевес в голосах, который получила республика, и то при условии, что она заслужит оказанное ей доверие, проводя политику, противоположную той, которой она до сих пор следовала, может быть неверно истолкован и понят за границей, если не представить эти цифры в их истинном свете и подлинном значении, как я счел своей обязанностью попытаться это сделать...

Моренгейм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Моренгейм, Артур Павлович, русский посол в Париже с 1884—1898 г. Гирс, Николай Карлович, министр иностранных дел с 1882—1893 г.

2) Коцебу, Эрнст Карлович, советник русского посольства в Париже с 1884—1892 г.

3) Буланже Жорж-Эрнест (1837—1891 г.), военный министр в кабинетах Фрейсине и Гобле (с января 1886 г. до мая 1887 г.). Новый министр-президент

Рувье не включил Буланже в свое министерство, и он был назначен командиром 13 корпуса в Клермон-Ферране. В марте 1888 г. Буланже лишили командования и затем указом президента он был уволен с военной службы.

Избранный в Дордонском и Северном департаментах, он 19 апреля 1888 г. появился в палате депутатов, но, после того как палатой были отвергнуты его предложения о пересмотре конституции и роспуске палаты (летом 1888 г.), он в виде протеста сложил с себя депутатские полномочия. В августе этого же года он снова был избран депутатом в трех департаментах (Сомском, Нижне-Шарантском и Северном). Эта тройная победа подготовила избрание Буланже в Париже (27 января 1889 г.), которое явилось кульминационным пунктом успехов Буланже. Вскоре началось его падение. В марте 1889 г. Буланже был предан суду за заговор против республики и, не дожидаясь приговора, 1 апреля бежал из Франции. В августе 1889 г. суд заочно приговорил его к разжалованию и заключению в крепость.

Буланже уже не возвращался во Францию. Он жил то в Лондоне, то в Брюсселе, а 30 сентября 1891 г. он застрелился в Брюсселе на могиле своей возлюбленной — г. Боннемен. (О Буланже см. также вступ. статью).

4) В июне 1886 г. палатой депутатов был принят закон об изгнании всех членов царствовавших семей. При отъезде из Франции в силу этого закона графа Парижского, внука Людовика-Филиппа и претендента на королевский трон, роялисты устроили демонстрацию протеста против республиканского правительства. Трепор — городок на берегу Ламанша.

5) Гране, Этьен, министр почты и телеграфа в кабинете Фрейсине.

6) Греви, Жюль, президент французской республики (1879—1887 г.). В 1885 г. Греви был переизбран на второе семилетие, но уже в 1887 г. он вынужден был выйти в отставку в связи с раскрытием скандальных афер его зятя Вильсона, который торговал орденами Почетного легиона.

7) Фрейсине, Шарль-Луи, премьер-министр и министр иностранных дел (январь-декабрь 1886 г.). С апреля 1888 г. — военный министр.

8) Тонкинская экспедиционная армия завершила в январе 1886 г. завоевание Тонкина (французская колония в Индо-Китае). Тонкинская экспедиция, продолжавшаяся около 3 лет и поглотившая громадные средства, послужила причиной падения двух министерств — Жюля Ферри и Бриссона.

9) После того как палатой был принят закон об изгнании принцев-претендентов, Буланже удалил всех герцогов орлеанских из французской армии и в их числе герцога Омальского, 4-го сына Людовика-Филиппа. Герцог Омальский обратился к президиуму республики с письмом протеста против действий военного министра. Последствием этого письма было изгнание герцога Омальского из пределов Франции.

10) Флуранс, Леопольд, министр иностранных дел в кабинетах Гобле, Рувье и Тирара (с декабря 1886 г. до апреля 1888 г.). Был активным деятелем франко-русского сближения.

11) Гобле, Рене, премьер-министр с декабря 1886 г. до мая 1887 г.; министр иностранных дел в кабинете Флоке (с апреля 1888 г. до февраля 1889 г.).

12) Моренгейм разумеет здесь: кабинет Бриссона, находившийся у власти до 7 января 1886 г.; кабинет Фрейсине, пришедший ему на смену, и наконец кабинет Гобле — с 11 декабря 1886 г.

13) До утверждения нового бюджета палатой правительство в праве было располагать ежемесячно одной двенадцатой частью бюджета текущего года.

14) Так назывался установленный германским рейхстагом в 1874 г. порядок утверждения военных расходов на семилетие. Окончание в 1887 г. срока септеннат и связанные с этим выборы в рейхстаг совпали с чрезвычайным обострением франко-германских отношений, вызванным отчасти усилением реваншистского движения во Франции.

15) Пограничный инцидент с Шнебеле (французский полицейский комиссар, арестованный германскими властями на французской границе) усилил воинственно-реваншистские устремления во Франции.

Отражением этих патриотически-шовинистических настроений были манифестации протеста против постановки оперы Вагнера «Лоэнгрин», имевшие место 4 мая около театра «Эден», где шла опера.

16) Флоке. Шарль, левый радикал, с 1885—1888 г. президент палаты депутатов, с апреля 1888 до февраля 1889 г. — премьер-министр.

В 1867 г. во время посещения Александром II Дворца Юстиции в Париже Флоке крикнул: «Да здравствует Польша!». Этого поступка долго не могло ему простить русское правительство.

17) Мако, вождь монархистов, президент союза правых в палате депутатов.

18) Ферри, Жюль (1832—1893) — один из виднейших деятелей Третьей республики, вождь умеренных республиканцев, так называемых оппортунистов. С начала президентства Греви (1879) почти беспрерывно до 1885 г. Ферри был членом правительства, два раза в течение этого времени возглавляя кабинет. Премьер-министр и министр иностранных дел с 1883—1885 г., Ферри являлся вдохновителем империалистической экспансии Франции и организатором ее колониальных захватов (Тунисская и Тонкинская экспедиции). Неудачи Тонкинской экспедиции повели к отставке Ферри и его кабинета.

19) Проводы Буланже, уезжавшего из Парижа на место назначения, послужили поводом для ссчувственной ему демонстрации, организованной лигой патриотов. Буланже, подхваченный на вокзале громадной толпой, окружившей его тесным кольцом, от невероятной давки упал в обморок. Чтобы помешать его отъезду демонстранты отцепили от поезда вагон, в который сел Буланже, и только через два часа, после того как Буланже пересел на локомотив, он смог уехать из Парижа.

20) В заседании палаты депутатов 11 июля крайней левой был внесен запрос о «клерикальных и монархистских происках правительства». После дебатов палата выразила доверие правительству большинством 357 голосов (из них 210 — республиканских) против 111.

21) Рошфор, Анри, популярный во Франции публицист и политический деятель. Основатель и редактор радикальной газеты „L'Intransigeant". Сделавшись ярым шовинистом и фанатическим приверженцем идеи реванша, Рошфор примкнул к Буланже. Впоследствии (в 1889 г.) он вместе с Буланже был предан верховному суду и приговорен к пожизненному заключению в крепости. Бежал в Лондон и вернулся в Париж только после амнистии 1895 г.

22) Деруледа, Поль. Возглавлял реваншистское движение во Франции. Для пропаганды и осуществления идей реванша основал в 1882 г. «Лигу патриотов». Играл большую роль в буланжистском движении. Член буланжистского комитета национального протеста.

23) Санбеф, председатель Лиги патриотов.

24) Моренгейм приложил к своему письму записку, полученную им от Флуранса. Записка эта не сохранилась.

25) Вильом, германский военный атташе в Петербурге, бывший ранее атташе в Париже.

26) Речь идет о поездке Деруледа в Россию, предпринятой им под предлогом участия в похоронах М. Н. Каткова (Катков умер 22/10 июля 1887 г.), на самом же деле для агитации за генерала Буланже.

27) Долгорукий, Владимир Андреевич, кн., московский генерал-губернатор с 1865—1891 г.

28) Локруа, Этьен, левый республиканец (радикал), министр торговли в кабинетах Фрейсине и Гобле, министр народного просвещения в кабинете Флоке.

29) Цитон, Илья Фаддеевич, сподвижник Каткова, сотрудник «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Представитель министерства финансов в Париже для переговоров о займе русскому правительству.

30) Улица, где помещалась русская церковь в Париже.

31) Швейниц, Лотарь, германский посол в Петербурге с 1876—1893.

32) Катакази, агент русского правительства в Париже. Осведомитель по французской печати.

Татищев, Сергей Спиридонович, чиновник особых поручений при министрах внутренних дел Игнатьеве и Толстом. По выходе в отставку (1883 г.) сотрудничал в «Новом времени» и «Русском вестнике». Татищев — автор многих работ по внешней политике России.

Игнатьев, Николай Павлович, граф, занимал крупные дипломатические посты. С 1881—1882 г. был министром внутренних дел. Вынужденный выйти в отставку, оставался в дальнейшем не у дел. Игнатьев причислял себя к славянофилам, был председателем славянского благотворительного общества.

33) Толстой, Дмитрий Андреевич, министр внутренних дел и шеф жандармов с 1881—1882 г.

34) В апреле 1888 г. граф Парижский выступил открытым сторонником реваншистского движения и в изданном им манифесте призывал монархистов

поддерживать движение, выставлявшее своим лозунгом пересмотр конституции и плебисцит.

35) В письме от 10 мая (28 апреля) Моренгейм изображает Францию, охваченную всеобщим недовольством и стихийным движением в пользу ревизии конституции. «Все ополчаются против существующих учреждений, но каждый со своей особой точки зрения... На сегодняшний день можно сказать, что все во Франции являются ревизионистами, в том числе и само правительство... Однако с тех пор как это ревизионистское движение приняло форму массового движения в пользу плебисцита, и к нему примкнули и крайние левые партии и партия роялистов и империалистов, правительство, несколько поздно, правда, спохватилось и, почувствовав всю опасность положения, стало искать спасения в республиканской концентрации».

36) Моренгейм разумеет здесь радикалов, бонапартистов и орлеанистов, принимавших участие в буланжистском движении.

37) Декларация эта являлась платформой республиканских партий, объединившихся для защиты республики от опасности диктатуры Буланже. Признавая необходимость ревизии, но ревизии республиканской, а не бонапартистской, декларация противопоставляет буланжистской авантюре программу дальнейшего развития республики и требование прав человека и гражданина, провозглашенных революцией. Для достижения этого необходимо возрождение великих политических ассоциаций, которые объединили бы все демократические силы республики.

38) Флоке находился во главе министерства с 3 апреля 1888 г.

39) Первое появление Буланже в палате после парламентских каникул.

40) В заседании палаты депутатов от 12 июля (30 июня), где Буланже выступил с требованием роспуска палаты, произошло резкое столкновение между ним и Флоке, приведшее к дуэли между ними: Буланже был ранен шпагой в шею.

41) См. письмо Моренгейма от 12 апреля (31 марта) 1888 г.

42) Бурбонский дворец — здание палаты депутатов.

43) В департаменте Шаранты кандидат буланжистов Поль Дерулед был забаллотирован. Членом палаты депутатов был избран бонапартистский кандидат. В департаменте Ардеш Буланже выставил свою кандидатуру, но и там потерпел поражение.

44) Волнения начались в Париже во время стачки землекопов и перебросились в ряд провинциальных городов (Амьен, Лион и др.), где также пронеслась волна забастовочного движения.

45) В октябре — ноябре 1887 г. в Лондоне имел место целый ряд демонстраций безработных, сопровождавшихся столкновениями с полицией и арестами демонстрантов.

46) См. примеч. 3.

47) 21/8 июля в Петергофе состоялось свидание германского императора с Александром III.

48) Телеграмма эта не сохранилась.

49) Вайян, Эдуард, член Парижской Коммуны и вождь бланкистской фракции французских социалистов. В 1884 г. был избран в парижский муниципалитет.

Жоффрен, социалист, бывший коммунар, член парижского муниципального совета.

50) Петербургский голова Лихачев, М. В., находился в Париже в конце сентября 1887 г.

51) Карно, Сади, внук знаменитого Лазаря Карно, «организатора победы» времен французской революции 1789 г. Президент республики с 3 декабря 1887 г., 25 июня 1894 г. был убит итальянским анархистом Казерио.

52) Моренгейм излагает в этой депеше содержание своей беседы с министром иностранных дел Гобле, где этот последний выражает полнейшую уверенность в поражении Буланже.

53) В марте 1880 г. (а не в 1881 г., как ошибочно здесь упоминается) французское правительство издало два декрета, одним из которых был распущен орден иезуитов, другим же — предписывалось всем остальным неразрешенным конгрегациям (католическим корпорациям) в течение трех месяцев легализоваться. По истечении этого срока и они были распущены.

54) Королева Маргарита — жена итальянского короля Гумберта. Клотильда Савойская — жена одного из Бонапартов.

55) Новый избирательный закон, принятый палатой депутатов, изменял систему выборов: вместо практиковавшейся системы выборов по общему списку для целого департамента, новый избирательный закон восстановил прежний порядок избрания — по избирательным округам. Каждый округ мог теперь избирать только одно лицо. Кроме того, новый избирательный закон воспрещал производить дополнительные выборы взамен выбывающих членов палаты депутатов.

56) 14/2 февраля пало радикальное министерство Флоке, в результате голосования в палате депутатов проекта ревизии конституции, внесенного Флоке. Проект ревизии был отвергнут 307 голосами против 218 радикалов, голосовавших за него.

В донесении от 28/16 февраля 1889 г. Коцебу описывает колебания президента республики при составлении нового министерства и дает характеристику членов умеренно-республиканского кабинета Тирар-Констана (с февраля 1889 г. до марта 1890 г.).

57) Спюллер, Эжен, министр иностранных дел в кабинете Тирара.

58) Черчиль, лорд Рандольф, английский политический деятель, видный член консервативной партии.

59) См. примеч. 34.

60) Всеобщие выборы были назначены на сентябрь 1889 г.

Стачка ткачей Иваново-Вознесенской мануфактуры в 1895 г.

Стачка ткачей Иваново-Вознесенской мануфактуры в 1885 г. явилась следствием тяжелого экономического положения и бытовых условий рабочих, следствием беззастенчивой и хищнической эксплоатации их предпринимателями.

Рабочий день в начале девяностых годов не был ограничен по закону не только для взрослых, но даже и для детей. По данным фабричного инспектора Пескова, на ручных предприятиях Иванова, в особенности перед пасхой, рабочий день «доходил до 18 и даже 20 часов в сутки. Фабрики же ткацкие и прядильные, приводимые в действие паровой силой, обычно работали круглые сутки 6- или 8-часовыми сменами. Поэтому каждому рабочему приходилось работать в сутки или 12 часов или одну неделю 8 часов, а следующую неделю — 16 часов» [1]).

Заработная плата была незначительна: ее едва хватало на полуголодное существование. В летние месяцы ткач Иваново-Вознесенской мануфактуры в среднем зарабатывал 12 р. 58 к., в зимнее — 10 р. 83 к [2]).

Но и эта мизерная заработная плата владельцами понижалась при помощи штрафов и разных вычетов. Штрафы щедрой рукой рассыпались направо и налево. За некоторые проступки и упущения рабочему приходилось расплачиваться более чем двухдневным заработком. За каждый прогульный день с ткачей вычитали 70 коп. и за смену—50 коп. За несвоевременную явку на работу — от 10 коп. до 25, «за непослушание» штрафовали в размере 1 руб., за принос с собою в фабричное помещение спичек — от 10 коп. до 1 руб., «за дерзкие слова и поступки» — от 20 коп. до 1 руб., «за нарушение тишины и спокойствия на фабрике» — от 20 коп. до 1 руб. [3]).

Табельщики, подмастерья и приказчики вымогали у рабочих подачки, требовали угощений. Без взятки рабочему невозможно было получить хорошего для работы материала, исправный станок, добиться своевременной и доброкачественной наладки выбывшего из строя станка. Взяточничество настолько было развито, что даже фабричный инспектор вынужден был писать об этом заведующему ткацкой фабрики (2/IV 1896 г.): «По имеющимся у меня сведениям, некоторые из ткачей находящейся под вашим заведыванием фабрики выражали жалобы на притеснения со стороны разных мелких служащих: табельщиков, подмастерьев и приказчиков. Ткачам приходится ценою известных усилий и денежных трат искать расположения вышеозначенных лиц, причем те из ткачей, которые не могут или не желают искать такого расположения, принуждены терпеть ряд притеснений вроде всевозможных задержек и проволочек при выдаче основ, неуладки станков, затруднений при приеме сработанных товаров, постоянной работы менее выгодных сортов...

---

[1]) Багаев М. А. «За десять лет», стр. 9.

[2]) Фонд старшего фабричного инспектора Владимирской губ. за 1895 г., наряд XVIII, д. № 9.

[3]) Из правил внутреннего распорядка фабрики за 90-е годы.

При этом жаловавшиеся указывали на то, что вы в мелочи внутреннего распорядка и отношений между младшими и старшими рабочими совсем не входите, в силу чего все перечисленные выше мелкие служащие являются фактическими распорядителями повседневной внутренней жизни фабрики.

А так как уровень нравственного развития их вообще очень невысок, то посему открывается широкое поле для всякого рода злоупотреблений...

Ввиду многочисленности подобных примеров и ввиду крайней важности данного вопроса я считаю своим долгом обратить самое серьезное ваше внимание на все вышеизложенное и предложить вам принять теперь же, пока еще не поздно, все меры к устранению того ненормального порядка вещей, на который указывают приведенные жалобы ткачей» [1]).

Без «могарычей» у рабочего не было пути продвинуться вперед, перейти с менее оплачиваемой работы на лучше оплачиваемую. «В обычае, освященном десятками лет, — пишет Ф. Н. Самойлов, работавший на данном предприятии,— среди рабочих процветает так называемый «могарыч» с вновь поступающих на фабрику и переходящих с низко оплачиваемой на более высокую оплату работы. Это значило, что каждый, вновь поступивший на фабрику или получающий некоторое повышение зарплаты, обязан был «выставить» для всех работающих в отделении 1/4 ведра водки. Переходы с низшей на высшую оплату работы практиковались также десятки лет. Каждый меряльщик старался стать складывальщиком, складывальщик — браковщиком, и т. д. Это удавалось только при помощи тех же «угощений», в виде общих «могарычей», так и «задабривания» «влиятельных лиц», вроде старшего браковщика и т. п.» [2]).

Изнурительные условия жизни и труда создавали у рабочих настроение недовольства, которое и вылилось в октябрьскую стачку ткачей.

Непосредственным поводом к стачке было объявление 28 сентября новых зимних расценок на работы, понижавших сравнительно с предшествовавшей зимой и без того низкую заработную плату ткача. Перспективы голодной зимы толкнули рабочих на путь активной борьбы, и 4 октября ткачи забастовали.

Вступив в борьбу с предпринимателями, рабочие ясно отдавали себе отчет в трудности ее выиграть без поддержки рабочих других городских фабрик. Поэтому с первых же дней ткачи Иваново-Вознесенской мануфактуры повели на соседних фабриках агитацию за совместное выступление единым фронтом против хозяев. — «С нескольких соседних фабрик, — сообщал старший фабричный инспектор, — были сделаны мне заявления о том, что среди их рабочих заметно также брожение, и забастовавшие рабочие Иваново-Вознесенской мануфактуры ходят по соседним фабрикам и приглашают других рабочих присоединиться к ним и оказать т. о. помощь».

Все это говорит о большой сознательности рабочих и их организованности. Иллюзии 80-х годов, когда рабочие в борьбе с предпринимателями обращались за помощью к полиции, были ими в значительной степени изжиты. Опыт предшествующей борьбы научил их различать, где и кто их друг и враг. «Рабочие высказали совершенное отсутствие доверия к моим словам, а позже и к словам г. начальника губернии», — вот красноречивое признание фабричного инспектора.

5 октября на фабрику прибыли представители местной и губернской властей: начальник Владимирского губернского жандармского управления полковник Воронов, его помощник по Иваново-Шуйскому участку подполковник Добржанский, и. д. полицеймейстера городской пристав Анисов, фабричный инспектор Гончаров и старший фабричный инспектор Владимирской губернии Астафьев,

[1]) Архив фабрики т-ва Иваново-Вознесенской мануфактуры.
[2]) Самойлов Ф. Н., «По следам минувшего», стр. 63.

принявшие на себя роль посредников между владельцами предприятия и бастующими рабочими. Переговоры ни к каким результатам не привели. Необходимо отметить предательскую роль фабричной инспектуры, которая своей сознательной тактикой привела рабочих к поражению. В переговорах с представителями власти струсившей буржуазией было заявлено: «Прикажите прибавить расценок, и мы прибавим, как вам угодно». Казалось бы, этим заявлением надо воспользоваться в интересах бастующих, но фабричный инспектор Астафьев рассудил и поступил по-иному: «Хотя подобное согласие и было высказано, я тем не менее не нашел возможным воспользоваться им, ибо факт прекращения работ уже совершился, и подобная уступка, сделанная не до, а после прекращения работ, могла и, наверное, вселила бы в рабочих полную уверенность в том, что прекращение работ есть наилучший способ добиться желанных уступок. Ввиду такого опасения я прямо воспротивился каким бы то ни было немедленным прибавкам...»

8 октября в город прибыл губернатор вместе с войсками. 9 октября к нему были вызваны представители от бастующих рабочих для объявления им распоряжения губернатора. После длительных бесплодных переговоров губернатор приказал рабочим стать на работу, предупредив, «если же рабочие будут упорствовать, то все получат принудительный расчет, который будет послан через полицию в волостные правления». Рабочие распоряжению губернатора не подчинились.

В ночь с 10-го на 11ое октября было арестовано несколько человек рабочих из числа выборных, которые пользовались большим влиянием среди ткачей.

11-го числа рабочие, узнав об аресте своих товарищей, собрались около дома, где находился губернатор, и потребовали выдачи арестованных. Губернатор ответил отказом и приказал им разойтись. Рабочие не расходились, они заявили, что не уйдут до тех пор, пока арестованные не будут освобождены. Губернатор вызвал казаков и приказал им разогнать рабочих. При расправе казаков с рабочими пострадало несколько человек. В этот же день фабрика была пущена. В первый день работало всего 14 человек за обе смены, 13-го числа работало 80 станков, 15-го — 256 станков, и только 19-го числа фабрика пошла полным ходом.

Стачка ткачей не прошла мимо внимания молодого, еще не окрепшего Иваново-Вознесенского рабочего союза, отдельные члены которого принимали в ней активное участие. Один из участников — Н. И. Махов — рассказывает о своем выступлении перед ткачами и приводит содержание своей речи, которую он считает «первой революционной речью, произнесенной перед 2-тысячной массой рабочих в г. Иванове-Вознесенске». «Говорил я, — сообщает он, — о бедственном положении рабочих и голодном бесправном существовании. Говорил и о голодающей деревне, выбрасывающей на фабрики свое молодое поколение, как «излишек населения», и о «свободе», данной царем в 61-м году, после которой «освобожденный» крестьянин никак не может поправиться и справиться с платежем оброка (выкупа за землю) и других податей и идет сам, или посылает своих детей в город в новую кабалу, к хозяину-фабриканту, продаться в экономическое рабство... Говорил и о жизни рабочих и крестьян за границей и их борьбе... И особенно много говорил о будущем социальном строе... Толпа слушала, затаив дыхание» [1]).

«Результат стачки был никчемный: увеличили скорость хода машин и сменили, вернее, отпустили в отпуск директора» [2]). Но все же стачка сделала свое дело. «Она показала, что рабочие могут бороться, могут стойко противопоста-

[1]) «Иваново-Вознесенский губ. ежегодник», 1921 г., стр. 31.
[2]) Там же.

вить притеснениям фабрикантов свою объединенную силу и что при более благоприятных обстоятельствах они могут и победить»[1]).

Публикуемые ниже документы извлечены из фонда старшего фабричного инспектора Владимирской губернии за 1895 г., наряд № XVIII, д. № 9.

В. Соколов.

Телеграмма фабричного инспектора Гончарова старшему фабричному инспектору Астафьеву в Орехово-Зуево от 4 октября 1895 г.

Ткачи Иваново-Вознесенской мануфактуры недовольны зимним расценком. Опасность забастовки.

Гончаров.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Астафьева фабричному инспектору Гончарову в Иваново-Вознесенск от 4 октября 1895 г.

Постарайтесь подействовать успокоительно. Надеюсь приехать завтра. При надобности телеграфируйте во Владимир.

Астафьев.

Телеграмма Гончарова Астафьеву во Владимир от 4 октября 1895 г.

Ткачи Иваново-Вознесенской мануфактуры забастовали. Привести стороны к соглашению не удалось.

Гончаров.

Телеграмма Астафьева Гончарову в Иваново-Вознесенск от 4 октября 1895 г.

Приеду завтра. Благоволите встретить.

Астафьев.

Телеграмма владимирского губернатора Теренина Астафьеву в Иваново-Вознесенск от 5 октября 1895 г.

Объявите рабочим Иваново-Вознесенской мануфактуры, если не встанут на работу или не разойдутся по домам, то я прибуду лично с войсками для водворения порядка. Не желающим получить на фабрике расчет, следует послать причитающиеся деньги через подлежащие полицейские и волостные правления.

Губернатор Теренин.

Телеграмма владимирского губернатора Теренина Астафьеву в Иваново-Вознесенск от 7 октября 1895 г.

Прибуду в воскресенье с войсками. Дачку на всех фабриках остановить.

Губернатор Теренин.

Телеграмма Астафьева директору департамента торговли и мануфактур от 9 октября 1895 г.

Губернатор и войска прибыли. Пока еще ничего не предпринято. Тихо.

Астафьев.

---

[1]) «Работник» № 1—2, 1896 г., стр. 79.

Телеграмма Астафьева директору департамента торговли и мануфактур от 10 октября 1895 г.

Сегодня утром объявлен набор новых рабочих. Желающих не оказывается. Рабочие толпою стоят невдалеке от фабрики и не расходятся. Казакам приказано быть наготове.

Астафьев.

Телеграмма Астафьева директору департамента торговли и мануфактур от 10 октября 1895 г.

Рабочие разошлись спокойно. Неопределенность положения продолжается.

Астафьев.

Донесение Астафьева в департамент торговли и мануфактур от 6 ноября 1895 г., № 2366.

4 октября, находясь в Орехово-Зуеве по делу о прекращении работ плисорезами фабрики товарищества Викулы Морозова, я получил от фабричного инспектора Гончарова из г. Иваново-Вознесенска телеграмму нижеследующего содержания: «Ткачи Иваново-Вознесенской мануфактуры недовольны зимним расценком. Опасность забастовки. Гончаров».

Вследствие этой телеграммы я немедленно отправился с ближайшим поездом во Владимир, отправив предварительно Гончарову телеграмму о том, чтобы он постарался подействовать успокоительно на рабочих впредь до моего приезда. Прибыв во Владимир в 5 часов дня, я застал там вторую телеграмму Гончарова, извещающую о прекращении работ как о совершившемся уже факте. В тот же вечер я отправился из Владимира в Иваново-Вознесенск, куда и прибыл в четверг, 5 октября, в 8 часов утра. Прибыв на место, я узнал от фабричного инспектора Гончарова и из расспросов рабочих нижеследующее.

Новый зимний расценок, засвидетельствованный мною 22 сентября, был объявлен рабочим и вывешен в мастерских вечером 28 числа. Рабочие, увидав, что по некоторым сортам фасонных тканей назначена сбавка против бывшей прошлой зимой цены, заявили свое недовольство и обратились к заведующему фабрикой г. Свечникову с просьбой восстановить цены прошлой зимы, указывая на невыгодность для них работать по вновь объявленным ценам и ссылаясь на несправедливость подобной сбавки, ничем с их стороны не вызванной. Заведующий фабрикой объяснил рабочим, что своей властью он сделать ничего не может; хозяев же фабрики, т. е. директоров правления, в настоящее время нет никого. Все они в Москве, куда им и будет дано знать.

29 и 30 сентября рабочие проработали без дальнейших протестов, но в понедельник, 2 октября, когда приехали из Москвы хозяева фабрики, Ф. Н. Витов, А. Н. Новиков и Я. Н. Фокин, рабочие обратились к ним с таковою же просьбою, но получили отказ. На следующий день, во вторник, 3 октября, просьба опять повторилась, но безуспешно, вследствие чего рабочие послали от себя выборных, в количестве 25—30 человек, к фабричному инспектору Гончарову, прося его вмешательства и посредничества. Таким образом первое извещение фабричного инспектора о возникших затруднениях последовало не со стороны фабричного управления, а непосредственно от рабочих. Гончаров немедлен-

но же, т. е. вечером 3 октября, отправился на фабрику и употреблял все усилия, чтобы убедить директоров правления отказаться от предположенной сбавки на канифас и ластик, подсчитывая, на основании действительной выработки означенных сортов, что экономия в заработной плате от этой сбавки составит всего каких-нибудь 3 тысячи рублей или около того, что при 2½ тысячах рабочих и общей годовой плате — свыше 300 тысяч рублей — окажется весьма мало заметным. На это директора правления возражали, что сбавки платы вообще всем рабочим они не ожидают, так как предположено увеличение скорости хода станков и, следовательно, ожидается соответственное увеличение выработки. Что же касается до сбавки на канифас и ластик, то это сделано в видах уравнения заработков, так как до сих пор рабочие, работавшие эти сорта, получали чересчур большой заработок (до 18 руб. в месяц), сравнительно с другими, работающими менее выгодные сорта (11—12 руб.). Поэтому они не видят достаточных оснований к отмене объявленной сбавки и отказываются сделать что-либо в исполнение просьб рабочих, находя их совсем не основательными. Таким образом переговоры фабричного инспектора Гончарова, производившиеся вечером 3 октября, окончились ничем. Тем не менее на другой день утром, 4 октября, Гончаров снова отправился на фабрику с целью подействовать на директоров правления и склонить их к вышеизложенным уступкам. Не успев в этом и видя усиливающееся брожение среди рабочих, он отправил ко мне свою первую телеграмму. Вслед за тем рабочим было объявлено окончательное решение хозяев фабрики о том, что никаких уступок их просьбам не будет, после чего первая смена рабочих доработала свои положенные часы, а вторая, которая должна была сменить первую в час дня, на работу не стала, и фабрика остановилась.

Застав дело в таком положении, я, в присутствии фабричного инспектора Гончарова, начальника жандармского управления полковника Н. Н. Воронова, его помощника по Иваново-Шуйскому участку подполковника О. К. Добржанского и и. д. полицеймейстера городского пристава Анисова, стал выяснять директорам правления всю неправильность их образа действий. Я напомнил им о том, что в свое время, при засвидетельствовании расценков, я указывал на неосновательность предположенной сбавки и на те осложнения, которые она может вызвать; показал, что увеличение выработки отнюдь не зависит исключительно от увеличения числа ударов батана, ибо здесь играют первостепенную роль такие факторы, как качество пряжи, личные особенности и привычки рабочих-ткачей и, наконец, технические особенности устройства данной фабрики и установ станков. Вследствие всех этих условий зачастую бывает, что увеличение скорости хода станков приводит к результатам, прямо обратным ожидавшимся, ибо сопровождается увеличением рвани, что, в свою очередь, обусловливает увеличение времени вредных простоев и возвышение штрафов. Поэтому ожидать увеличения выработки, пропорционального увеличенному числу ударов батана, никак нельзя, ибо простого арифметического расчета для этого более, чем недостаточно. Переводить всю фабрику с более медленной на более скорую работу, не сделав в этом направлении ни одного опыта и не убедившись в справедливости сделанных расчетов, крайне рискованно и неосмотрительно. Изменять же плату на основании подобного проблематического расчета значит прямо вызвать осложнения, о чем я еще ранее писал им в своем отношении от 23 сен-

тября за № 1931. Результатом нашего продолжительного разговора было согласие фабрикантов исполнить все, что мною будет указано. Они выразились: «Прикажите прибавить расценок — и мы прибавим, как вам угодно». Но хотя подобное согласие и было высказано, я тем не менее не нашел возможным воспользоваться им, ибо факт прекращения работ уже совершился, и подобная уступка, сделанная не до, а после прекращения работ, могла и наверное вселила бы в рабочих полную уверенность в том, что прекращение работ есть наилучший способ добиться желаемых уступок. Ввиду такого опасения я прямо воспротивился каким бы то ни было немедленным прибавкам и предложил меру, которая могла бы привести к соглашению и которую я считал единственно возможною при наличности вышеизложенных условий, а именно: объявить рабочим, что так как сбавка платы сделана в видах предположенного увеличения скорости хода станков, то поэтому опасения рабочих об уменьшении заработков, может быть, и основательны, но могут оказаться и совсем не основательными и что поэтому необходимо испытать все это на деле. Над выработкой мною будет учрежден контроль, и, если окажется, что, действительно она увеличилась, тогда и разговаривать не о чем, ибо заработок не изменится; если же окажется, что выработка, несмотря на увеличение скорости хода, не повысилась, а понизилась или осталась без перемены и заработок, следовательно, уменьшился против бывшего прошлой зимой, то в таком случае хозяева фабрики согласны соответственным образом повысить расценок.

Упомянутое предложение было мною лично объявлено рабочим, но согласия с их стороны, несмотря на продолжительные увещания, не последовало. Они возражали, исходя из того основания, что каждый из них прекрасно знает, что при ускоренном ходе, кроме рвани, ничего не получится, а потому и пробовать незачем. К установлению же контроля отнеслись с полным недоверием. Вообще, должен сказать, хотя это и крайне прискорбно, что как в этом разговоре, так и в последующие, происходившие в тот же день и на другой, 6 октября, рабочие выказали совершенное отсутствие доверия к моим словам, а позже — и к словам г. начальника губернии, о чем будет речь впереди. Ни моим заявлениям, ни даже разъяснениям существующего закона они совершенно не верили и с полным убеждением выставляли в виде законов свои собственные измышления, вроде, например того, что фабричный инспектор имеет право приказать повысить плату, как ему угодно. И если я этого не делаю, то потому лишь, что не хочу, права же для этого имеются. Если фабричный инспектор подписывает расценки, то, стало быть, он их утверждает, а если он их утверждает, то, значит, имеет полное право и изменить по своему усмотрению. Иначе, для чего бы и существовала подпись фабричного инспектора. При этом рабочие желали уже не только восстановления бывших в прошлом году зимою расценок на канифас и ластик, но требовали восстановления полного расценка 1887 года по всем сортам.

Год этот определяет собою начало учреждения товарищества, и расценки, действовавшие со дня его основания до 1889 года, действительно значительно (около 20%) выше существующих в настоящее время и действующих, за немногими исключениями, без перемен с 1889 года. Особенно часто рабочие ссылались на пример 1884 года, когда в Иваново-Вознесенске было массовое движение, сопровождавшееся повреждением имущества нескольких фабрик и окончившееся тем, что в силу

вмешательства высшей администрации всем ткачам была сделана прибавка платы до 10%. Рабочие все время твердили, что если такая принудительная свыше прибавка была возможна в 1884 году, то, стало быть, она возможна и теперь. Если я ее не делаю, то потому только, что не хочу; рабочие же будут искать помощи высшей власти и до тех пор, пока не найдут ее, на работу не станут. На это они имеют право и никакого закона не нарушают, ибо 1 октября истек срок договора, установленных 7 дней для возобновления срока найма еще не прошло, и рабочие не желают такого возобновления. Расчета брать точно так же не желают, а если он им будет выдан принудительно, то пусть это делают. Все равно, как они выразились: «казна должна их кормить».

Держали себя рабочие во время переговоров весьма сдержанно и не позволяли себе никаких резкостей.

Ввиду того, что факт прекращения работ совершился, то делать после этого какие бы то ни было уступки я считал опасным, тем более, что требования рабочих возросли в весьма значительной степени по сравнению с тем, о чем они просили ранее фабричного инспектора Гончарова, и с нескольких соседних фабрик были сделаны мне заявления о том, что среди их рабочих заметно также брожение и забастовавшие рабочие Иваново-Вознесенской мануфактуры ходят по соседним фабрикам и приглашают других рабочих присоединиться к ним и оказать таким образом помощь, «как было в 1884 году...»

Весь день 7 октября... прошел чрезвычайно тихо. Рабочих нигде не было видно, и ни заявлений, ни разговоров с ними не происходило.

В воскресение, 8 октября, в 5 часов пополудни, прибыл г. начальник губернии вместе с войсками и после весьма продолжительного со мною разговора решил вызвать выборных от рабочих и лично объявить им свое распоряжение, что на следующий день, в понедельник, 9 октября, и было исполнено.

Утром около 10½ часов, в дом, временно занятый г. губернатором, собралось около 25 человек рабочих (в том числе несколько женщин), которым и было объявлено его превосходительством приблизительно то же самое, что говорил ранее я... Теперь же г. начальник губернии приказывает стать на работу; если же рабочие будут упорствовать, то все получат принудительный расчет, который будет послан через полицию и волостные правления.

В ответ на это рабочие стали возражать то же самое, что они ранее говорили мне, и что соглашаться на предложенные условия им невозможно, после чего ушли и передали содержание речи губернатора собравшейся перед домом толпе, которая точно так же выразила свое несогласие на предложенные условия и нежелание становиться на работу. Рабочие еще часа два продолжали толпиться, частью на улице, недалеко от занимаемого г. губернатором дома, частью подле фабрики, а затем разошлись по домам...

Со дня объявления рабочим распоряжения губернатора — т. е. с 9 октября, начался период выжидания, который ничем особенным не ознаменовался, за исключением случая, имевшего место в среду 11 числа, о чем далее будет изложено.

В течение всего этого времени дальнейших переговоров и объяснений с рабочими не происходило. Я пытался было подействовать убеждением через посредство ткацких подмастерьев, которые в забастовке не участвовали и продолжали ходить на фабрику, но попытка эта кончи-

лась ничем, ибо все подмастерья заявили, что хотя они и сознают бесплодность и всю невыгодность дальнейшего упорства ткачей, но воздействовать на них каким бы то ни было образом отказываются, боясь насилий. И, как на пример, указали на одного сотоварища их, действительно жестоко избитого ткачами накануне. После такого аргумента я потерял надежду извлечь какую-нибудь пользу из воздействия на подмастерьев.

Упомянутый выше случай, происшедший 11 октября, заключался в следующем: в ночь с 10 на 11 число было арестовано несколько человек рабочих из числа выборных, которые своей бойкостью в ответах и своим, повидимому, большим влиянием на толпу обратили на себя внимание г. начальника губернии. В видах временной изоляции их и устранения вредного воздействия на толпу, [он]отдал приказ об арестовании и водворении этапным порядком на места родины. Остальные рабочие, узнав об этом, собрались около полудня перед домом губернатора и потребовали выдачи арестованных. На увещания о незаконности их притязаний и требования разойтись они отвечали отказом, заявляя, что они не уйдут до тех пор, пока арестованные не будут им выданы обратно. Вследствие этого г. начальник губернии вызвал полсотни казаков и приказал им разогнать толпу, что и было немедленно исполнено.

При этом пострадало несколько человек посторонних, рабочих других фабрик, которые шли на смену и в качестве любопытных зрителей замешались в толпе. Серьезно пострадавших однако не было: более других пострадала одна женщина с фабрики Ивана Гарелина с-вей, у которой оказался значительный ушиб ноги, вследствие чего она была отправлена в больницу, но на другой же день выписалась и стала снова на работу.

В этот же день, 11 октября, фабрика была пущена в ход и работала весь день, хотя работавших ткачей было всего 6 человек в одной смене и 8 человек — в другой. Тем не менее я настаивал, чтобы работа шла во что бы то ни стало. В следующие дни число вновь становившихся на работу постепенно возрастало, но крайне медленно (ежедневно прибывало 20—40 человек). Этому мешала, с одной стороны, боязнь, особенно со стороны женщин, становиться на работу, так как небольшая группа ткачей-мужчин угрожала избить всякого, кто станет на работу, причем было несколько случаев приведения этой угрозы в исполнение.

Полицейские чины, военные патрули и казачьи разъезды, устроенные с целью охранения шедших на работу, оказались не в состоянии рассеять страх большинства рабочих перед угрозами меньшинства. Последние буквально терроризировали остальных, так что вплоть до среды 18 октября работы на фабрике, которые по расписанию должны были начинаться с 4 часов утра, начинались с 6—7 часов, т. е. с того времени, когда становилось более или менее светло.

С другой стороны, еще более серьезным препятствием к возобновлению работ служил неизвестно кем пущенный слух о том, что после забастовки 4 октября необходимо выждать 2-недельный срок и ранее его истечения отнюдь не становиться на работу, ибо иначе все ставшие будут арестованы, подвергнуты штрафу по 5 руб. каждый; кроме того, издержки по приезду г. губернатора и вызову войск падут на них же. Если же рабочие выждут указанный 2-недельный срок, то в таком случае фабрика отойдет в казну, будет назначен правительственный

директор, и заработная плата будет повышена, согласно желанию рабочих...

Лишь в понедельник, 16 октября, количество работавших ткачей увеличилось уже настолько (125 чел. в одной смене), что я счел возможным лично поговорить с ними и постараться разъяснить неосновательность вышеупомянутого слуха. С этою целью около часу дня мною были задержаны обе смены, т. е. кончавшая работу и вновь становившаяся, чтобы сразу поговорить с возможно большим числом людей. Возражений с их стороны никаких не было, и рабочие, повидимому, поверили тому, что я им разъяснил, ибо число записывавшихся значительно увеличилось, хотя число действительно ставших на работу тем не менее увеличилось весьма мало. При этом обнаружилось крайне любопытное явление: когда я объявил через табельщиков о своем желании поговорить и приказал после часу задержать смену на несколько минут, то незадолго до назначенного срока разнесся по фабрике среди работающих ткачей тревожный слух о том, что сейчас они все будут арестованы. Этот слух естественно сильно их обеспокоил, так что они готовы были бросить работу и бежать, вследствие чего я принужден был поспешить на фабрику и начать свое объяснение ранее, чем предполагал. После разговора со мной рабочие, с этой, по крайней мере, стороны, вполне успокоились. Источник же происхождения подобной нелепости, как арестование всех начавших работу, так и остался невыясненным.

К этому же времени обнаружилось, что рабочие посылали ходоков в Москву к его высочеству генерал-губернатору, великому князю Сергию Александровичу, с прошением, что действительно оказалось впоследствии справедливым.

В среду, 18 числа, когда истек 2-недельный срок со дня забастовки, рабочие ожидали приезда из Петербурга чиновника и, так как такового не оказалось, то стали записываться и становиться на работу массами, так что в среду же во вторую смену (с 1 часу дня) работали уже все станки; в четверг же 19-го вся фабрика пошла полным ходом с 4 часов утра. Я пробыл в Иванове для наблюдения и собрания некоторых данных до вечера 21 числа, а затем уехал во Владимир вместе с пехотными частями вызванных войск, которые, за полным прекращением в них надобности, были отозваны обратно...

Старший фабричный инспектор А. Астафьев.

Из дневника Льва Тихомирова [1])

(Период столыпинщины)

Извлечения из дневника Льва Тихомирова, публикуемые в настоящем томе «Красного архива», относятся к годам реакции (1907—1910 гг.), к «столыпинскому периоду» русской истории. Бывший народоволец, продавшийся самодержавию за тепленькое местечко в редакции махрово-черносотенных «Московских ведомостей», готовый за классный чин, мундир статского советника и приличное вознаграждение служить кому угодно, — Лев Тихомиров в 1907 г. потянулся к обер-вешателю Столыпину, надеясь упрочить свое пошатнувшееся за годы революции материальное положение.

«После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, Россия пережила три года контрреволюции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула, насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и, особенно, в деревне, еще свирепей расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено м с т и л и революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов» [2]).

Только за 1907—1909 гг. царским судом было вынесено 5 086 смертных приговоров, совершено казней по сообщениям, проникшим в печать, 2 073. К тюрьме, ссылке и каторге приговорено 11 066 человек. Большинство приговоренных — рабочие, солдаты, крестьяне. Сюда не входят бесчисленные кровавые жертвы карательных экспедиций и военно-полевых судов. Сюда также не входят жертвы кровавых черносотенных погромов, организованных самодержавием.

«Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, р у с с к а я монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло жестокими средствами»... [3]).

Организатор погромов Столыпин, являвшийся около 5 лет, с 1906 по 1911 г., главой правительства контрреволюции, «подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские» [4]).

---

[1]) См. «Красный архив», т. LXI, стр. 82—128.
[2]) В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 391.
[3]) Там же, т. XV, стр. 223.
[4]) Там же.

Лев Тихомиров попал в лакейскую к Столыпину в самый расцвет его «могущества». Поглощенный устройством своего семейного благополучия, напуганный неустойчивостью общего политического положения, Лев Тихомиров в своем дневнике за этот период дает слишком мало фактического материала, который характеризовал бы конкретную деятельность как самого Столыпина, так и его политического окружения, но общая политическая обстановка, настроения, нравы крупнейших представителей «русского благородного дворянства», духовенства, крупного чиновничества в эпоху столыпинщины находят под пером Л. Тихомирова довольно яркое отражение. В этом отношении его дневник, несомненно, заслуживает внимания интересующихся эпохой столыпинщины.

Большое место уделяет автор в дневнике своим отношениям со Столыпиным. Он дает характеристику Столыпина на основе своих впечатлений от встреч с ним, а также записывает высказывания о Столыпине виднейших деятелей того времени из дворянско-церковного лагеря.

Л. Тихомиров красочно рисует свою «службу» Столыпину, раскрывает свою роль в разработке для Столыпина вопросов «рабочего» законодательства, цинично рассказывает о своей цензорской деятельности. Довольно подробная беседа со Столыпиным дает любопытные штрихи к политической характеристике «главы правительства контрреволюции». Способен ли Столыпин играть роль «вождя» реакции или, может быть, он не тот, кто нужен, может быть придет кто-то другой? Такой вопрос будто бы задал Тихомиров своему собеседнику. Иначе говоря, как сформулировал этот вопрос сам Столыпин, что он такое: «Бисмарк или бездарная посредственность, которая может кое-как вести текущие дела»? На этот «странный» вопрос Столыпин ответил, по словам Тихомирова, таким образом: «Он верит в бога, он имеет уверенность, «мистическую» уверенность, что Россия в о с к р е с н е т. Он — русский, любит Россию кровно и живет для нее. На себя он смотрит, как почти на н е ж и в у щ е г о на свете: каждую минуту его ждет смерть... Что он такое, — он не знает. Но знает и уверен, что сделает то, что угодно допустить богу». Таков этот «вождь» правящих классов помещичье-буржуазной России в его собственном изображении. Тихомиров передает мнение о Столыпине монархиста Шванебаха. Сподвижник Столыпина Шванебах решительно отрицает возможность для Столыпина играть крупную роль «национального вожака», называет его «человеком компромисса», обвиняет в крайнем самолюбии и тщеславии, приводящих к «популярничанью».

На вечере у Ширинского Тихомиров слышит такую «остроту о премьере»: «Он очень легко обещает, а потом начинает размышлять: не слишком ли много я обещал. Ну, да не беда: можно не исполнить»... «Великим», «единственным великим человеком наших дней» назвал Столыпина, по словам Тихомирова, граф Владимир Бобринский, жаждавший получить от него хорошую подачку. «Ну, что же? — пишет Тихомиров, — пусть старается и получает. Россия все равно должна быть съедена, и почему же не получить своего куска графу Бобринскому». Граф Д. А. Олсуфьев именует Столыпина: «Feiner Conditer» Бельгард в подхалимском восторге на вопрос о Столыпине отвечает Тихомирову: «Да какое же может быть мнение о человеке, у к о т о р о г о з в е з д а?.. Он ведет игру va banque. Ну, что же сказать? Ему в с е у д а е т с я, вероятно, и здесь удастся. Нет, его ничто не свалит, разве какая-нибудь страшная катастрофа...».

Записи Тихомирова дают известное представление как о «хоре реакционеров, воспевающих Столыпина», так и о «копающихся в истории интриг черносотенной шайки, командующей Россией» [1]). В этом отношении любопытна запись о дум-

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 221.

ских «соглашениях», «охлаждениях» и пр., между Гучковым и Столыпиным по поводу отпуска денег на броненосцы.

В ряде замечаний по этому вопросу читатель найдет иллюстрацию сказанного В. И. Лениным об «основном уроке столыпинского периода» русской истории: «Царизм привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой — и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, всех вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова, потом Гейдена и Львова, наконец, Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу. Различие между Милюковыми и Гучковыми совершенно несущественно — вопрос очереди, в которой эти вожди буржуазии подставляли свои щеки под... «поцелуи» Романова — Пуришкевича — Столыпина и получали таковые... «поцелуп» [1]).

В качестве чиновника главного управления по делам печати Л. Тихомиров усердно пишет докладные записки по заказу Столыпина, выступает в роли советчика правящих сфер, строчит реакционные статьи в черносотенных газетах. Всюду он выступает в роли верноподданного Романовых, преданного защитника интересов правящих классов, исполнительного чиновника самодержавно-бюрократической машины. Оставаясь наедине с собой, занося свои мысли в дневник, он подчас обнаруживает известное понимание происходящих событий и дает довольно любопытные в устах заядлого реакционера прогнозы. «Загубят они Россию, не сдобровать, — говорит он о столыпинских министрах.— А может быть, загубят и себя. Этого бы они, пожалуй, и стоили, но ловкачи, наверное, вывернутся лично...» При этом он добавляет: «Я говорю, конечно, н е о Столыпине (он — ч е с т н ы й ч е л о в е к), а о всем с л о е, к которому он принадлежит...» (о том, как Тихомиров расценивает «честность» Столыпина, в дневнике читатель найдет много любопытного).

Несколько примитивно, но очень ясно Тихомиров пишет по поводу «забот» правительства об «интересах народа»: «Интересы н а р о д а сами по себе в СПБ не признаются, и если для народа что-либо делается, то либо для повышения д о х о д о в к а з н ы, либо для того, чтобы народ н е б у н т о в а л. Все остальное для них выходит из области «практичного», «реального».

В ответ на совет известного черносотенного деятеля А. А. Нейдгардта сделать запас, «как мудрые девы евангелия, елея для светильника, чтобы не погас этот светильник в какую-то важную минуту», Л. Тихомиров пишет в дневнике: «У меня не только елея нет, но и светильника даже... Я сначала держался, возгорался, негодовал, ожидая кого-то или чего-то... Но идет год за годом, и в этой мерзкой слякоти все погасает. Не знаю, каким нужно быть резервуаром огня, чтобы не погаснуть. В болото современной России можно бросить Везувий, и он — пошипит, пошипит, да и загаснет. А ведь я — не Везувий, а самый маленький, дрянной уголек, выпавший из распавшегося самозара п р е ж н е й России. Мерзейшее состояние! До чего же гибнет эта несчастная гнилушка, эта бедная, пропащая блудница, Россия, если есть люди, готовые к о м и е обращаться за спасением». Так этот националист «патриот», защитник «исконных» начал «православия, самодержавия, народности» (великорусской) поносит самое имя своей родины, когда он видит действительную обреченность помещичьей монархии Романовых, когда он чувствует крах политики Столыпина, пытавшегося, по словам В. И. Ленина, «в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию...». «Крах столыпинской политики, — писал В. И. Ленин, — есть крах царизма на этом последнем, п о с л е д н е м м ы с л и м о м для царизма пути» [2]).

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 227.
[2]) Там же, стр. 225.

В другом месте Тихомиров пишет: «Россия в маразме более чем когда-либо. В прошлом году в это время еще, казалось, горели в сердцах огоньки, я и сам еще мог серьезно говорить о «недостатках конституции» и мечтать об ее исправлении. Эта проклятая мразь, Третья дума, увязила Россия в болоте и затушила все искорки света в душах. Какие ничтожные, противные люди...»

«В государстве, членом которого «имею честь» состоять, кажется, ничего нельзя сделать. Мне думается, что теперь опять пойдет постепенное назревание нового революционного взрыва. Прогнием еще года 2—3, а там, может быть, окончательно все полетит вверх тормашками. Бедный царь! Вряд ли ему кончить добром». Здесь Тихомиров оказался правым. Но он не понимал главного, что «Столыпин дал русскому народу хороший урок: итти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата, или — итти в рабство к Пуришкевичам, Марковым, Толмачевым, под идейным и политическим руководством Милюковых и Гучковых» [1]). Трудящиеся царской России избрали первый путь...

О себе Тихомиров в дневнике по обыкновению пишет много и чаще всего в «уничижительном», иудушко-головлевском тоне: «Все ничтожно: люди, интересы, идеи. Безвыходно ничтожно. А сам? Я, может быть, ничтожнее всех. Духа нет, самоотвержения нет, веры нет, и наконец, какая-то гнуснейшая трусость».

Выше мы цитировали его образное заявление о себе, что «он — самый маленький, дрянной уголек, выпавший из распаявшегося самовара прежней России». В другом месте Тихомиров жалеет, что он не попадет в «историю русской литературы». «Вышел бы, — пишет он о себе, — очень веселенький тип, юмористический, не без таланта, не без способности созидать, — и абсолютно ни к чему не нужный...». Часто он пишет о своем желании «покоя, тишины, безмолвия», ханжествует, впадает в «мистическое» кликушество. «Мне бы «на покой» нужно. Все, что ни делается у нас, — не по мне, ничего я не одобряю без оговорок и ни из чего не предвижу, с моей точки зрения, «толку»... «Я бы еще понял всю эту «деятельность», если бы ее действительно бог наложил на меня, как что-то ему нужное. Но тогда бы он давал способы действия... а этого нет, нет и нет...». Возникают слухи об отставке Столыпина. Тихомиров прежде всего расценивает эти слухи с точки зрения своего материального благополучия: «Что же станется со мной, если Столыпина свалят? Мерзко все, ужасно, и я совершенно не знаю, что предпринять. Тут, очевидно, одно средство: с волками жить, — по-волчьи выть и, стало быть, самому присоединиться к интригам. Но я этого ни в каком случае не хочу. Между тем, — пропадешь ни за грош»...

Такова отвратительная физиономия этого бывшего террориста, своим предательством заслужившего мундир статского советника, тепленькое местечко в лакейской обер-вешателя Столыпина и аудиенцию у «самого» Николая Кровавого.

Вл. Максаков.

1907 г.

Петербург

24 октября. Был у министра. Туда и обратно проездил 1½ часа (на Елагин), заплатил 7 р., у него ждал часа два, да побыл с ¼ часа, Нерадужные впечатления. Он был не очень-то любезен, и я боюсь, что он не знает, что ему со мной делать... Может быть, погорячился, за-

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 227.

варил кашу, а теперь и сам не знает, что делать. Впрочем, дал мне рассмотреть кипу того, что у них готовится по профессиональной организации рабочих. Этот вопрос у них предполагается двинуть. Быть может, будет междуведомственная комиссия, и, б ы т ь м о ж е т, он меня назначит в нее из министерства внутренних дел. Я не решился спрашивать его о своем жалованье, будет, пожалуй, удобнее поговорить с Бельгардом и Кноллем. Кстати, министр к Бельгардовской работе относится с п о л н ы м равнодушием, даже не интересуется знать, в чем она!

Дело вообще, кажется, плохо, и возможно, что я сделал глупость, поддавшись на предложение Столыпина.

Встретил у него в приемной кой-кого из знакомых: Крупенского (кажется, это был он), Каткова (военного), Восторгова.

25 о к т я б р я. Заезжал к Ширинскому — не застал, потом к Писаревым, потом в главное управление. Ждал Бельгарда целый час, виделся на десять минут, говорили наскоро. Потом познакомился с Тороповым, взял «Книжную летопись». Получил также жалованье за 20 октября. Но оказывается, что в главном управлении платят лишь часть, т. е. жалованье, а дополнительные (2000)—где-то в другом месте. Да и то с вычетом ⅓, т. е. вместо 333 р. 33 к. получил 230 р. 30 к. И то хлеб, конечно.

Должно сказать, что оба мои начальники не очень-то гонят в работу, так что мне пока приходится самому «итти вперед». И это необходимо, потому что, раз я уже впутался в такой переворот всей своей жизни, нужно приложить все старания, чтобы добиться хоть мало-мальски п р о ч н о г о служебного положения. Только перестав висеть на воздухе, только став чем-нибудь более определенным, чем «п р и ч и с л е н н ы й к м и н и с т е р с т в у в н у т р е н н и х д е л, о т к о м а н д и р о в а н н ы й д л я з а н я т и й в г л а в н о м у п р а в л е н и и п о д е л а м п е ч а т и» (название-то какое — вроде «Петр Савелий Неуважай Корыто»), могу я заняться снова каким-нибудь полезным делом.

26 о к т я б р я. Сегодня был у Кнолля разузнать о своих служебных порядках, а между прочим о дополнительном жаловании. Оказывается, что о последнем он ничего не знает, но обещал завтра узнать у министра и сообщить мне по телефону.

Познакомился с его секретарем, Михаилом Александровичем Марголиным.

30 о к т я б р я. Хлопоты, суета, устройство, кое-какие служебные знакомства. И в общей сложности все довольно скверно.

Отношение начальств моих самое странное. О деле они и не воображают. Но зато и дополнительного жалованья доселе не получено. Бельгарду чуть не насильно, через сторожа, всучил свои соображения о постановке библиографии, и он нимало не думает вызывать для разговора об этом. О Столыпине — ни слуху, ни духу...

3 н о я б р я. Вот я две почти недели в СПБ. Странное существование: службы абсолютно н и к а к о й. Сам я много хлопочу по своему устройству, но ни Столыпин, ни Бельгард не дают никаких дел. Сколько времени это будет продолжаться?

Очень странное существование, и курьезная «служба»...

Был я за это время у Восторгова, митрополита Владимира, Б. Никольского, кн. Ширинского, в Русском собрании, несколько раз плялся добывать себе телефон, был у Кнолля, был сегодня у С. Е. Крижановского. Промерзаю, простужаюсь.

Еще был у Башмакова, у М. Р. Лаппо, собирал сведения, нужные для моей библиографии, если она нужна Бельгарду. Ходил в Публичную библиотеку к Лихачеву за тем же и не застал.

Нелепейшее существование!

10 ноября. Ужасная погода. Был в главном управлении. Слава богу, Бельгард дал распоряжение и инструкции, так что теперь моя работа определилась.

Мы должны издать «Список периодических изданий» с ноября 1905 г. по дек. 1907 г. А с января я должен давать еженедельные известия в «Книжную летопись». Все это совершенно согласно (почти) моей программе, которую я высказывал ему...

15 ноября. Не без хлопот проходит время, но довольно бессодержательно. Все «ни к чему»...

13 числа было знаменитое нелепое заседание Думы по поводу адреса государю. 12-го я был в клубе умеренных и правых. Завтра должен читать в Русском собрании. В воскресенье — в клубе. И все это ни к чему, сущее томление духа...

20 ноября. Служба моя идет омерзительно, и я совершенно не понимаю, на кой прах Столыпин вытащил меня из Москвы! Никаких дел мне не дает, и я его не вижу. У Бельгарда служба хотя и требующая суеты, но безусловно бесплодная до сих пор. Как я, при таких условиях, могу удержаться, а уже и что и думать о повышении!

Мое чтение в Русском собрании было омерзительно исполнено и никому не понравилось. Но зато в клубе умеренных я читал живо и складно и произвел большой эффект, вызвал продолжительные, оживленные беседы. Однако, едва ли Столыпин доволен этим чтением, ибо я пошел против его политики и призывал к единению правых, предостерегая против средних союзов, тянущих влево. Это диаметрально противоположно тактике, покровительствуемой Столыпиным.

Очень жаль, но что же мне делать? А все-таки служба моя не сулит доброго конца. Бедняги мои семейные! Нет, пожалуй, «неладцю у апостолов удумано» было мое переселение.

«Московские ведомости» отданы Будиловичу, что из этого выйдет? Аллах ведает. Приезжал Николай Викторович, который этого ничего не знал. Повидимому, о. Иоанн с ними перестал быть откровенным.

Вообще ничего в волнах не видно, и живу я между небом и землей, без всякой точки опоры... Конечно, никто, как бог, и все будет по его воле... По человечеству же — плохи дела...

21 ноября. Зачем я несу крест какой-то службы, какой-то публицистики? Ничего из этого не выходит, и ничего я этого не хочу, именно по бесцельности всего этого. Я бы хотел одного — покоя, тишины, безмолвия. Я бы хотел вдуматься в свою душу, найти бога не теоретически, а реально. И этого-то нет, не дает мне жизнь!

Я бы еще понял всю эту «деятельность», если бы ее действительно бог наложил на меня, как что-то ему нужное. Но тогда он бы давал способы действия, а этого нет, нет и нет... Мне иногда говорят, будто бы я что-то делаю и сделал. Но я-то этого не вижу. В этой несосветимой ерунде всего существующего — что же может быть названо сделанным для бога?

Я не знаю! Вот хоть в этом переселении в Петербург: меня к нему понудили обстоятельства, менее всего бывшие от моей воли. Не было и желания моего. Только покоя я хотел уже давно. Ну можно ли

предположить что другое, как волю божию? Приезжаю — и вот абсолютная бессмыслица, все ни к чему, а тяжесть налегла на всех каменной горой.

А «дела», смысла, пользы — никаких. Сам я попадаю в глупейшую неволю, никому не нужен. — Зачем таинственная сила принесла меня сюда?

Значит, никаких таинственных сил не было, а просто чепуха и бессмыслица. Я в ней не хочу оставаться, но что же мне делать? Итти некуда.

Я вот не записываю все время своих «дел». До того скучно, глупо, обидно даже, что и писать-то не хочется. Зачем же меня перенесло сюда?

22 ноября. Был в Гос. думе. Глупейшие партийные ссоры, в результате которых не прошла ни одна формула перехода к очередным делам (всех было 6).

Значит, в Думе нет большинства. Получили письмо от Нейдгардта. Очень философично!... Ему хорошо рассуждать. А мне на моей горячей сковороде невольно приходится корчиться и пищать. Остался я опять без телефона: разбил вдребезги слуховую трубку. Угораздило бедного Макара восприять и эту шишку.

24 ноября. Я был у Крижановского. Занес письмо Столыпину (Кноллю) с просьбой о свидании.

1 декабря. Живется очень нехорошо. То есть нет ничего положительно хорошего, есть много неприятного, и нет надежды...

Мои надежды на Столыпина распадаются. Он даже не имел возможности ответить на мою просьбу о свидании. Очевидно, он кается, что со мной связался. Ну, а без него мой переезд в СПБ составляет почти прыжок в пропасть — поступок нелепый и гибельный для всех со мной связанных. Мне и теперь нужны все силы, все хладнокровие и здоровье, чтобы искать соломинок в море, куда я добровольно упал.

2 декабря. Сегодня был у Столыпина, в Зимнем дворце, довольно долго. Назначено в 12. Ждал порядочно, но все же едва ли долее 12½ (не посмотрел), а вышел в 1½. Всего непременно около часа. Разговор в высшей степени важный, через несколько времени принявший очень интимный характер. Я обрисовал положение России, ее нравственное состояние, указал, что она ждет вождя, который бы сказал: «Прошлое, с его падением, кончено; начинается новая эра», и повел бы за собой сплоченные национальные силы. Я приехал в СПБ, потому что ждал найти нечто подобное. Когда я готовился к речи о «недостатках конституции», то не имел и подозрения, что у него назревает манифест третьего июня. Совпадение поразило меня, заставило ждать новой эры, и я принял его приглашение. Ибо, в случае новой эры, такой человек, как я, может быть нужен. Затем явилась декларация — образцовая, схватившая самую суть дела. Но если из слов и формул перейти к делу, то ничего не оказывается.

Тот вождь, который нужен России, должен сомкнуть около себя товарищей, проникнутых тем же новым духом, и сразу систематически двинуть работу возрождения России. Но у Столыпина — ничего подобного. Ничего не делается, и не может делаться, потому что все его министры никуда не годятся. Я их перебрал целую кучу... Итак что же? Чего ждать? Что он намерен делать? Какое будущее себе рисует? От этого зависит не только участь его самого и России, но и моя. Может

быть, он не тот, кто нужен, может быть, придет кто-то другой? Но тогда мне с ним нечего делать, и я уйду к своей кабинетной работе.

В таком роде я изъяснялся долго, ясно до резкости. Он иногда отвечал, слушая все более внимательно. Затем начал речь он. Затем мы обменивались отдельными замечаниями.

Он сказал, что я ему, значит, задаю вопрос: что он такое — «Бисмарк или бездарная посредственность, которая может кое-как вести текущие дела»? Я подтвердил, что вопрос действительно в этом роде. Столыпин сказал, что это «вопрос странный», так как не ему отвечать на него, но вот как он смотрит. Тут он вошел в большие интимности. Он верит в бога, он имеет уверенность, «мистическую» уверенность, что Россия воскреснет. Он — русский, любит Россию кровно и живет для нее. На себя он смотрит, как почти на не живущего на свете: каждую минуту его ждет смерть. Я не знаю донесений, которые он получает и не могу взвесить, до какой степени он может каждую минуту погибнуть. Что он такое, — он не знает. Но знает и уверен, что сделает то, что угодно допустить богу.

То движение России, о котором я говорю, та дружина вокруг вождя, которая поведет нацию, требует людей. Он распространялся о том, как их мало, как их трудно найти, но что он ищет всюду, по первому признаку существования. Так он вытащил и меня. «Вас я только взял и пришпилил здесь, чтобы не пропали, когда понадобитесь. Я вам ищу место». Так он ищет людей везде. Между прочим, спросил о Кассо (я подтвердил, что человек с выдающимися качествами). То движение вперед, о котором я говорю, еще будет, если это угодно богу.

О людях мы много говорили. Из своих он указывает Коковцова и Щегловитова. Пробовал сказать, что декларацию обсуждали и подписали все. Я, конечно, отверг значение этого. «Подпишешь, конечно, когда председатель хочет! У вас теперь все телеграфы завалены приказаниями мин. нар. просв., чтобы везде было чинно и благородно. Но это очень часто значит просто: «господа, теперь неудобно бунтовать, сидите пока посмирнее». На это он ничего не возразил. Но когда я сказал: почему у вас Извольский, а не Ширинский, он промолчал, и лишь заметил: «хотели взять Федора Самарина, но он не пошел».

Он видимо увлекся разговором, и потом мы говорили тихо, вдумчиво, как товарищи. Очень странный разговор. Раньше он говорил, что у него 20 минут времени, и я видел, когда был в приемной, кое-какие приготовления к завтраку. Во время разговора его приходили куда-то звать, он сказал «сейчас», и мы просидели еще чуть не ½ часа. Боюсь, что он прогулял свой завтрак, так как в приемной еще были ожидающие аудиенции. Раза три возвращался я к тому, каков исторический момент, каковы его требования. Нация разделена: согласить добровольно эти фракции нельзя. Нужно, чтобы явился «капрал», вождь, поднял знамя властно, а на знамени должен быть национальный вывод пережитого. «Равнодействующая линия», вставил он. «Да, именно». И по этой линии должен пойти вождь: без этого не совершаются великие переломы. За ним пойдет большинство, скажет «слава богу, наконец». А несогласные — одни увлекутся потоком, другие падут духом и подчинятся. Но для

всего этого нужно вызвать общий подъем духа, чтобы нация п о в е р и л а...

Общий лозунг, знамя, равнодействующая им, Столыпиным, у г а д а н ы. Но теперь нужно от слов перейти к д е л у. Явно, заметно, систематично, чтобы все увидели и поверили.

Он был очень задумчив иногда, и долго прощался со мной, сказав, что желал бы еще переговорить, но лучше в е ч е р о м, когда впереди много свободного времени, так как «я л о ж у с ь с п а т ь о ч е н ь п о з д н о».

Ну, дай бог, чтобы разговор пошел на добро. Никто как бог, я тоже в это верю. В нем, во мне, в России, в судьбах мира — никто как бог!

4 д е к а б р я. В главном управлении у меня началась работа. Куча журналов, читаю, отмечаю. Может быть, и окажется возможною мысль Бельгарда. Но у Садовского идет и другая работа, тоже мною возбужденная, всесторонняя регистрация жизни печати и персонала...[1]) Садовский очень был очарован моими записками Бельгарду, и старается осуществить мои планы возможно полнее.

Но когда все двинется, я буду по уши завален работою.

Познакомился, вследствие большой любезности Башмакова, с Будиловичем, в Славянском обществе (Звенигородская, 24). Завтра у меня с ним назначено свидание в главном управлении. Он, видимо, хочет осведомиться у меня о ходе редакционных дел. Это умно, и я очень охотно желал бы помочь ему, так как этим помог бы бывшим товарищам по редакции.

Был сегодня в Думе. Заседание бессодержательно.

6 д е к а б р я. Сегодня у меня был граф Доррер. Долго беседовали о положении дел у нас. Странно: и он повторяет, что «на словах» премьер идет самым определенным путем, а на «делах» никуда не идет. Что это значит? Что это за человек?

На меня он производил все разы и с к р е н н е й ш е е впечатление. Откуда же разница слова и дела? Или он не имеет силы, или он ждет обстановки? Но разве можно только ж д а т ь ее, когда ее н у ж н о с о з д а в а т ь?

Бесспорно, что когда возникает вопрос о г л а з о м е р е, то трудно спорить, ч е й в е р н е е? Может быть, его глазомер более тонок, может быть, не пришло время повести Россию решительным путем.

11 д е к а б р я. Сегодня вечером у нас экспромтом вышел чисто московский «вечер»: пришли все приезжие, Н. Н. Сучков, Л. Л. Кисловский, о. Иоанн Восторгов и два архиерея — Серафим (Чичагов) и Гермоген саратовский. Очень было отрадно. Гермоген основывает православное братство русского народа с чисто религиозными целями. Это мне очень симпатично.

12 д е к а б р я. Какие-то негодяи, а м. б., и глупцы, распускают слухи, будто бы декларация 16 ноября чуть не сочинена мною, и что Столыпин вообще пляшет по моей дудке! Уж, вероятно, это сочиняется нарочно, чтобы довести до его сведения: у иных, вроде Шарапова, может быть прямая цель повредить мне, у других — позлить Столыпина. Но во всяком случае эти глупейшие выдумки страшно и во всех отношениях вредят мне. В действительности я этой декларации и в глаза не видел до самого 16 ноября, и даже не слыхал о ней, да и с самим

[1]) Неразобрано слово.

Столыпиным не видался ни разу со дня представления (24 октября) до 16 ноября, когда видел его на минутку в Думе. После того, по моей просьбе, он меня принял 2 декабря, и это был единственный серьезный мой с ним разговор. Никаких влияний я не мог иметь, и в свою очередь не знал и не знаю ничего о его планах. В отношении меня, я думаю, он просто тяготится и никаких иных от меня впечатлений не имеет.

Действительно, вызвал в сущности совершенно зря.

Вчера еп. Серафим (Чичагов) говорил мне положительно, как факт, будто бы на мою статью (она ведь была в «Моск. вед.») обратил внимание сам государь, и она на него будто бы произвела очень сильное впечатление, под влиянием которого он приказал Столыпину переговорить со мной. Вот почему, будто бы, Столыпин меня вызвал.

Если это верно, то я очень разочарован. Во-первых, значит все поведение Столыпина в отношении меня неискренно. Во-вторых, становится вероятно, что сам он никаких особенных впечатлений не имел, а действовал поневоле. В-третьих, если это все так, то и делать он ничего не будет, ибо этой идеи не имеет.

Ну, а впечатление самого государя не может иметь практических последствий! Все равно он без Столыпина ничего не предпримет, да если бы и захотел, то не выдержит характера. Если бы Столыпин захотел и начал действовать, то последствия могли бы быть громадные, исторические (может быть). А если он не хочет, не имеет этой идеи, то «всуе труждахся зиждущий», т. е. аз многогрешный, весь век свой обреченный жить мечтами и иллюзиями.

Очень все это печально.

16 декабря. Воскресенье. Сегодня, наконец, сделал визит Шванебаху (Моховая, 30), у которого просидел чуть не 5 часов! Очень, очень симпатичен, и теоретически умен, но сомневаюсь, чтобы был настоящим практиком. Вообще говоря, не видно кругом ни одного «исторического» человека...

Вчера, 15-го декабря, начались праздничные каникулы Государственной думы, до 8 января. Но едва ли к 8 января соберется много членов. Множество их должны работать на земских собраниях. Таковы, напр., почти все куряне. Вчера я пробыл в Думе до самого разъезда депутатов, заболтался с Кривцевым и Доррером. За последние дни я роздал и разослал членам Думы штук по 30 «Недостатков конституции 1906 г.» и «Самодержавие и народное представительство»: больше правым, но также Н. Львову, Маклакову, Плеваке. Рассчитываю, что на каникулах легче надеяться на прочтение ими.

Петр Христианович очень долго критиковал Столыпина. — Он решительно отрицает возможность у Столыпина какой-нибудь крупной роли национального вожака. Грустно мне слышать все это, особенно когда критика подтверждается рассказом о предшествующей деятельности. Шванебах признает его человеком благородным и талантливым, но отрицает в нем крупный ум и характер, называет его человеком компромисса и, сверх того, обвиняет в крайнем самолюбии и тщеславии, приводящих к популярничанию.

Если это правда, то очень грустно, потому что такие качества, конечно, исключают возможность крупной национальной роли. Но дело в том, что в конце счета Столыпин, несомненно, все-таки крупнее всех остальных. Ему противопоставляют Горемыкина! Ну, уж это совсем плохо. Какой же «исторический деятель» Горемыкин?! Ему

противопоставляют П. Н. Дурново. Но при всем уме (очень тонком) и характере (громадном), П. Н. не имеет цели действия, кроме разве порядка и чисто внешнего поддержания государства. Вся наша конституция 1906 г. прошла в его министерство. Да, наконец, и он и Горемыкин — совсем старого возраста. Ведь Россию нельзя поправить в полгода. Тут нужно со стороны даже гениального человека 5—6 лет систематических усилий.

Нет, по-моему, если Столыпин не тот человек, какого нужно иметь, то такого человека еще совсем нет, он еще не пришел. Ну, а если он не приходит, то, значит, Россия осуждена или на долгие годы гниения или на новую революцию. Гнев божий, значит, не снят, а м. б. — кто ведает — Россия уже кончила свою роль, отпела свою песнь в истории...

20 декабря. Вечером был у Ширинского, с Роговичем. Любопытная острота о премьере. «Он очень легко обещает, а потом начинает размышлять: не слишком ли много я обещал. Ну, да не беда: можно не исполнить...»

Увы, кажется похоже на правду.

26 декабря. Киреев пишет, заклеиваю письмо. Только сердце растравляет... А в сущности, хоть он и хороший человек, все это пустые разговоры. И он сам был бы не лучше, и я был бы не лучше. Мы все опустились в маразм, и только особая милость божия может спасти нас. Да, пожалуй, времена милости уже окончились, и, м. б., Россия уже отдана на произвол «естественного течения дел».

Пропасть в буквальном смысле слова, она, м. б., и не пропадает, но уже перестанет быть божией служительницей... Ну, а тогда весь государственный и церковный строй изменится, и даже странно было бы держать формы, утратившие дух, а стало быть, и смысл.

Было бы еще лучше, если бы мы находились под гневом божиим: после гнева и наказания могла бы явиться и милость. Но возможно, что мы уже дошли до того, что просто «выпущены на волю» — живите, как знаете.

Страшно, что нет наставника, который бы мог объяснить, как теперь жить, куда итти. Это самое тяжкое...

Тяжкий 1907 год. Сколько он наделал, не перечесть, а ведь еще не кончился: за 5 дней многое еще можно натворить!

Иной посмеялся бы, прочтя это, но я действительно так ослаб духом, что не чувствую ни в себе силы, ни опоры извне, что трепещу перед всем, даже перед «годом», хотя ведь нет никаких «годов», ни старых, ни новых... А может быть, и есть? Как знать?

27 декабря. Ну, вот завтра и на службу. Работа готова, не знаю только, хороша ли окажется.

Разослал карточки, письма, исполнил «обязанности». Вертишь какое-то дурацкое колесо, — кому все это нужно? А вот не знаю, как мне быть со Столыпиным? Неужели ехать записываться? Письмо послать — фамильярно, пожалуй. Минуй нас пуще всей печали и барский гнев, и барская любовь? Не знаю как и поступить. Затесался я не в свои сферы, а как это вышло, — и сам не понимаю.

Мне бы «на покой» нужно. Все, что ни делается у нас, — не по мне, ничего я не одобряю без оговорок, и ни из чего не предвижу, с моей точки зрения, «толку». Я бы еще, может быть, мог кое-что создать, или, по крайней мере, возиться с чем-нибудь теоретическим, но на это нужны средства к жизни. А работать с ними, нынешними

людьми, уже не могу. Я им н е в е р ю, а потому не могу подчиняться, а п о м о е м у они не хотят делать. Денег же у меня нет, и я их могу иметь только от этих людей.

Только Нейдгардт, еще более отживший, может думать, будто бы я на что-то «нужен». Хотя странно вспомнить: ведь я с а м способен был поддаться этой иллюзии не дальше как ½ года назад.

Ловко же убил мой дух Петр Аркадьевич! В несколько месяцев превратил меня в совершенно отупевшего. «Помудрел» я больше 80-летнего Нейдгардта. Но, в сущности, этим летом у меня, очевидно, была только вспышка погасающего пламени, и уж, конечно, п о с л е д н я я. Да и не жаль мне этих иллюзий. Я бы желал только, чтобы п р и й т и к б о г у, да еще — чтобы как-нибудь оставить жену и детей н е в ч е р н о й н и щ е т е.

29 д е к а б р я. Пишет Киреев: мудрые советы! Точно я этого н е п о н и м а ю! Дело в том, что я не могу, или не умею (что равносильно) с д е л а т ь этого. Я не устраивал своего перевода, я не проявил тут никакого искусства, и не имею его точно так же и теперь. Вышло это с а м о с о б о ю, и точно так же я теперь погибну или уцелею не своими усилиями или ловкостью (ничего этого у меня нет, и взять негде), а волею тех сил, которые меня сюда на спасение или на гибель притащили. Все это, может быть, очень нелестно для меня, но факт есть факт.

Киреев бы лучше сделал, если бы вместо пустых советов, помог свыше своим влиянием. Но и это легко мне говорить, со стороны, а может быть, столь же недоступно е м у.

Откуда он, однако, взял «кадетское министерство»? Неужели и это возможно после декларации 16 ноября? Ну, уж тогда прямо нужно сказать, что мы не живем, а видим сновидения!

На падение Столыпина видится немало смутных намеков в тумане этих сновидений... Но замена его к а д е т а м и! Это и для сновидения чересчур. Или Киреев думает, что Столыпин призовет кадетов? После 3 июня, после 16 ноября? Такая чушь, что стыдно было бы подумать, если бы дело не касалось России. Но что невозможно в природном сумасшедшем доме?..

30 д е к а б р я.

Sed fugit, interea fugit irreparabile tempus...

Остался еще один день до нового года, и кто проживет — доживет. Пока все спрашивают друг друга: ожидаются ли какие п е р е м е н ы? Это я собственно по телефону беседую, п. ч. за все праздники не выходил. Но в круге моего телефона никто не знает или не открывает своих знаний. Да я думаю, скорее, никаких перемен и не будет. Для меня лично они могут быть только невыгодны. Лучшего ничего не видать, и остается желать status quo... Впрочем мое желание — не при чем...

31 д е к а б р я. Половина одиннадцатого ночи. Осталось 1½ часа до нового года. Ширинский сообщил сейчас по телефону, что Кауфман уходит, на его место Шварц, а Герасимов — в о т с т а в к у. Дали погубить «М о с к. в е д.», а потом в отставку!

Назначение Шварца министром народного просвещения, конечно, важный признак твердой политики. Но так и ждешь теперь обратного: шаг вперед, два назад.

Столыпин получает статс-секретаря.

Один я перехожу в новый год на палочке верхом и «причисленный

и прикомандированный», нечто вроде «бывший сын действительного статского советника». Говорят, как встретишь новый год, так и проведешь его...

Впрочем сегодня мне дали корректуры «Повременной печати», хоть бы с этим занятием не разлучиться — все хлеб.

А Столыпина я решительно начинаю подозревать в неискренности или в болтовне пустой. От московских отвлек, а тут поставил в самое дурацкое положение: где есть хлеб, но необеспеченный ни на день, и где нельзя ничего делать, не возбуждая подозрений, что действуешь из-под руки начальства... Не понимать этого он не может. А следовательно?.. Хороших выводов ни одного не придумаешь.

Сегодня получил последний № «Моск. вед.», с довольно подленькой передовой, в которой редакция барона Нольде, прощаясь с читателями, заманивает их подписываться к Будиловичу уверениями, будто бы газета будет столь же хорошей...

Нехорошо так лгать. Конечно, Нольде нуждается в хлебе Будиловича, но мог бы легко воздержаться от подличания, сославшись Будиловичу хоть бы на г-жу Грингмут. Эта бедная индюшка не понимает, что в своем лице марает память мужа.

Но зато в «Русской земле» кто-то анонимно разругал Будиловича (статья «Разгром Московских ведомостей»). Не тот ли самый Нольде? Нет, он слишком осторожен. Наверно кто-нибудь другой, из обездоленных.

В сущности, оставляя без хлеба 250 человек, имеющих нравственно во сто раз больше, чем он, прав на «Моск. вед.», Будилович характеризует себя очень скверно.

Господь избавил меня от тяжкого положения, в котором Нольде писал свою статью в № 30 декабря. Бесспорно, тяжкое положение. Но мне кажется, можно бы было и не подличать. Не Будилович же этого требовал?

1908 г.

1 января. Получены газеты. Ушел Кауфман, а этот интриганщик Герасимов — совсем в отставку. Теперь, конечно, займется журналистикой. Возвеличили человека, поставили на ноги, а теперь этой отставкой дают кадетам вождя почище многих, выбывших из строя.

А я так и осужден мотаться между небом и землей. Чорт его знает — прости господи — что это за человек Столыпин. Разорил эти несчастные «Моск. вед.», меня съел, вывел в люди этого болвана Будиловича. Не политика, а каша, или даже свиное месиво...

Рассказывал Н. В. Соколов о Москве. Ну, там, вероятно, все устроится или, по крайней мере, будет сносно. Нольде—уже и говорить нечего: он будет полным хозяином, так как Будилович сознал, что ничего не понимает, и не имеет сил на такую тяжелую работу. Дай бог, конечно, им всем возможно лучшей жизни. Горько только, что, пожалуй, мне придется завидовать товарищам, оставшимся на месте.

Нольде пишет, что затевается кампания кадетов, октябристов и вообще «разнообразных элементов» для того, чтобы свалить Коковцова, а с ним и Столыпина. Сведения, говорит, верные, и прибавляет, что я, вероятно, догадываюсь от кого. Ну конечно, от Воронова.

Это совпадает с письмом Киреева, который через Ник. Хомякова связался с октябристами и, вероятно, находится au courant этих планов.

Ну, тогда передо мной полная, окончательная гибель.

«Вот время благоприятное, вот день спасения!» Боже, но возможно ли допускать такую язвительную насмешку над человеком?

Вот с какими ощущениями заканчиваю я первый день нового года.

6 января. У меня был Шванебах. Между прочим, говорил, что, по его мнению, премьерство Столыпина очень недолговечно, и что до пасхи едва ли продержится. Оснований не представлял, конечно.

Вечером, я был у Садовского, и — курьезно — он мне также говорил о слухах, будто бы Столыпина сменяют, а на его место поставят П. Н. Дурново.

Итак, эти слухи со всех сторон. Нольде извещает из Москвы о кампании, ведущейся против Столыпина. Я говорил об этом Олсуфьеву, тот смеется, ничему не верит, говорит, что все вздор. Боюсь, что Столыпин с Олсуфьевым играет роль мужа, который последний узнает об интригах жены.

Но мое-то положение становится критическим. Что же станется со мной, если Столыпина свалят? Мерзко все, ужасно, и я совершенно не знаю, что предпринять. Тут, очевидно, одно средство: с волками жить — по-волчьи выть, и, стало быть, самому присоединиться к интригам. Но я этого ни в каком случае не хочу. Между тем — пропадешь ни за грош. Скотина этот Петр Аркадьевич, не желающий дать мне прочного места. Если бы он хоть пустил к себе, я бы, кажется, прямо просил придумать какое-либо место, чтобы не зависеть от его карьеры. Но вот он забыл свое обещание вызвать меня. А просить свидания — тоже неудобно.

12 января. Петр Аркадьевич приводит меня в уныние. Назначил министром торговли и промышленности Шипова, бывшего Виттевского кратковременного министра финансов и имеющего репутацию «кадета». Значит, продолжается система сиденья между четырех стульев, и о последовательной политике все еще нечего и думать. Способен ли он когда-нибудь к ней перейти?

Сыромятников, бывший на докладе у Столыпина, сообщил мне, что он очень изменился от своей инфлуэнцы, так что «узнать нельзя»: видно порядочно тряхнула. Очень жаль, и даже тревожно. Боюсь, что не благодарить придется мне Столыпина, а, м. б., проклинать час своего с ним знакомства. Человек полумер, и если это вредно России, то для отдельных лиц, как я, может быть гибельно. Между прочим, он спрашивал Сыромятникова, делаю ли я что-нибудь для «России»? Боже мой, как не стыдно думать о таком вздоре, как чья-нибудь работа для абсолютно не читаемой официозной газеты! Досадно и грустно: так крупен и привлекателен по внешнему впечатлению, и так мало серьезных видов, планов и оценок.

16 января. Сегодня впервые вышел из дому, был в главном управлении. Бельгард только что возвратившийся с доклада от Столыпина, сообщил мне, что премьер недоволен моими статьями в «Колоколе» о «Третьей думе». Читал ли он их, или кто-то (не Сыромятников ли) наговорил, — но он выразился, что для чиновника очень не подобает ругать Думу за собственной подписью, и что он, Столыпин, со мною поговорит об этом.

Итак, первое исполнение розовых надежд состоит в выговоре! И какие ничтожные случаи обращают его внимание, не говоря уже о том, что его восхваления Думы до высокой степени непрактичны

(в его «России»), моя же критика — самая скромная и безусловно справедливая.

В всяком случае — для меня лично это в высшей степени скверно, и ясно, что со Столыпиным у меня ничего хорошего не предвидится. Хорошо еще, если он не будет нелепой причиной полной моей гибели, на позор и самому себе.

Последнее время ходили слухи о предстоящем падении Столыпина. Бельгард говорит, что он производит впечатление вполне у в е р е н н о г о в себе, и как бы даже не подозревает «интриг» против себя. Я спрашиваю: «Кто же ведет интригу?» Бельгард ответил, что Шванебах с Горемыкиным. Ну, это была бы еще не большая интрига! Однако, Бельгард л и ч н о имеет вид человека, не очень верящего в пригодность Столыпина.

На вид, говорит он, Столыпин очень бодр, после инфлуэнцы будто посвежел, «вероятно, говорит, несколько отдохнул за время болезни».

17 я н в а р я. Был у П. Н. Дурново (Моховая, 22). Он был вообще весьма любезен, или, по крайней мере, д о в о л ь н о любезен, и характеризовал положение России. Очень мрачно. Но у м н о, очень умно. Он с каждой встречей в ы р а с т а е т. Жаль только, что ни к чему все это.

18 я н в а р я. В меня закрадывается сомнение, что Столыпин сознательно обманул меня, и уже не прав ли был Б., уверявший, что он имеет целью только обессилить меня. Конечно, это так глупо, что стыдно даже подумать так о человеке, но невольно приходит в голову...

Во всяком случае — мерзость, мрак и уныние окружают меня. Держа меня в таком состоянии Столыпин, сам того не зная, не только обессиливает меня, но прямо медленно убивает, и, м. б., даже не особенно медленно. Суди его господь за такое легкомысленное или бессовестное отношение к людям.

21 я н в а р я. Ничего особенного за день не было. Виделся с Бельгардом. Он на вид очень любезен. Столыпинское положение не только прочно, но стало еще как бы сильнее, «хотя интрига очень сильна»... Какая «интрига»? Чепуха все это. Я думаю, что никакой интриги нет.

Преосвященный Серафим и отчасти преосв. Гермоген просили меня написать «обращение к народу», как м а т е р и а л, т. е. что я сказал бы народу, если бы был епископом. Сегодня я это написал и отдал кн. Ширинскому для передачи им. Но Ширинскому не понравилось: говорит, что народ ничего этого не понял бы. Не знаю: народ теперь стал так неоднороден, что трудно сказать нечто и «п о н я т н о е для всех», и «у д о в л е т в о р я ю щ е е в с е х»...

Россия медленно, но неуклонно выходит на банальный общегражданский конституционный путь. Ц а р с т в о р у с с к о е кончено при Николае II. А с концом ц а р с т в а р у с с к о г о кончается и союзно[1]) церковно-государственный строй. Все это, повидимому, уже н е п р е л о ж н о, бесповоротно. Воскресить русскую идею теперь еще мог бы, может быть, г е н и а л ь н ы й ц а р ь, а через десяток лет уже и никакой гений не воскресит.

Ну, а я зачем перенесен в столицу парламентарной России и ограниченной монархии? Уже понятно, что это ни для какой «миссии» не

[1]) Так в подлиннике.

нужно, ибо нет уже самой «миссии». Воля божия. Судьбы мира идут своим чередом и, кажется, уже к концу. По крайней мере, не видно, что мог бы еще сказать человеческий мир, если исчезнет Россия, последняя страна, от которой можно было бы ожидать нового слова. Теперь путь пойдет торный: социализация людей, потускнение личности, а там — и антихристу место готово...

Я не увижу этого, конечно, еще не так скоро развязка событий. Но, говоря откровенно, жизнь на таком повороте истории не представляет много интереса.

Только где же моя «Филадельфийская» эпоха? Вот хоть бы ее зарю увидеть! Но не видно этой зари.

22 января. Однообразно и бессодержательно тянется время. В работе, в сущности, провожу все дни, с утра до ночи, и лучшего времени уже, конечно, не будет...

На днях убиты португальский и наследник, и король. Ну, конечно, у нас это отразится еще большим смирением и покорностью «освободительному движению»!

Сегодня Пуришкевич в Думе назвал Милюкова «мерзавцем и подлецом» за его заграничные похождения. Пророк «освобождения», говорят, только побледнел и съел оскорбление без отпора. Но Пуришкевича исключили на 15 заседаний из Думы.

Можно было бы поступить умнее и без скандала сделать, например, запрос министерству о том, какие меры оно думает принять для предания Милюкова суду. К сожалению, Пуришкевич не способен на сложные комбинации. Его единственное оружие — личный протест, личный скандал. Впрочем, поступок честный.

23 января. Сегодня Бельгард в главном управлении сам завел со мной речь о том, что он очень думает, как бы упрочить мое положение. Ну, я, конечно, ответил ему, до какой степени эта мысль жжет меня. Он много распространился о трудностях, шуме, интригах, но все же обещал похлопотать о проведении меня в члены совета. Эта должность 4 класса, это, конечно, усугубляет трудности. Впрочем, были прецеденты (именно Майков), что назначали и не имевших чинов.

29 января. Только что вернулся из главного управления (7 часов вечера). Крайне скверные новости. Сегодня Бельгард был с докладом у Столыпина. От Алексея Алексеевича я знаю, что он должен был говорить обо мне (назначение членом совета). Ну, мне Бельгард этого не сообщил, а зато распространился, что никак не может разыскать какого-то сенатского разъяснения, что в члены совета можно назначить не имеющих чина. И что это очень трудно назначать без чина, и т. д.

Ну, другими словами, Столыпин сподличал и ищет способов не исполнить обещания. Очень это печально. И меня убивает, да и себя в моих глазах показывает в самом некрасивом виде. Когда меня нужно было устранить из Москвы, и он обещал, тогда никаких сенатских разъяснений не требовалось. Но теперь — Грингмут умер, газета отдана в «надежные» руки, и, значит, со мной нечего больше, канителиться.

Видно с Петра Аркадьевича умные люди могут получать только наличными, а кредиту ему нельзя давать!

Кто его знает, что за человек Петр Аркадьевич? Одно только верно: что все гипотезы, которыми можно объяснить его совсем «некоррект-

ное» отношение ко мне, все рисуют его так или иначе, но нехорошо. А в то же время, что мне делать? Мне некуда податься, я безусловно в его руках, может быть, в этом его цели. За 4 и 6 тысяч рублей он вполне обеспечен от чего-либо вроде «Недостатков конституции»...

Кстати, протоиерей Восторгов отправляется в шестимесячную командировку в Сибирь. Все одно к одному,—некому «мутить», кроме таких безвредных делателей шума, как Пуришкевич.

Но если у Столыпина действительно это — система, то до какой же степени артистично он врал мне! Обидно. Думал, что явился, наконец, порядочный и умный человек, и прямо не знаешь, что сказать... Нет, видно порядочному человеку не взобраться до премьерства.

1 февраля. Ну, моя судьба решена. Сегодня Садовский передал мне свой окончательный разговор с Бельгардом, который ему объяснил полную невозможность (по всяким законам) провести меня в члены совета. Да и никуда нельзя, потому что нет чина, а чина не может дать и сам царь. Потому он даже и представления обо мне не делает, ибо оно не будет пропущено департаментом общих дел и Танеевым.

Он даже измышляет мне «компенсацию» в виде редакторства официозной «России»!

Это я для того-то отказался от «Московских ведомостей»!

Одним словом, я погиб. Попал в руки человека «необычайно благородной наружности»...

Я телефонировал Кноллю, прося аудиенции у министра. Это в сущности ни к чему: у него, очевидно, совести не существует. Кнолль обещал сказать Столыпину в понедельник на докладе.

Нужно сказать, что буквально по закону, понятно, нельзя меня назначить. Я это знал, как знал и Столыпин. Само собой разумелось, что он проведет посредством высочайшего повеления. Это и теперь столь же легко (по крайней мере, для него), как и в сентябре. Он не сомневался в возможности, а говорил только, что не хочет делать шума. Но теперь вдруг подняли речь о законном (по уставу) порядке. Мошенники и негодяи! Почему же в сентябре он хотел действовать через высочайшее повеление, а теперь не хочет?

Тогда нужно было отвлечь меня от «Моск. вед.». Будь Грингмут жив, и будь «Моск. вед.» не у Будиловича, и вообще будь у меня какая-нибудь возможность плюнуть им в глаза и уйти — и теперь не стали бы толковать об обычном порядке, что равносильно невозможности.

3 февраля. Получил сегодня письмо от этого чудака Бурцева из Парижа. Ну, конечно, просит, заклинает, требует, чтобы я писал воспоминания. Счастливый человек.

6 февраля. Сейчас (час дня) Бельгард звонился по телефону, спрашивал, не вызывал ли меня министр. Сообщил, что мое дело решено, не в принципе, а окончательно. Столыпин хочет сам мне об этом сообщить, так что сообщение Бельгарда конфиденциально.

Однако, я вызова доселе не имею.

Неловко было по телефону спрашивать подробности решения.

А подробности могут быть весьма различного достоинства.

Ну, посмотрим, на что господь надоумил министра. Я думаю только, что всякое решение лучше неопределенности.

7 февраля. Сегодня получил извещение, что министр меня примет в воскресенье (10 февр.) Не знаю, однако, как он поставит

разговор. Дело в том, что неделю назад я сам просил его о свидании, так что в сущности он не вызывает меня, а лишь принимает.

О плане его я знаю несколько. Он будет представлять государю о моем назначении в члены совета главн. упр. по делам печати, понятно, вне общего порядка. Но будет ли вопрос о чине, не будет ли поставлено дело так, чтобы назначить «исправляющим должность», — этого не знаю. Не знаю и того, когда он рассчитывает представлять, ну, понятно, не знаю даже, скажет ли он обо всем этом, или ограничится темой «зачем вы желали меня видеть?»

Итак, содержание и последствия свидания для меня неопределенны и загадочны. Я думал, что он вызывает для того, чтобы сообщить. Но оказывается, по разъяснению Алекс. Вал., что нет. Он только предполагает, что, вероятно, сообщит.

В довершение покрыто, конечно, мраком неизвестности, согласится ли государь на представление.

Вообще все это выматывает душу, и тем более, что все эти ожидания и колебания тянутся уже очень долго. Мне часто приходит в голову, что я разыграл очень глупую авантюру, согласившись на это приглашение. И очень вероятно, что во всяком случае — даже если он сдержит слово — я проиграл, а не выиграл. Ну, конечно, все это размышления пустопорожние, и ни на какие серьезные оценки этого приключения нет данных, может быть, даже и никогда не будет.

Ну, конечно, увидим. Без сомнения, и 10-е число хоть что-нибудь да разъяснит.

8 февраля. Сегодня говорил с Бельгардом, и вижу, что канитель с моим назначением должна еще тянуться долго. Столыпин полагает делать доклад о моем назначении членом совета, но при этом у них с Бельгардом не было даже и речи о производстве. Ну, а без производства в какой-либо чин — я и членом совета стоял бы все-таки на песке. Однако, даже и об этом Столыпин должен еще сначала переговорить с Танеевым. Бельгард же только во вторник предполагает сделать обо мне доклад.

Одним словом, улита едет, и когда будет, — неизвестно.

Конечно, быть в безусловной зависимости от жизни, власти и милости одного человека — Столыпина, т. е. — это страшно рискованно. Но я сам по себе нашел бы философию. Мне мутит душу мысль: ну, а если Столыпин умрет, падет или разозлится (ведь сплетни и интриги действуют)? Я провалюсь, и тогда, что будет с этим и без того унылым и безнадежным моим народом?

Прочность Столыпина впрочем пока, кажется, достаточна.

Очень трогательное излияние чувств человека, которого Бельгард (а стало быть, и Столыпин) считает главой интриги против премьера и который публично и печатно порицал нашу конституцию. Чтобы публично приносить такие заверения верности премьеру и конституции, нужно, конечно, было напороться на какой-то чувствительный рожон.

Правда, впрочем, что он к личным качествам Столыпина питает уважение. Это он сам мне говорил.

9 февраля. Был в управлении, все хлопочу о материалах. Они тем более нужны, что мне необходимо заняться предметным указателем, запущенным за это время.

Но все это ничтожно в сравнении с вопросом о моем назначении, который завтра должен значительно выясниться.

Решение его едва ли будет завтра. Да, пожалуй, и выяснение-то будет не очень ясное. Столыпин, повидимому, не человек быстрых и коренных решений.

10 февраля. Был у Столыпина. Продержал целый час. Сначала довольно по-начальнически упомянул о статьях о «Третьей думе» и сказал: «В мои виды не входит, чтобы распространилось мнение, будто бы я отрицаю Думу и готовлюсь к каким-то переворотам». Я ответил, что, во-первых, мое «чиновничье» положение столь воздушно и мифично, что я даже не нахожу, почему оно может меня стеснять (тут он прервал: «Кстати, об этом я еще поговорю»); во-вторых, я находил и нахожу, что нет никаких оснований приписывать ему, министру, мысли, которые выражает Тихомиров (он опять прервал: «Да, но если такое мнение существует, то с ним приходится считаться»). Я говорю: но это мнение вредное, неудобное для министра и для меня. В-третьих, читал ли он сам статьи. Оказалось, что не читал. Я объяснил, что в этих статьях нет никакого отрицания Думы, а только отмечаются ее ошибки, и я считаю, что для Думы полезно знать их. Если я говорю о недостатках, присущих природе собраний, то и это не есть отрицание собраний; когда я говорю о недостатках единоличной власти, это не есть отрицание единоличной власти. В обоих случаях следует одно нравоучение, что каждое учреждение должно знать недостатки, присущие его природе, для того, чтобы с ними бороться и по возможности исправлять.

В этаком роде был разговор. Затем он упомянул о своем намерении назначить меня членом совета главн. упр. по делам печати. Я спросил, должно ли быть при этом производство. Он сказал, что не знает. Я объяснил, что для меня это важно для возможности перехода в другое ведомство при случае, при надобности. Этот вопрос остался невыясненным, но я подробно объяснил ему все нелепое положение мое.

Прощаясь, он сказал: «Ну, так позвольте дать вам векселек на две недели». Забыл сказать, что я прямо спросил, сколько же времени мне ждать назначения. Он ответил, через 2 недели все будет окончено. Так вот по этому поводу он, прощаясь, сказал свою фразу о «векселечке на две недели» и прибавил: «Я буду, по крайней мере, спокоен, что не испортил вашей жизни».

12 февраля. Сегодня Бельгард сообщил по телефону, что только что вернулся с доклада министра, где возбудил, наконец, представление обо мне, как о моем назначении на штатную должность (члена совета), так и о моем производстве, но умолчал, в какой чин. При этом просил меня сообщить мнение о том, чем бы можно было все это необычайное дело мотивировать. Я ему немедленно послал письмо, в котором изложил, что считаю за собой 20 лет службы государству, государю и отечеству — безупречной и с отличиями, которые признаны самим носителем верховной государственной власти (по возбуждению церковной реформы и по исследованию монархической государственности).

Вчера я послал Столыпину (через Кнолля) инкриминированные мне статьи из «Колокола». Об этом предмете министр Бельгарду ничего не говорил. Не получил еще, или не читал, или просто не счел нужным ничего говорить, — господь его ведает.

13 февраля. Сейчас Бельгард прочитал мне по телефону (какая, однако, неосторожность!) свое представление о моем назначении в члены совета с производством в статские советники. О, это было бы ве-

хом успеха! Я поблагодарил. «Подождите благодарить: еще нужно, чтобы дело вышло». Я ответил: «Доброе желание остается и при неудаче дела».

14 февраля. Сегодня Садовский сказал, что доклад обо мне двинут вчера в деп. общ. дел. Столыпин, по его словам, прислал Бельгарду записку с намеками на то, что об этом уже был разговор с государем.

17 февраля. У меня кишки опять спазмодичны. Горе с ними. «Многие раны грешнику», как говаривал покойный Конст. Ник. Леонтьев. Кстати, эпизод из его цензорской деятельности в Москве. Рассказывал Садовский. Ему послали на цензуру народные книжки. Он долго не возвращал, и из цензурного комитета послали кого-то поторопить его. Последний (чуть ли не сам Садовский) удивился, что он долго не просматривает.

«Ах, да разве я стану их читать... Иван», крикнул он своего слугу.

Иван прибежал.

«Что, ты еще не прочитал книжек, которые я дал?»

Иван ответил, что некоторые прочитал, а других еще не успел. Он, конечно, читал медленно.

«Ну, а те, которые прочел, хороши или нет?»

«Так точно. Хорошие книжки, занятные...»

«А там нет ничего против бога?»

«Как можно-с. Ничего нет...»

«А против царя?»

«Никак нет-с... Ничего нет...»

«Ну, отбери их и принеси сюда. А остальные читай поскорее».

Иван принес прочитанные книжки, Леонтьев написал на них разрешение, подписался и вручил посланному. Видя изумление его при этой сцене, Леонтьев пояснил:

«Иван лучше меня может судить народные книжки. Если там нет ничего против бога и против царя, и книжки кажутся ему занятными, то, значит, их нужно разрешить».

Оригинально и вполне по-леонтьевски.

20 февраля. Садовский сообщил, что мое назначение прошло еще одну ступень. По поручению Столыпина, Бельгард был лично у Танеева (собственная его величества канцелярия, инспекторский отдел гражд. ведомства), чтобы переговорить о моем представлении. Танеев согласился даже чин (статского советника). Значит, я теперь нахожусь уже у подножья престола... Что-то даст господь дальше?

Надо сказать, что Столыпин действует так благородно, как без сомнения, никто другой. Ведь он уже даже не считает меня нужным для себя. Человек прямо какого-то рыцарского характера. Но все же, при всей своей энергии, он в две недели не «оправдает» своего «векселька». Ведь сроку осталось всего 4 дня... Положим — потерпим со взысканием!

22 февраля. Садовский мне показал письмо, в котором его извещают, что дня через два я получу уведомление о моем назначении.

Столыпинскому «векселькy» — срок как раз через 2 дня. Но такое буквальное исполнение слова было бы курьезной случайностью, тем более, что идет три дня неприсутственных (масляная).

Сегодня Бельгард по телефону сообщил почти те же сведения, т. е., что Танеев согласился на представление, хотя и торговался за чин: предлагал хоть коллежского. Однако, согласился и на статско-

г о. Бельгард сказал, что уступчивость Танеева зависит от настояний Столыпина, который, прибавил он, докладывал уже о деле и «где следует». Под этим, очевидно, должно разуметь Царское Село.

«Так что, — спросил я, — теперь можно ждать скорого окончания дела?»

— Да, уж теперь скоро...

Это, конечно, разжиженные и запоздалые сведения, которые я более концентрированно получил раньше от Садовского.

24 ф е в р а л я. Ну, вот прошел срок, а моего назначения нет. Сегодня вечером заходил к Ширинскому. Он знает откуда-то о моем деле, и слыхал даже, что оно ведется очень быстро. Да что проку, п о к а н е к о н ч е н о?

Ширинский говорит, что около двух недель назад Столыпин н а в е р н о е подавал в отставку, что это ф а к т. Отставка не принята. Дело возникло из-за тульской депутации. Она, по принятой форме, была у Столыпина, а Арсеньев прочитал ему адрес, имеющий быть представленным государю. Столыпин заметил, что это есть в ы р а ж е н и е н е д о в е р и я правительству (т. е. ему). Арсеньев ответил, что это правда. «В таком случае я считаю обязанностью испросить вам аудиенцию», сказал Столыпин, и сделал это. Государь принял адрес б л а г о с к л о н н о. То же самое повторилось и с приездом Дубровина. И вот Столыпин (что и понятно) подал в отставку.

Господи, хоть бы он уж меня-то сначала устроил, чтобы мне было помянуть его благодарностью!

Ширинский говорит, что государь очень не любит таких протестов министров, так что, хотя и не принял отставки, однако, без сомнения, вынес неприятное чувство, которое когда-нибудь отзовется. . Ну, уж, конечно, думает он, не скоро это может выразиться в отставке.

25 ф е в р а л я. О моем назначении ни слуху, ни духу. Оно стоит по всем сведениям, только на той точке, что Столыпин должен его подписать. И вот этого-то пустяка он и не делает. Небрежность ли, раздумье ли взяло его?

Время ругаться с разными «союзниками» он находит. Сегодня встретил в главн. управлении графа Коновницына, одесского. Рассказывает, что Столыпин принимал его в субботу (т. е. 23 февраля), был ужасно сердит и упрекал его, что дескать деньги у него берут, а ему же делают неприятности.

Но зато государь принимал графа Коновницына очень милостиво, говорил с ним целый час, интересовался всеми делами. Спросил «много ли у вас долгов», и сказал, что половину берет на себя.

Немудрено, что все это беспокоит и раздражает Столыпина и, пожалуй, не предсказывает прочности его положения.

Садовский говорит, что в преемники ему прочат Штюрмера. Вот уж это большая новость.

Ах, уж этот Столыпин, хоть бы он меня поскорее утверждал! И неужто он в последний момент стал раздумывать и колебаться? Он окружен интриганами и клеветниками. Всего можно ожидать, и, кажется, он очень доступен наговорам.

Ну, уж такой мерзости интриганства на частной службе гораздо меньше. Тут же просто ходишь как в разбойничьем вертепе, не зная, кто и откуда пырнет тебя ножом.

Сегодня заходил также Шечков. Он светел и жизнерадостен, очень доволен своей Думой и увлечен работой. Впрочем говорит, что, кажется,

я прав, и что представительство и законодательство должны составлять отдельные функции двух различных учреждений.

Еще бы. Может быть, парламентарная практика приведет многих честных людей Думы к моим взглядам.

Но все это — ничто в сравнении с вопросом моего «быть или не быть» — назначением.

Прокляну Столыпина, если он изменит в последнюю решительную минуту...

26 февраля. Сейчас, уже к ночи, министр официально известил меня о высочайшем соизволении по назначению меня членом совета главного управления по делам печати сверх штата, и «во внимание двадцатилетней полезной литературной деятельности» — производство меня в статские советники.

Да пошлет бог всякое благо Петру Аркадьевичу. Благороднейшая натура! Редко встретишь такую!

Высочайшее соизволение последовало 22 февраля (пятница масленицы).

2 марта. Письмо Нейдгардта выражает такую мысль, которая мне не приходила в голову. Я представлял себе, что аудиенция моя, если она состоялась бы, может иметь лишь самый банальный, официальный характер. И вдруг у Нейдгардта такое предположение, что государь может пожелать заговорить о «Недостатках конституции»! Неужели это возможно? Что же я бы ответил? Я даже и не думал об этом никогда.

Что станет в этом случае делать Столыпин, которого так близко касается всякий разговор, намек на разговор об этой конституции?

Положим, мой долг — говорить царю откровенно свою мысль. Но ведь это легко сказать, а я-то отродясь не говорил с царями, не умею говорить, не сумею выразиться в таком деликатном вопросе... Да еще вопрос, в чем самая правда критики? Наделана чепуха ужасная, но наделана уже, и уже дала свои плоды. Большая разница сказать в 1905 г. «Не делайте, государь» или в 1908 — «Переделайте»... Ведь при переделках можно создать множество ошибок, которые способны иметь очень опасные последствия.

Мудреное дело!

7 марта. Ну, вот и 7 марта, а указа нет. У меня готов мундир, вицмундир. Бельгард прислал мне на прокат шляпу и шпагу; переплетены книги на случай поднесения их государю. Одним словом, все готово, и нет только главного — указа.

Надевать всех этих одеяний я не могу, ибо я еще ничто, не член совета, не статский советник. Однако Бельгард давал мне работу, подлежащую членам совета: заключение о повести Юшкевича «Евреи», которую петербургский комитет разрешил, а варшавский — считает преступною.

Я ее тоже подвел еще строже варшавского — под 129 ст. Угол. улож. и 251 Улож. о наказ. Интересно, что скажет Бельгард, вообще крайне осторожный в определении состава преступления?

10 марта. Бедный мой мундир! Меня уже даже сомнение разбирает. Вдруг я сделаюсь причиной скандала, если сенат не захочет признать высочайшей воли? Что государь ему сделает? А в сущности, в области подзаконного управления таких правил, чтобы производить неслужащих, — нет. Это было бы возможно в области верховного управления, но в законах 1906 г. нет истинно верховного управления. Сенат мог бы вполне ответить, что публиковать не-

законных указов не имеет права. Ужас до чего запутала все эта конституция!

Столыпин смотрит и говорит в том смысле, что государю принадлежит истинно верховная власть, но ведь в законе это стерто и выброшено...

Я все время читаю законы. До чего мерзко Таганцевское Уголовное уложение! Старое Уложение о наказаниях имело строго выдержанную идею. В Уголовном уложении единственная идея, кажется, — это возможно более подорвать идею верховной власти царя и неприкосновенность церкви. Да, плохо смотрели наши государи за своей либеральной буржуазией. Прямо грустно видеть, как при безусловной, безграничной власти царя все подорвано, даже до времен бомб и баррикад, так что для 17 октября заранее расчищено было готовое место.

И вот, что теперь делать? Где богатырь, который бы мог воссоздать «разрушенную храмину»? Да и в России — многие ли теперь захотят этого после такого страшного саморазрушения? У многих ли вера в принцип устояла перед фактом?

А Столыпин, повидимому, крепок, и Дума крепка, несмотря на то, что, очевидно, не даст денег на броненосцы. Тут есть что-то закулисное. Или Столыпин хочет создать прецедент непатриотичности Думы, или же, наоборот, он не прочь, посредством Думы, вынудить к чистке морское ведомство. Во всяком случае Дума не производит впечатления большой мудрости. Хороших людей много, а насчет ума скудновато.

Нет, не Третья дума спасет нас!

13 марта. Садовский сообщил по телефону, что в главное управление пришел из инспекторского отдела приказ о моем назначении членом совета и производстве в статские советники.

Итак, благодарение господу, дело кончено.

Я уже получил пакет с наименованием «его превосходительству» и предложение начальника принять на себя контроль за киевским и казанским комитетами и харьковским и одесским инспекторами.

14 марта. Ночь. Одиннадцатый час, а приглашения к министру нет. Кнолль сам спросил по телефону, — имею ли, и сказал, что пришлет. Но вот нет. Что-то странно.

Ну, вот, не успел дописать, как пришло и приглашение на завтра от 2 до 4 часов.

15 марта. Был на приеме. Ужасное множество людей, золота, лент, орденов. Однако, я был «золотее» многих. Ожидал приема три с половиной часа, весь изнемог. Говорил минут пять. Столыпин был весел, любезен донельзя, радовался, что устроил меня. Ну, просто совестно! Самое главное из разговора то, что дополнительное жалованье остается при мне. Буду кое-что и работать при министре. Именно по рабочему вопросу.

Одобрил представление государю и поднесение ему моих книг.

Ну, слава богу. Разумеется, я его благодарил от чистого сердца.

20 марта. Уже хоть бы кончилась эта суета! А между тем не предвидится. Вот она — «служба» с галунами!

А какой я «работник»? Хилый, расслабленный не только телом, но и душой. Мне бы только на покой в пору. Но теперь никто никого не пускает на покой. И как быть, если люди правы? Ведь действительно положение ужасное, нелепое, страшное. Все рассыпается: государство,

церковь, вера, нравы, семья, все, все... И вот не дает господь человека, вожака, пророка повелителя. Мечутся люди, никто ничего не понимает, все заставляют друг друга делать, работать, спасать. А что делать, — неизвестно, как спасать, — неведомо.

24 марта. В 5 часов был у гр. С. Д. Шереметева.

Между прочим, Шереметев сказал мне, что Бельгард был очень недоволен тем, что я к нему назначен. А ведь как был любезен и на вид сердечен! Тонкие люди! И для чего все это вранье? И я помру, и он помрет, и останется от нас только куча чернозема. Стоит ли интриганствовать и врать из-за нескольких дней или нескольких лет той или иной жизни?

25 марта. Получил от церемониальной части извещение, что государю благоугодно разрешить мне представиться завтра (среда, 26 марта), 12 ч. дня.

О разрешении на поднесение книг — ни слова...

26 марта. Сегодня представлялся государю императору в Большом дворце (Царское Село).

На поднесение книг я так и не получил никакого ответа от мин. двора и отправился, захватив книги, на авось. Там во дворце дежурные сначала очень затруднились в вопросе о книгах, и уж сам не знаю, кто мне помог. Кажется, Джунковский (моск. губернатор), когда случайно был дежурным флигель-адъютантом. Он здесь по случаю съезда земцев, а во дворце иногда дежурит по званию флигель-адъютанта.

Как бы то ни было, вышел какой-то плотный офицер и сказал: «берите книги, государь их примет», и меня тотчас же позвали.

Нас было немного, все военные, кроме меня. Вводили в кабинет государя. Меня ввели вторым. Пробыл я около 10—15 минут, вряд ли больше. Государь встретил очень ласково и протянул руку. Я поблагодарил за высочайшие милости и попросил разрешения поднести мои сочинения. Он их стал рассматривать, разговаривая по поводу некоторых статей. Таким образом коснулись нескольких тем. Я, однако, имел в виду самую главную свою потребность и начал разговор на продолжение моей литературной деятельности. Государь выразил желание, чтобы она продолжалась. Тогда я довольно подробно развил мысль, что работать мыслью и пером можно только свободно, иначе пропадет и талант и качество мысли. Государь очень подтвердил это, сказав, что это непременное условие. Я сказал, что, однако, для меня требуется теперь дозволение начальства, а это дозволение полагает на начальство ответственность за написанное мною, а потому это стесняет мою свободу. «Я постараюсь вам в этом помочь», — сказал государь. Когда я уже откланивался, государь снова повторил: «Я постараюсь вам помочь», и прибавил, протягивая снова руку: «Надеюсь, что видимся не последний раз».

Кроме этой главной темы, разговор касался церкви, Госуд. думы, нашей конституции и т. д.

29 марта. Ночь. Вожусь над запиской о профессиональном движении Блажчука (чиновн. особ. пор.), которую прислал министр для просмотра.

Блажчук предлагает проект нового закона, где все подтягивает. Выходит глупо, да и бесплодно, потому что Дума не может пропустить такого закона.

1 апреля. Пренеприятное письмо от неугомонного Бурцева! Несмотря на мое упорное молчание, пишет из-за границы, даже не зная,

где я, и продолжая адресовать в Москву. Оказывается, связался с Зубатовым, который ему шпионски врет обо мне. Совершенно особая порода — эти шпионы! Бурцев присылает мне его письмо, воображая, что я стану объясняться!

А должно быть, знакомство с Бурцевым весьма небесполезно для Зубатова: около Бурцева он может многое узнать. Ну, сам будет виноват. Я же вообще и с самим Бурцевым более чем когда-либо не хочу иметь дела. Он уверяет, что не занимается революцией, а его ближайшие товарищи по покойному «Былому», как мне сообщил Бельгард, по уши связаны с революционерами. Из-за этого и было закрыто «Былое» и выслан редактор.

Губят Россию эти господа! Мне о них и думать тошно, не то что переписываться.

Я эти дни составляю доклад министру по «записке о профессиональном движении», которая в сущности есть записка о революционном движении. Цифры и факты поразительные. Посредством именуемых «профессиональных» обществ революционеры охватили теперь своим влиянием 200—300 тысяч рабочих. Ведь, пожалуй, могут «тряхнуть» много сильнее, чем в 1905—6 годах.

6 апреля. Возился с докладом Столыпину по рабочему вопросу. Меня несколько волнует этот доклад. Дело важное. Хотелось бы провести свой взгляд, и не надеюсь...

У меня на руках два документа: «записка» Блажчука, который относится к рабочему делу чисто по-полицейски, и проект «запроса» думской группы министерству — с тенденциями социально-революционными.

Я хочу поставить дело на государственную почву: мой лозунг: «Все делать в интересах народа, рабочих и крестьян, а революцию и социалистов — усмирять. В целях защиты от революции — народных прав не умалять». Очень боюсь, что министр не усвоит этой точки зрения, а по примеру «серьезной» интеллигенции предпочтет смесь мер полицейски-ограничительных с поблажками социалистам. Интересы народа сами по себе в СПБ не признаются, и если для народа что-либо делается, то либо для повышения доходов казны, либо для того, чтобы народ не бунтовал. Все остальное для них выходит из области «практичного», «реального».

Нет, загубят они Россию, не сдобровать. А может быть, загубят и себя. Этого бы они, пожалуй, и стоили, но ловкачи, наверное, вывернутся лично. Я говорю, конечно, не о Столыпине, (он — честный человек), а о всем слое, к которому он принадлежит.

8 апреля. Сегодня имел доклад у Столыпина о рабочем вопросе. Не знаю, что сказать. Кое-что из моих соображений ему понравилось. Кое-что идет вразрез. Но вообще, должно быть с ним можно поладить. Хочет провести меня в комиссию о профессиональных обществах. Я бы был очень рад. Дело живое, одно из главнейших. Вопрос только, насколько я ему пришелся по мысли. Вне доклада сообщил мне важный факт: государь говорил ему о желательности моей литературной деятельности. Столыпин передал мне «на память» документ — кусочек бумаги из записной книжки государя, на котором собственной государя рукой написано: «О необходимости Тихомирову продолжать свою литературную деятельность».

Моя фамилия написана с ошибкою (i десятиричное).

Однако, Столыпин хотя и сказал: «Теперь вы имеете высочайшее повеление продолжать писать», однако, все-таки добавил, что в экстренных случаях лучше спросить, не помешает ли это ему (правительству).

Это, конечно, вполне резон. Но, имея «высочайшее повеление», я все-таки теперь могу соображаться с правительством только по собственному убеждению в необходимости этого.

Расстались мы с министром «кордиально», и он даже сказал «благодарю вас». Ну, увидим, насколько тесно мы сойдемся по рабочему делу.

14 апреля. Мне скучно! Т. е. как-то тягостно на душе. В сущности, все мои «успехи», мне кажется, последние... «На мой закат печальный блеснула фортуна улыбкою прощальной». Дело в том, что сам по себе я не умею пользоваться успехами. А помогать мне некому. Притом же я ведь иду «против течения», я умею хотеть только того, что теперь сокрушено и само не смеет жить. Чтобы переломать течение, — это обо мне смешно и думать. Силенка самая ничтожная. Даже и ум — не бог весть какой; это я очень хорошо сознаю. Ну, а все прочие качества совсем никуда не годятся. Значит,— все эти «успехи» ни к чему. Притом они очень слабы в главном для меня: в материальном отношении я не обеспечен настолько, насколько мне требуется.

16 апреля. Сегодня в первый раз был у Евгения Васильевича Богдановича (с Никольским). Впервые познакомился. Старик весьма симпатичен, а жена его (кажется, Александра Викторовна) — это просто одна прелесть.

Народ у него «отборный». Между прочим познакомился с Дедюлиным (Владим. Александр.). Это очень приятно. Еще познакомился с адмир. Скрыдловым... Ну, это — наоборот, должно быть, скотинища порядочная.

17 апреля. В первый раз вышел по службе. Был в управлении, потом занес на Морскую письмо Столыпину с крохотным законопроектом. Кнолля не застал. Дома читаю документы о пересмотре закона об обществах. Скучно до тоски...

Все ничтожно — люди, интересы, идеи. Безвыходно ничтожно.

А сам? Я, может быть, ничтожнее всех. Духа нет, самоотвержения нет, веры нет, и, наконец, какая-то гнуснейшая трусость.

Этот милейший Алексей Александрович Нейдгардт пишет мне, чтобы я запасся, как мудрые девы евангелия, елеем для светильника, чтобы не погас этот светильник в какую-то важную минуту. Он ее все ждет... счастливый старик! И он упорно верит в мой светильник!

А у меня не только елея нет, но и светильника даже. Я бы сам хотел, чтобы меня кто-нибудь спас, воскресил, оживил. Я сначала держался, возгорался, негодовал, ожидал кого-то или чего-то. Но идет год за годом, и в этой мерзкой слякоти все погасает. Не знаю, каким нужно быть резервуаром огня, чтобы не погаснуть. В болото современной России можно бросить Везувий, и он — пошипит, пошипит, да и загаснет.

А ведь я — не Везувий, а самый маленький, дрянной уголек, выпавший из распаявшегося самовара прежней России.

Мерзейшее состояние! До чего же гибнет эта несчастная гнилушка, эта бедная, пропащая блудница, Россия, если есть люди, готовые ко мне обращаться за спасением.

Господи, где искать спасения?

18 апреля. Заклеил письмо Нейдгардта. Передумал много. Ничего я сам по себе не в состоянии предпринять. Тут нужно было бы опять какое-нибудь особое «счастье». Неужели мне самому просить аудиенции? Не выйдет это дело. Поговорил бы со Столыпиным, но у него так мало времени для меня. Боюсь окончательно подорвать всякое желание его пускать меня к себе.

Вообще, своего соображения у меня нехватает. Спросить некого. Ширинский по душе — свой человек, но он уже начинает быть мной недоволен. Не по его мысли поступаю. А как поступать по его мысли, когда в сущности у него и нет мысли, а только одно ворчанье, да кабинетная «оппозиция»?

Сам говорит, что государь к нему не благоволит. Ну, а что же возможно сделать без государя, и помимо его воли? Одна пустая воркотня.

Столыпин, наоборот, живой человек. С ним бы можно было многое сделать, если бы он хотел. Но как же заставить его иметь иные мнения, чем те, которые ему кажутся верными?

Да притом еще огромнейший вопрос: что нужно делать? Сложность неимоверная. Недостаточно иметь бумажную теорию, а нужно еще чтобы были люди, ее осуществляющие. Значит, она должна быть скроена по людям. Вот и совмести теорию с практикой!

У меня прямо ум за разум заходит.

Государь мелькнул передо мной, как мимолетное видение. Что он такое в точности? Каковы его внутренние вдохновения? Каковы, по крайней мере, его впечатления из свидания?

А без государя ничего не сделаешь. Есть еще, конечно, народ. Но от народа я уже отрезан службой, да притом народ то же самое ничего без государя не сделает.

Теперь у них, в Царском, все поглощено свадьбой в. к. Марии Павловны. Еще меньше времени думать о делах.

22 апреля. Из Москвы атакуют просьбами поддержать разных пострадавших. Матросов просит походатайствовать за высланного рабочего «графика» Перевозникова. Приехал в понедельник некий Кузнецов (приказчик, артельщик) хлопотать за рабочего Дмитриева, которого вкатили на 10 лет каторги за вооруженное восстание (на Пресне). Он приехал собственно к Гучкову, как московскому депутату, чтобы поддержал прошение о помиловании. Но Л. Н. Воронов и Н. Т. Красовский снабдил его также письмами ко мне. Ну, что я буду делать?

Сегодня послал министру письмо с вопросом, угодно ли выслушать меня об этом деле? Ну, вероятно, ничего из этого не получится, кроме того, что Столыпин скажет себе: «надоедливый человек Тихомиров, а толку из него ни на грош...»

Что касается Перевозникова, то о нем Бельгард обещал поговорить с Макаровым: это, вероятно, легко устроится. Скучно все это.

23 апреля. Царский день, именины государыни. Петербург последние дни не выходит из флагов и иллюминаций, но, сказать правду, все это лишено духа, форма какая-то.

25 апреля. Вчера я послал Кноллю для передачи Столыпину мою записку о рабочем Сергее Дмитриеве, осужденном за Пресненское восстание на 10 лет каторги. Доказываю, что нужно поддержать поданное им прошение о помиловании.

Кнолль должен был доложить министру в 1 час дня сегодня. Но, вот ночь, а не дает известия (по телефону).

29 апреля. Получил извещение на завтра о начале заседаний комиссии по выработке нового закона о профессиональных обществах. Значит, я причислен к комиссии. А я уже думал, что Столыпин раздумал. Ну, что же, дело интересное!

Правда, что работы прибавляется. Но зато узнаю целую область чиновничьего творчества Прибавлю ли сам что-нибудь? Это будет видно в свое время.

Я замечаю, что вообще мало способен прибавлять что-нибудь к их работам, потому что у меня всегда является мысль переделать по существу (как оно и нужно бы). У наших же деятелей все сводится к мелким поправкам и практическим приспособлениям идеи слабенькой или учреждения дрянненького. Так кончается мое наблюдение о законах, о печати. Тем же кончается мое, в сущности, уже вполне назревшее наблюдение по законам об обществах. Вряд ли эти заседания прибавят мне что-нибудь новое и неизвестное.

30 апреля. Было первое заседание комиссии по профессиональным обществам.

3 мая. Был, наконец, у больного епископа Никона Вологодского в Евгеньевской общине.

Он нашел, что я страшно поседел. Немудрено. Моя жизнь здесь очень тяжела и подавляет меня нравственно, гнетет. Она раздавливает меня своей бессмысленностью. Работать на правительство невозможно, потому что оно идет по пути ложному. Исправить его путь — нет силы. При действии публицистическом, как бы ни было оно безуспешно, есть надежда, что бросаешь все-таки семена, которые могут взойти когда-нибудь. В положении чиновника такой надежды нет: тут все, чего не ввел, погибает. А ввести у них ничего нельзя. Столыпин — это становится все яснее — не хочет меня даже слушать, а не хочет потому, что никаких глубоких реформ просто не представляет себе. Он воображает положение, нелепое в основаниях, исправить мелочной работой, частичными улучшениями. Но в такой работе я не могу быть полезным орудием, п. ч. вижу ее ничтожность и прямо вред.

А он, повидимому, не способен измениться. Да и как требовать? С утра до ночи в мелочной толчее нельзя думать. Он не может встряхнуться и захотеть обладеть работой, но следует за нею рабски, по течению ежедневной злобы дня.

Ну, конечно, есть еще государь. Но дойти как до него? Это обставлено такими сложностями, что голова идет кругом, когда начинаешь думать об испрошении аудиенции. А какой толк из одного свидания?

7 мая. Сегодня было заседание профессиональной комиссии. Мало толку. Мою устроительную идею отвергли. Банальщина — смесь европейского либерализма с нижегородской полицейской прижимкой. Это — среда, потерявшая дух истинной государственности, пропитанная ненавистной мне и губящей государство «общегражданской» идеей.

8 мая. Я буквально замучился над запиской государю. Много дней пишу, рву, снова пишу, и ничего не выходит, потому что я сам не могу решить, стремиться мне ее подать или нет. Соображения толпятся и сталкиваются в голове. Может быть, старой, идеальной России действительно конец, и тогда что же я буду тревожить государя? Если даже он виноват в этом конце, то все же вопрос ведь не в суждении

о нем, а в деле, в пользе. Если ничего нельзя сделать, то, кто бы ни был виноват или прав, а толковать не о чем. Что с воза упало, то пропало...

А если, наоборот, можно спасти святыню? Тогда, конечно, не жалеть ни себя, ни государя беспокоить. Гамлетовское положение!

Я продолжаю сохранять уверенность, что если бы был гениальный человек, то Россия бы воспрянула. Но его нет. И это отсутствие не доказывает ли, что России конец. Живое дело всегда находит своего Моисея.

Мучаюсь сомнениями, и, что скверно, все указания, которые я могу считать указанием божиим, систематически против моего вмешательства в политику. Это на меня ужасно действует, тем более, что я в конце концов не имею желания путаться в политику. Но тогда, зачем же я в СПБ?

9 мая. Невероятная тоска. Чем больше взвешиваешь обстоятельства, тем более убеждаешься, что русская Россия идет в трубу. О чем же хлопотать?

10 мая. Заходил к Сыромятникову, предлагал статью о рабочем вопросе (теоретическую). Он пошлет спросить министра. Вот будет штука, если запротестует. Я ведь больше из-за денег хлопочу. Необходимо усилить приход. Я трачу московские запасы, и конца не предвидится. Так грозит полное банкротство!

А в Думе все «инциденты», и все около Милюкова. Вчера его на квартире избили «литературные противники» из «Руси». Положим, не впервые у нас, но во всяком случае — мерзавцы.

И какие бы ни были они хулиганы, а все же Милюков меркнет, во славу октябризма и российского парламента. Прямо как будто сам сатана помогает насаждению парламентаризма. Конституционалисты-демократы весьма мешают этому процессу, и вот их вожди меркнут, убывают, скандалятся как «по щучью велению», без логической необходимости. А Гучков растет и зрест, и все ему идет на пользу. Столыпин играет у нас, хотя, нехотя, роль Тьера: как тот произвел «честный опыт республики», так он ведет «честный опыт конституции». Честный опыт Тьера в 30 лет вывел Францию из числа великих наций. Каковы же плоды даст честный опыт Петра Аркадьевича?

Но на кого лешего он меня перетащил? Кажется, мы с ним просто ошиблись друг в друге. Конечно, это и не важно, раз Россия все равно уж обречена на опошление и разложение. Не все ли равно, в таком случае, что делает великий Столыпин и маленький Тихомиров?

«Великим», «единственным великим человеком» наших дней назвал его граф Владимир Бобринский, жаждущий получить какую-нибудь хорошенькую подачку от «великого человека». Ну, что же? Пусть старается и получает. Россия все равно должна быть съедена, и почему же не получить своего куска графу Бобринскому?

14 мая. Получил от Крыжановского дополнительное жалованье — 500 рублей (за три месяца). Ну, и то слава богу. А то совсем одолело безденежье. Прислал несколько раньше срока, на целый месяц, работу...

18 мая. Ко мне заходил и просидел несколько часов Нейдгардт. Удивил и обрадовал. Не ожидал его увидеть. Он приехал специально убеждать здесь созвать церковный собор. Говорил об этом и со Столыпиным. Очень, очень убежденный и симпатичный старик.

Между прочим, Столыпин отзывался ему хорошо обо мне. Я уже боялся, что надоел ему своими вечными напоминаниями о необходи-

мости изменения конституции. А впрочем одно другому не мешает. И мнение может быть хорошее, и надоел.

23 мая.

Бессодержательное время
Уходит в вечность день за днем.
Не знаем мы, куда идем,
Но, плевел насаждая семя,
Чертополоха жатву жнем...
Что ж ждет нас и чего мы ждем?..

Сегодня ждали в Думе баталии по поводу броненосцев. Ждали, что будет говорить Столыпин.

Но я не мог пойти в Думу.

25 мая. Вчера по случаю заседания комиссии не мог быть в Думе. А между тем была речь Столыпина. Пишут, блестящая. Это не подлежит сомнению: оратор первоклассный. Но тем не менее странноватая речь.

Дума не дала денег на броненосцы. И в сущности Столыпин ровно ничего не сделал для того, чтобы она дала, хотя и требовал этого. Дурак Бострем (если это не преднамеренность) сделал все, чтобы раздражить негодование Думы. Морской министр сидел, как идол. Столыпин был красноречив, но ругал морское ведомство хуже всяких думцев.

В сущности он мог вынудить дать деньги малейшим намеком на свою отставку. Но он от этого остался на 1000 верст. Он сам выражал полное убеждение, что Дума денег не даст. Что за тайна?

Если бы они с Диковым сговорились создать повод для роспуска Думы, все было бы понятно. Но ничего подобного нет. Значит? Или полная чепуха, к которой Столыпин не способен, или одно из двух: 1) Столыпин хочет прогнать Дикова и К°, 2) или государь в действительности хочет, чтобы броненосцы не строить.

Наконец, можно себе представить, что государь ищет сам предлога раскассировать ведомство.

Хотя все это ужасно: сам заставляет Думу над собой командовать! Так ужасно, что и не верится в возможность. А между тем ведь еще ½ года назад мне именно это говорил граф.

Во всяком случае 24 мая был день крупнейшего шага к созданию парламента. Они, может быть, сами этого не понимают, но правые нанесли монархии удар, какого никогда еще не наносили «кадеты». Дело не в морском ведомстве, а в том, что смета на броненосцы вносилась, как-никак, от имени государя. «Правительство» тут ни при чем. В отношении обороны страны глава правительства не Столыпин, а царь. И вот Дума заявила, что распоряжения царя таковы, что ему денег давать нельзя.

Вот внутренний смысл «события». Довершит его государь, который, конечно, смолчит. А это будет означать, что он Думе подчиняется.

17 окт. 1905 г. завершено 24 мая 1908 г.

Теперь уже не встать монархии.

Единственно, что было бы «монархично» — дать деньги на броненосцы по высочайшему повелению, а Бострема с Диковым прогнать и назначить морским министром кого-нибудь из отличившихся: Рейценштейна, Эссена, ну — или уже не знаю кого.

Но только ничего этого не будет. Поедут встречать Эдуарда и больше ничего!

26 мая. Столыпин, Извольский, Фредерикс и... Диков (!) поехали по железной дороге в Ревель. Туда же пошли три царские яхты. Но сам государь, повидимому, отправился с министрами.

Сегодня ходили слухи о якобы намерении Столыпина подать в отставку (из-за думского решения о броненосцах). Но, кажется, это вздор. Для меня это был бы весьма большой удар. Впрочем, едва ли есть малейшая возможность считать слух верным.

Сегодня сказал Бельгарду, что хотел бы с 1 июля по 1 августа уехать в деревню. Он согласился. Сказал, что хочу писать о «свободе мысли, слова и печати». Он ответил, что ничего против не имеет.

28 мая. Эти дни занят «Положением о рабочих обществах и союзах» и объяснительной запиской к нему. Это на случай, если вызовет Столыпин.

Конечно, все это ни к чему. Вообще я сам себе смеюсь. Сколько я написал законов! Не перечесть... Все это лежит у меня. Хочу еще писать о печати...

Ни дать, ни взять Петрункевич, который с императора Александра Николаевича все писал конституцию у себя в кабинете. Но он таки дожил до императора Николая II, и конституция его пригодилась. Мне же не до кого доживать, и мои кодификаторские упражнения представляют нечто высоко ridicule. Говорят, «чем бы дитя ни играло, лишь бы не плакало». Но я даже не это дитя. Мне нисколько ни хочется играть в законы, и я бы нашел себе многое более интересное для меня. Смешнее всего то, что я делаю всю ту никчемность по какой-то «обязанности», которую на меня никто решительно не возлагал!

Жаль, что я не попаду в историю русской литературы: вышел бы очень веселенький тип, юмористический. Не без таланта, не без способности созидать — и абсолютно ни к чему ненужный. Нечто вроде того, как если бы явился какой-нибудь египтолог, который бы посвятил годы на проект улучшения администрации фараона Нехао. Вероятно, тоже можно бы написать много глубокомысленного, и вся беда в том, что ни царя Нехао, ни его администрации, ни даже самого его народа уже несколько тысяч лет нет на свете. Нет! Это не Петрункевичская работа: тут бери выше в комизме!

29 мая. Сегодня — тоже типичное известие: убит среди бела дня, в центре города, на собственном подворье экзарх Грузии Никон. Преступники, как всегда, скрылись.

Весь Кавказ, вся Россия кричит уже лет 5—6 о ни к чорту негодности наместника (Воронцова). И государь его не смещает. Не решается, говорят, огорчить старого слугу. Теперь, конечно, закричит Дума, опять скандал. И все это обрушивается на трон.

Теперь весь город говорит о речи А. И. Гучкова, который обрисовал наше военное безобразие и, сказав, что «неответственные лица», великие князья Николай Николаевич, Сергей Михайлович и Константин Константинович, не должны занимать должностей, заключил речь, что если Дума жертвует последние народные крохи на оборону страны, то эти лица могут пожертвовать своим «тщеславием» и оставить места.

Гром рукоплесканий, всеобщее одобрение, кого ни встретишь.

И опять все обрушивается на злополучный трон. Никогда еще две первые Думы его не потрясали так. Что сделает государь? Сменит род-

ственников? Смолчит и оставит их? Все одинаково скверно. О роспуске Думы никто и не думает. Да и страшно распускать по такому поводу, где народ будет находить обличение верным, хотя это далеко не вполне верно.

Столыпин, которого даже слепой не может не считать солидарным с Гучковым, как он был солидарен в вопросе о броненосцах, наживает теперь жесточайших врагов в царской фамилии. Мне кажется, он стал теперь в такое положение, что или должен с помощью Думы править над царем, или должен будет пасть... Первое во всяком случае, хоронит монархию, второе — открывает новую революцию. Choisir!

Что думает государь? Какова его затаенная роль? Или он просто плывет по течению: où vas-tu? I sais rien. Чем только он кончит?

Говорить ли с ним! Пытаться ли предупредить его? Но что толку? Ведь нельзя же ему дать силу, которой у него нет. И если он начнет действовать, то разве можно ждать, что он достигнет чего-нибудь, кроме нового ухудшения и своего положения и положения России?

И что я ему скажу такого, чего бы он не знал? Он все знает и, может быть, все понимает, но он ничего не может.

Иногда приходит на мысль, что, не имея силы воли сменить виновных или неспособных, он нарочно допускает Думу делать эти скандалы, чтобы сменить этих лиц как бы из необходимости уступки. Но если так, то это еще ужаснее. Это значит уже собственноручно разрушать трон.

Ревельское свидание кончается. Столыпин сегодня возвратился. Интересно знать, какое новое несчастье готовит России Эдуард?

Все, по-моему, скверно, и ничего хорошего не вижу. Не верю я, чтобы Россия могла жить без царя, а все ведет изо дня в день к разрушению трона.

Что делать мне в этом крушении?

Не могу ничего сообразить.

30 мая. Сегодня впервые был в Государственном совете. Разбирается вопрос об Амурской железной дороге. Ждали речи Витте (против), и я бесплодно просидел от 1½ до почти 6 часов, не дождавшись его. В общем мне Государственный совет не понравился. Какая-то скорее безжизненность, чем важность. И потом крайне неблагодарная роль — разбирать вопросы после Думы, уже снявшей с них весь сок.

Удивил меня Пихно. Начал говорить против Амурской дороги. Что сей сон значит? Во всяком случае глупо и роняет правых.

Видел случайно Д. А. Олсуфьева. Он очень весел. Спрашиваю, как дела? «Конституция идет на всех парах. По прусскому образцу».

— Ну, побольше, говорю...

«Нет не больше, как раз столько».

Я говорю, что в Пруссии не выгоняют трех великих князей. «Ах да, вы вот о чем»... «Да, говорит, Гучков немножко далеко пошел: не следовало называть имен».

Я говорю, что Гучков меня мало интересует, но это падает на Столыпина: он наживает при дворе трех могущественных врагов, и это может сказаться через несколько недель или месяцев.

«Да ведь Столыпин не делал еще Гучкову своей реплики! Не беспокойтесь: это feiner Conditer. Он себя разграничит от Гучкова»...

«Feiner Conditer!» Характерное выражение. Но граф сказал это в похвалу и вообще имеет вид полного восторга от того, что конституция идет на всех парах.

Что это за люди, наши россияне! Совсем женские натуры стали.

Как женщина, поверила я скоро.

И слишком скоро увлеклась...

Но что же такое мой «feiner Conditer»? Куда он кладет свой руль? Ведь он клялся «спасти династию». Как это у него вяжется с допущением такого подрыва и опозорения династии? Допустим, что он отречется от солидарности с Гучковым на этом пункте, но ведь это не более, как фокус для обморочения Царского Села. Ведь он в действительности нарочно допустил Гучкова к этой выходке.

Куда же идет он? Или, подобно всем прочим, просто плывет по течению: куда ни вынесет!

Какая радость, какое счастье для России: «конституция идет по прусскому образцу». Удостоились «производства в немцы». Ах, какая неисправимо дурацкая страна!

31 мая. Кое-что докладывал начальнику, а потом и спрашиваю, как его мнение: не очень ли рискует Столыпин (допуская требования изгнания вел. князей).

«Да какое же может быть мнение о человеке, у которого звезда?».

Потом на расспросы мои ответил: «Он ведет игру — va banque! Ну, что же сказать? Ему все удается, вероятно, и здесь удастся».

Я говорю, что, однако, он наживает трех врагов в царском семействе.

«Ну, что ему значат три великие князя? Нет, его ничто не свалит, разве какая-нибудь страшная катастрофа».

И в заключение прибавил:

«Мое мнение не имеет никакого значения. У него все удается. О нем, о таких людях рассуждать нельзя».

Я говорю: «Однако, и у Наполеона была звезда до поры до времени».

«Это, конечно», — отвечает.

Вот какой оборот принимает дело. У Столыпина звезда, о нем обычное человеческое рассуждение бессильно гадать... Прежде Шванебах говорил о mania grandiosa, теперь оказывается, что не mania grandiosa, а действительно звезда, которая, как известно, бывает у очень немногих великих людей в истории.

Но неужели точно нужна звезда для того, чтобы в России пошла конституция по «прусскому образцу»?

Конечно, не мне рассуждать о таких великих предметах, но все же как-то странно.

Несомненно только одно: что если уж явились толки о звезде Столыпина, то это само по себе придает ему огромную силу.

2 июня. Был сегодня в первый раз у Скворцова. Снес ему 2 статьи (о книге Саблера). Ничего нового не сказал, кроме того, что Антоний Волынский, доселе пребывающий здесь, очень сдружился с митрополитом Антонием: «либо его в православие обращает, либо сам в его веру переходит». Ну, первое во всяком случае невозможно.

Все политика, дипломатия, котерии, личности. Изволь тут ждать добра! Изволь попытаться что-нибудь делать!

Сообщил мне, что Столыпин, по слухам, тверд. Его солидарность с Гучковым несомненна, тем больше, что он лично в ссоре с вел. кн.

Николаем Николаевичем. «Ловко выбрал момент: Ревельское свидание, царь доволен, находя, что все идет прекрасно. В такую минуту не станет ссориться ни с премьером, ни с Думой...»

Это в других выражениях та же мысль — «Feiner Conditer».

Сообщил также, что «Штандарт» в шхерах. Значит, это летняя прогулка. Пробудут, конечно, долго, и меня избавляют от сложного вопроса: искать или не искать аудиенции, — aut nt du gagné!

Авось хоть что-нибудь выяснится, и во всяком случае оттяжка, от меня не зависящая.

В сущности, по чистой совести, не вижу никакого смысла в каких бы то ни было демаршах.

Рассказывали мне, что Хомяков был у государя, и он по поводу броненосцев сказал: «Ну, конечно, как же можно отпускать деньги на броненосцы, пока не водворен порядок».

Ну, что тут скажешь? И о чем тут говорить? Какими судьбами узнать истинную мысль государя? А без этого — мыслимо ли говорить? Ведь все же надо иметь ту или иную, но какую-нибудь почву. Если бы он был конституционалист, можно ли доказывать опасность положения? Но когда он не хочет позволить проникнуть в свою душу и всем говорит «да, конечно», то немыслимо говорить ни о чем. Это значит только себя тешить, к чему я не имею никаких побуждений.

7 июня. Вчера я послал (через Бельгарда) Столыпину письмо — просьбу о докладе. Ответа нет.

Сегодня сдал корректуру брошюры «Рабочие и государство».

Вчера просил Евреинова (Петра Михайловича, делопроизводителя нашей комиссии) послать в мин. торговли и промышленности напоминание, что Варзар обещал мне дать отчеты фабричных инспекторов, и до сих пор я ничего не получаю. Это оказалось очень удачным, и сегодня же я получил от Литвинова-Фалинского кучу изданий мин. торг. и промышленности: материалы, за неимением лучшего, драгоценны. Но все же социал-либералы Шиповы по глупости своей точки зрения не умеют пользоваться архивами своих сведений.

8 июня. От Столыпина нет ни звука о посланной мною 6 числа просьбе о допущении меня к докладу. Это, впрочем, еще очень немного времени. Теперь, пока Дума сидит, он связан, а Дума досидит до июля. Впрочем, все это неважно. Ничего путного не выйдет из доклада, и мне одинаково — быть в СПБ или ехать в Удомлю. И здесь скверно, и там, как и вообще везде. Я сам не знаю, где бы я хотел быть. Может быть, еще в Англии чувствовал бы себя более покойным, но зато не умею говорить по-ихнему. А Франция мне тоже стала противна.

15 июня. Сегодня в 5 часов дня был мой доклад Столыпину по рабочему вопросу. Продолжался он около 1½ часов. Но, кажется, результатов из сего не будет, так как он с вопросом мало знаком, а против моего мнения все решительно. Сверх того, мой план требует сосредоточения рабочего дела в министерстве внутр. дел, а Столыпин не расположен (и не без оснований) брать его из министерства торговли и промышленности.

Впрочем, по обыкновению министр слушал очень внимательно.

Просил меня через 1½ месяца приготовить ему материал по рабочему вопросу, который (материал) он проштудирует по возвращении с отдыха (он думает немножко прогуляться летом).

В обращении он был весьма прост и дружественен.

16 июня. Сдал сегодня Сыромятникову заметку о забастовках 1905 года. Статистика отдела промышленности, благодаря нелепой системе Варзара, распустила по газетам слух, будто бы бастовало 2 милл. 700 тыс. рабочих. А их и всех-то 1 милл. 600 тыс. Я обнаруживаю, что истинное число забастовщиков было, вероятно, около 200 000.

19 июня. Я имел разговор с А. Д. Арбузовым относительно того, чтобы он спросил министра (Столыпина), не сочтет ли удобным разработать в проекте закона об обществах, кроме отдела «профессиональных», еще отдел «рабочих обществ». Он долго не мог войти в эту мысль, однако, в конце, кажется, вошел, во всяком случае обещал спросить министра.

Сегодня же появилась в «России» (№ 788) моя статья «Действительные размеры забастовок 1905 года» против Варзара.

22 июня. Скучно... Ворочаю и перелистываю бумаги и книги для доклада министру, и уже вполне убежден, что все это ни к чему. Никакой крупной идеи, ничего глубокого и уж особенно самостоятельного у нас не может быть. C'est acquit!

Сегодня напечатано, что Дума приняла правительственный законопроект об увеличении депутатского жалованья до 4500 рублей. Это напоминает сцену из «Ревизора»: «Ну, слава богу, взял». И правда: раз «взял», значит, можно будет покупать Думу. Конституция упрочивается...

Все это идет неудержимо, и раз уж государь мог проложить или хоть допустить прокладку таких рельсов, то ничего не поделаешь. Народ слишком неразвит, интеллигенция слишком поверхностна, чтобы повернуть течение в иную сторону. Только царь мог (и легко) дать иное направление. Но этого нет. Значит, дело кончено!

Что же делать, однако? Для чего жить? Раскрашивать гроб мертвой нации? Спаситель сказал: «Оставьте мертвецам хоронить мертвых». Но что же делать, чтобы самому быть живым? В наше время — это задача, которую мог бы разгадать только богом вдохновленный пророк. А его нет, нет и нет...

И зачем, «на какой предмет», я попал в это петербургское бюро похоронных процессий?

28 июня. Сегодня кончилась Дума. Значит, все разъезжаются. Ни одной души знакомой не останется в СПБ.

Столыпин уедет, как он говорил, в море, будет отдыхать. Меня же он засадил за обширнейшую записку по рабочему вопросу. Будет ли он ее читать? Во всяком случае, никакого толку из этого я не предвижу. А должен кончить к августу, т. е. работать все лето.

Вчера заходил Шечков попрощаться: уезжает в понедельник. Каникулы у них будут 3 месяца (до 1 октября). Эти правые депутаты привыкли к конституции и вошли во вкус ее. Уж на что Шечков, монархист, каких не сыскать, а и то успокоился и глядит очень весело...

Неужели государь таки уничтожил монархию? Конечно, вся деятельная роль принадлежит Столыпину: он, пожалуй, действительно сохранил династию (которая и без него бы осталась в полной силе), но царскую власть уничтожил. Меня это подавляет, а что делать?

Писать записку о рабочем вопросе, который в действительности будет решаться не по-умному, а тем же «обезьяньим обычаем», каким решили участь монархии...

2 июля. Сегодня я завтракал у Олсуфьева. Был также у Сыромятникова. Вчера был у Ширинского. Стараюсь составить себе понятие о наличном положении политики, но это очень мудрено: никакого положения нет, а так одно чорт знает что, каша и кисель какой-то.

Некоторые составные элементы возможных событий:

1) Столыпин очень прочен.

2) У Столыпина и Гучкова некоторое охлаждение, хотя вполне возможно, что опять подружат. Недовольство — на почве выходки против великих князей (ее, понятно, приписывают соглашению со Столыпиным).

3) Государь высказал Хомякову недовольство тем, что Гучков назвал великих князей. Повидимому, сказано было с величайшей мягкостью. Государь называл даже Гучкова Александром Ивановичем: «Если Александр Иванович имел что-либо сказать про великих князей, то он мог получить у меня аудиенцию и сказать мне, но не выносить этого на трибуну...»

Это мягко, даже до слабости, но это все-таки замечание.

4) В Государственном совете (в бюджетной комиссии) — крайне сильная оппозиция против увеличения жалования думцам. Если Совет, хотя не отвергая законопроекта совсем, видоизменит его, то это все же потребует согласительной комиссии, значит, приведет к оттяжке дела до октября. Это чревато мелкими зародышами ссор: Думы и Совета, Совета и Столыпина, который в угоду Думе выдвинул этот законопроект.

Хомяков говорил: «Мы крайне обязаны Столыпину, который снял с нас одиозность возбуждения самою Думою вопроса об увеличении жалования себе самой».

Государственный совет теперь угрожает испортить всю музыку.

Хомяков имел поистине бестыдство сказать: «Ну, если Государственный совет провалит законопроект об увеличении жалованья, то Дума, как только соберется, поставит в первую очередь бюджет Государственного совета».

Недурное зрелище народных представителей, в первый же год передравшихся за «пирог»!

5) Огромную загадку составляет иностранная политика. Извольский не имеет никакой самостоятельной линии и идет на поводу у иностранцев. К несчастью, его ошибки в этой области обрушиваются уже на самого государя.

6) Наконец, по земельному вопросу и по местному управлению с новой сессией предвидятся величайшие разногласия

Все это дает, однако, лишь намеки на события, ничуть не уясняя, как они сложатся.

4 июля. Был у Ширинского проститься: он уезжает. Их сессия завтра кончится. Вчера Государственный совет дал Думе жалованье 77 голосов против 44. Parti pris.

Министры в частных разговорах все против этого жалованья. Но Столыпин этого непременно потребовал.

А моя записка Столыпину идет очень скверно, медленно. Жарко, душно и нет охоты работать по несомненной бесплодности труда.

12 июля. Я все сижу над своим докладом. Постоянно приходится переделывать. Ужасная сложность предмета. Кроме переделок, осталось

еще составить: 1) государственная деятельность по рабочему вопросу, 2) государственное страхование, 3) какая должна быть русская постановка рабочего вопроса

А сделано:

а) доклад о запросе правительству, б) деятельность русских социал-демократов и так наз. профессиональная печать, в) голосования германской социал-демократии, г) союзы рабочие и созданные ими учреждения, д) союзы предпринимателей.

Переделывается: а) краткий перечень учреждений, б) указатель литературы и документов.

Всего доклад охватывает с приложениями 10 отдельных частей, а в частности все страны и государства земного шара.

И все это требуется сделать возможно кратко! Вряд ли, однако, уберу меньше чем на 150 страниц Ремингтона. Сделано свыше 80, а остается еще больше.

20 июля. Воскресенье. Ильин день.

«В то время редко слышался голос господень, и видения были не часты». Так и у нас теперь. Но во Израили это было перед пророком Самуилом, а у нас?

Лжепророков сколько угодно, а пророков нет, да и не будет, конечно, кроме разве Эноха и Илии.

Сегодня в сущности кончил свой доклад. Недостает только заключения: как нам вести дело? Но об этом я уже имел честь докладывать министру, и ничего из этого не может быть. Не туда идем, не тот дух власти..

А ведь в сущности государь похож на первосвященника Илия: тот был тоже всем хорош, кроме слабости воли, отчего не было надзора и всюду пошли безобразия. Но при Илии рос Самуил... Теперь, если даже и растет он, то я уже не могу до него дожить. Да и сам он уже не в состоянии будет ничего сделать, потому что к тому времени скипетр и держава будут уже в дребезгах, а корона — из фольги.

Но на какой предмет я существую на свете? Странность какая-то. Зачем мне было дано — ну, право, первому в истории — уяснить смысл монархического принципа как раз в то время, когда он умер?

22 июля. Сегодня я закончил обязательную часть доклада: осталось сделать заключение о желательных способах нашей социальной политики.

Доклад — больше половины уже отдал в переписку, да другую часть могу хоть завтра же сдать. Обойдется мне это рублей 20. Жертва немалая из кармана, тем более, что Столыпин даже и не узнает о ней. Впрочем, все это вздор. Главное, сделал ли я то, что ему нужно, угадал ли? Я, в сущности, исходил из предположения, что он не знает рабочего вопроса, — неоткуда ему знать, — а потому попадает в руки своих докладчиков. Вот я и задумал: дать ему полный конспект всего, что делалось и делается по этой части. Это его освободит: докладчики будут бояться врать, если он раз-другой срежет какого-нибудь шарлатана. Убедившись, что он что-то знает, они станут на него добросовестно работать, а он получит возможность указывать им, что именно ему требуется.

Если Столыпин действительно не знает рабочего вопроса, то моя работа ему полезна. Но если ему все это хоть по наслышке известно, то я всуе трудился. Ему это все не нужно... Вопрос: угадал или не угадал?

23 июля, среда. Сегодня окончил весь доклад. Большая часть его отдана в переписку нашим ремингтонисткам, что будет стоить рублей 20.

Проработал свыше месяца. Размеры не менее 6000 печатных строк.

30 июля. Бельгард вчера мне говорил, что готовит проект закона о печати. До сих пор молчал, а теперь, вероятно, заговорил, чтобы проверить свои планы. Делает он это, повидимому, по настоянию Столыпина, и, повидимому, Столыпин хочет каких-нибудь мер к приведению «свободы» в «порядок». Бельгард же неохотно соглашается. «Не уничтожить же 17 октября», говорит он. Ну, мои разговоры его вряд ли удовлетворили, хотя, конечно, все они большие хитрецы, и, может быть, он возражает специально для того, чтобы повыспросить побольше «идей»: авось, какая-нибудь и пригодится! Я, конечно, говорил не стесняясь: пригодится, так и слава богу.

Но какая это ненормальность «нового» строя! Уж если главное управление должно вырабатывать основы законопроекта, то кто же это должен делать, как не совет? А совет не собирается и даже ничего не знает из планов главноуправляющего. Бюрократизм доведен до апогея, о возможности которого до знаменитого 17 октября даже и сами чиновники не догадывались. До «обновления» строя совет постоянно собирался и в случае несогласия с главноуправляющими представлял министру свое особое мнение. Это было право каждого члена совета. С водворением Бельгарда совет уже ни разу не созывался.

1 августа. Министра все нет, и я приступил к переписке нескольких листов. Авось, успею.

4 августа. Пошел в управление сказать Бельгарду, что хочу ехать в Москву, а он, оказывается, вчера сам уехал «на недельку», сдав дела Катенину «на десять дней». Что же значит сей сон? Или Столыпин еще не скоро вернется? Сегодня его не было, и Катенин имеет наказ обращаться, в случае надобности, к Макарову.

Ну, я сказал Катенину, что уезжаю на несколько дней, и он, понятно, сказал: сколько, мол, угодно...

Любопытно, очень любопытно, заинтересуется ли Столыпин докладом? Я лично с этой работой во всяком случае сделал такую репетицию рабочего вопроса, о какой сам по себе и не подумал бы. Но на кой прах это члену совета главного управления по делам печати? Если бы я состоял хоть по торговле и промышленности, — была бы практическая польза. Если бы я попрежнему был журналистом! Но теперь это совершенно ни к чему, если только не заинтересуется Столыпин.

Это управление по делам печати при нынешних условиях и для меня совершенно неинтересное место. Да и вообще ни одна частная отрасль правительственной деятельности не может меня удовлетворять теперь, когда все государство поставлено на самый дурацкий путь... не «развития», а понижения и отупения. Я вполне готов и рад бы был помогать своей работой развитию государства Александра III. Но этому, нынешнему государству — как помочь? Оно себе поставило дрянной фундамент, и помогать с пользой можно было бы лишь в перекладке самого фундамента, о чем никто (сверху) и не думает. Рады, что страна «успокоилась», и рассуждают, что от добра добра не ищут. А какое тут «добро»? Заразили себя туберкулезом, вот и все «добро».

8 августа. Очень бы хотелось мне потверже решить для себя вопрос о церковном соборе: есть ли риск его собирать (в смысле антиправославных и даже антирелигиозных влияний и замыслов). Антоний Волынский явно его не хочет, Антоний же Петербургский говорил Нейдгардту, что согласен. Думаю, что и Ширинский не хочет. Я очень отстал от церковной среды, не знаю мнений. В этом Петербурге совсем залепляются и очи и уши.

Ужасное время отсутствия авторитетов. Не знаешь, у кого искать совета. Даже и в Москве — Варнава скончался, даже Исидор скончался. В Зосимову пустынь вряд ли хватит сил проехать. Да и то ведь, господь его ведает, насколько в таких делах авторитетен о. Герман. Из епископов — буквально ни единого. Наш, т. е. московский, по крайней мере, несомненно в бога верит и не легкомыслен, но зато крайне трудно разбирается в условиях. Я все-таки ему верю. Антоний Волынский — хороший человек и умный, но теперь весь в политике. Ему нужен патриарх, потому что это власть. Ну, власть действительно нужна, но без выбора она не выйдет авторитетна...
Мудреная вещь.

29 августа. ...Вчера был «юбилей» Толстого и, как кажется, довольно незаметно. Бесконечно глупо наше образованное общество, неисправимо нигилистично, но, кажется, Толстой все-таки вышел из моды.

Ну, чорт с ним!..

Я вот все о себе. Что мне делать? Приехал я с мыслью, что надо подавать государю записку о созыве верховного собора, а теперь опять берет раздумье... Экое время, беда! Ничего не сообразишь. Главное — нет людей, а без людей, как делать что бы то ни было?

Собственно говоря, вся моя решимость до чрезвычайности зависит от Столыпина. Хоть бы его поддержку иметь! Ведь сидишь в безвоздушном пространстве. А Столыпин облеплен «делами», как тигр листьями, смоченными смолой: так ловят тигров в Индии. Когда он меня вызовет? Будет ли возможность говорить о «посторонних» предметах? И, наконец, как он отнесется? Горе одно. Он думает, что мы «выгребаем». Все идет к лучшему. А Россия в маразме более чем когда-либо. В прошлом году в это время еще, казалось, горели в сердцах огоньки, я и сам еще мог серьезно говорить о «недостатках конституции» и мечтать о ее исправлении. Эта проклятая мразь, Третья дума, увязила Россию в болото и затушила все искорки света в душах. Какие ничтожные, противные люди.

Увяз в болоте и Столыпин. В прошлом году он способен был писать манифест 3 июня и вызвать меня. Теперь влез в «работу».

А я? Садовский конфиденциально сообщил мне, что меня хотят «повысить» к праздникам, а именно в «штатные» члены совета. Я ведь теперь «сверх штата». Вот какими глупостями занимаются и меня закапывают в свое болото. Дела никакого, живешь неизвестно зачем, — и вместо какого-нибудь осмысленного назначения (если уж на то пошло) — в «штатные»! Недоставало еще Станислава... Впрочем, «штатный» еще меньше. Главное же — абсолютная глупость. Я шел на дело, но у них нет дел, где бы я годился, ибо на их пустяковое «прохождение службы» я вовсе не нужен.

Мне лично начинает быть все равно. До такой степени жалка страна, так пала, погрязла, что д е л а т ь что-нибудь могли бы только гиганты. Но нет ведь их...

Уж не плюнуть ли мне на «службу», и снова стать публицистом? В народ-то авось хоть что-нибудь попадет?

А в государстве, членом которого «имею честь» состоять, кажется, н и ч е г о нельзя сделать. Мне думается, что теперь опять пойдет постепенное назревание нового революционного взрыва. Прогнием еще года два-три, а там, может быть, окончательно все полетит вверх тормашками. Бедный царь! Вряд ли ему кончить добром.

К истории освоения Северного морского пути [1])

В данной из адмиралтейской колегии капитану командору Берингу февраля 28 дня 1733 году инструкци написано:

1.

Колегия адмиралтейская, рассуждая важность оной экспедиции в каком комплекте морских служителей и мастеровых людей иметь во оной экспедиции, положили и правителствующий сенат утвердили, о том от колегии известие вам уже дано, и те служители и мастеровыя люди кроме салдат и барабанщиков, которых велено определить из сибирских гарнизонных полков, в команду поручены, а кому какие денежного и хлебного жалованья оклады и у кого (л. 96 об.) подлежит иметь на мундир и другие вычеты, о том при сей инструкции сообщаетца имянной список, по которому оных служителей содержать вам в команде ко регламентом и указом и понеже по всемилостивейшему ея императорского величества указу велено тех служителей всех, кто во оной экспедиции будут, жалованьем наградить и пока в той экспедиции будут, давать против окладов их вдвое и при отправлении отсюда удоволствовать их впредь на год, по которому ея императорского величества указу, как вам, так и протчим, кои состоят в обер афицерских рангах, тем напредь выдано здесь на год вдвое, а ундер афицерам и рядовым для той же посылки дано здесь впредь наполовину года, а на другую половину года по окладом на дачу им определенную сумму (л. 97) выдано вам от конторы генерала криг-камисара и ис той суммы производить оным служителем, усматривая ежели которыя находятца в добром состоянии и в воздержности, и на исправление будут требовать, таким давать по приложенному при сем окладному списку за указными вычетами против других сполна, записывая в росход с росписко́ю, а которые по усмотрению вашему найдутца не в таком состоянии и в невоздержности, тем производить по рассуждению вашему, по томуж з запискою и с росписко́ю за указаными вычеты усматривая, дабы от невоздержания не могли приттить они в бедность.

Что по оной инструкци исполнено и чего не исполнено:

На 1.

Окладной денежному и хлебному жалованью и у кого подлежит иметь на мундир и другие вычеты капитаном командором получен при инструкции имянной служителем список и при отправлении во экспедицию денежным вашего императорского величества жалованьем на 733-й год, как капитан командор, так и протчая состоящия (л. 96 об.)

[1]) См. «Красный архив», т. LXXI .стр. 137.

в обер афицерских гангах удоволствованы впередь на год по их окладом вдвое, а ундер афицерам и рядовым по окладом их двойное ж на год и на полгода по разсмотрению по силе их состояния ис принятой от конторы генерала криг-камисара суммы призведено з запискою и с росписками (л. 97).

2.

По учиненным в адмиралтейской колегии со общаго в вами совету и по опробованным в правительствующем сенате сметам, коликое (л. 97 об.) число в ту экспедицию и на какие порознь суды потребно настоящих, и против того еще в полы запасных матриалов и припасов и откуда оныя по способности отправить и отпустить определено, о том вам при сем сообщаетца подлинное известие, по которому надлежащие от здешняго адмиралтейства принять и велеть покласть на возы порядочно, дабы в проезде сухим путем не было им траты и для того оные иметь в добром хранении, и понеже между оных в ту ж экспедицию некоторые припасы отпустить определено такие, чтоб из оных потребные вещи делать в тех местах, где будет строение судов, чего ради по силе сообщенной при сей инструкции о припасех ведомости и по лучшему вашему к ползе ея императорского величества интересов разсуждению делать оные, где что способнее к которому делу и мастеровые люди отсюда командрованы (л. 98)

На 2.

По присланному к капитану командору от адмиралтейской колегии известию надлежащия матриалы и припасы (л. 97 об.) от Санкт Питербурхского адмиралтейства в феврале месяце 733 году приняты и на возы положены, а которыя припасы по той же ведомости велено делать в тех местах где будет строение судов, и такия вещи деланы при команде мастеровыми людми. (л. 98)

3.

С порученными в команду вашу служители, також и с подлежащими в ту экспедицию припасами, кои отсюда отпустить определено, ехать по способности пути нынешнею зимою до Твери, а оттуда по вскрытии лду будущею первою вешнею водою, наняв или купя потребное судно, следовать как с служители, так и с припасами до Казани, чего ради принять вам здесь от канторы генерала криг-камисара денег тысячу рублев, которые, записывая по регламенту в книгу, держать на платеж отсюда до Твери прогонов, а от Твери на наем или на покупку судна и на другия приключившияся в пути нужды, без чего по крайней мере обойтитца будет неможно.

На 3.

Команда и принадлежащие экспедичныя припасы 733 году марта 6—7 чисел отправлены в путь, а капитан командор за исправлением дел продолжал время апреля до 18 числа, а того числа из Санкт Питербурха отправился и прибыл к команде в город Тверь маия 3 числа и при том городе за отправлением судов продолжал время июня до 7 числа, а того числа со всею командою и матриалами в четырех судах отправился в путь вниз рекою Волгою до Казани, и на платеж

прогонов и на другия приключившияся в пути нужды от канторы генерала криг-камисара тысяча рублев принята в том же 733 году марта 6 числа.

4.

По вышеявленным сметам какия положено в ту экспедицию из казанского (л. 98 об.) адмиралтейства отпустить матриалы и припасы о тех в тамошнею лесную кантору послан указ, велено оные тамо приготовить из наличных и вновь конечно к будущей весне, дабы к прибытию туда вас были во всякой готовности, а для поиящшаго в приуготовлении оных поспешения отправлен туда из назначенных под командою вашею нарочно от флота лейтенант Овцын с двумя ундер афицеры, которому определено в приуготовлении оных припасов и матриалов иметь прилежное старание, чего ради, когда вы с командою будущим водяным путем в Казань прибудите, тогда оные матриалы и припасы, кои тамо приуготовить велено, принять по росписи сполна и вышепомянутого Овцына с ундер афицеры взять в свою команду и следовать с теми матриалы и припасы и со всею командою в назначенной путь Камою рекою, а ис Камы Чусовою до Кунгура через Демидовы заводы до Демянской слободы, а из Демянской слободы наниз водою до Таболска; и ежели паче чаяния выданными отсюда на приключившияся в пути нужды (л. 99) денгами до Таболска удоволствоватца будет ненадежно, то вам принять еще из казанской лесной канторы денежныя казны, сколко по разсуждению вашему подлежит, дабы недостатку и затем в пути остановки приключитца не могло, и об отпуске по требованию вашему тех денег указ во оную кантору послан, а в расход вам оные денги держать против вышеписанного по третему пункту.

На 4.

Капитан командор Беринг и со всею командою прибыл в Казань 733 году июля (л. 98 об.) 14 числа и подлежащия во экспедицию припасы от казанского адмиралтейства приняты, за которым приемом и за протчими исправлениями продолжали время августа по 9 число, а того числа с всею командою и матриалами и взяв посланного наперед в Казань для приуготовления оных экспедичных припасов лейтенанта Овцына (которой ныне матрозом) и со обретающимися при нем ундер афицерами отправились в путь и следовали вверх Камою рекою до села Осы, а оттуда зимним путем через город Кунгур и Екатеринбурх до Таболска. А в бытность при Казани принято на всякия приключающияся в пути нужды 4500 рублев. (99)

5.

По учиненным же сметам во оную экспедицию какую артилерию и артилериские и протчие припасы и матриалы в сибирских городех и на тамошних заводах и сверх того принадлежащия до удовольствия будущих во оной экспедиции служителей правианты тамо заготовить и магазейны для содержания оных правиантов построить надлежит, о том от правителствующаго сената указами к сибирскому губернатору и к другим (л. 99 об.) тамошним командиром уже определено и, сверх того, во всем вспоможение и по требованиям вашим людми, лошадми,

правиантом и протчим, что до исправления оной экспедиции ко интересам ея императорского величества касаетца удоволствие, не упуская времяни, чинить велено. А для лутчаго поспешения велено назначенного в ту ж экспедицию капитана Шпанберха с потребными служители ныне туда наперед отправить, дабы в приготовлении всего того, что до оной экспедиции принадлежит, имел с тамошними командирами доброе старание, о чем ему ис правителствующаго сената дан полной с прочетом указ; чего ради по оному указу, что ему тамо чинить и какое приготовление припасов, матриалов, правиантов, лесов и протчаго иметь, о том ево, Шпанберха, ордеровать вам и сообщить ему обо всем известие со обстоятельством. (л. 100)

На 5.

По силе оного пункта капитан Шпанберх наперед в сибирския городы отправлен и о изготовлении правиантов и протчих припасов от капитана командора Беринга дана инструкция. А какое по той инструкции помянутым капитаном Шпанберхом учинено испол(не)ние, тому при сем сочиненная ведомость сообщаетца. (л. 100)

6.

Понеже ея императорское величество всемилостивейше указала, сверх выданного здесь напред года двойного жалованя, еще выдать в Таболске и в Якуцке, кто где требовать будет, на год, дабы в такую дальность где потребного к своему содержанию доставать и покупать не могут заблаговремянно, могли б заготовитца и в доволстве итти. А для дачи впред будущия годы покамест в той экспедиции будите, каким образом оное жалованье отправлять, о том определение учинить сибирскому губернатору и иркуцкому вице-губернатору по требованиям и предложениям вашим, чего ради, по прибыти в Таболск или в Ыркуцк, требовать тамо на дачу по двойному окладу оного жалованья на год подлежащаго числа денежныя казны от помянутых командиров и, приняв, роздать по окладом (л. 100 об.) кому что подлежит, за положенными вычеты против сообщенного при сем окладного списку, а впредь по тому ея императорского величества указу о удоволствовании оным жалованьем иметь вам сношение с сибирским губернатором и с ыркуцким вице-губернатором.

На 6.

Всем определенным в Камчацкую экспедицию служителем по всемилостивейшему вашего императорского величества указу, сверх выданного при Санкт Питербурхе двойного жалованья, еще выдано по их требованию для исправления нужд в Таболску по силе их состояния на год, а для дачи впредь и ныне по требованиям капитана командора от иркуцкой правинциалной и от якуцкой воеводской канцелярей ко экспедиции жалованная денежная казна присылаетца и ис тех сумм по третям года служителем производитца. (л. 100 об.)

7.

Хотя по данной блаженныя и вечнодостойныя памяти от государя императора Петра Великого собственноручной вам инструкции в быт-

ность вашу в той экспедиции было искание, где б Камчацкая земля с Америкою сошлась, токмо, как вы представляли, что по силе оной инструкции возле земли от Камчатки между севера и востока даже до ширины 67 градусов ходили и как в сочиненной о том походе (л. 101) картине показано, что до того места означенных градусов к американским берегам сходства не имеетца, что же свыше той ширины от вас на карте назначено от оного места между севера и запада до устья реки Колымы, и то де положено по прежним картам и по ведомостям, и тако о несоединении за подлинно утвердитца сумнительно и ненадежно, к тому ж о пути подле земли морем от Оби реки до Лены и далее будто частию подле того берега и ходить возможно, а о некоторых местах и ничего неизвестно, и о том потому ж утвердитца невозможно, ибо никаких достоверных не токмо карт, но ни ведомостей нет, того ради ея императорское величество указала для подлинного известия, есть ли соединение Камчацкой (л. 101 об.) земли с Америкою, тако ж и имеетца ль проход Северным морем — построить дубель шлюпки о 24 веслах, каждую с палубою, а именно при Таболске на реке Иртыше одну да в Якуцке на Лене реке — две, на которыя поставить фалканеты и следовать на построенной в Таболске Обью рекою до устья морского и от устья к востоку морем подле берега даже до Енисейского устья, а из Якуцка на одной Леною рекою до устья ж, а от устья к западу подле берега морем до Енисейского устья на-противу той, коя пойдет от Обского устья, а другой шлюпке из Якуцкого устья к востоку морем подле берега до устья Колымы реки и оттуда подле берегов к востоку и, обойдя угол, которой (л. 102) в карте показан в 73 градусах, иттить подле берега ж до Анадырского и Камчацкого устей и, хотя вышеименованныя суды, называемыя дубель шлюпки, ради тех посылок и определено построить и для заготовления на оные лесов наряжены отсюда с помянутым Шпанберхом в Таболск подмастерья да в Якуцк мастер, а какою препорциею оные быть имеют прилагается при сем чертеж, однако ж вам, сколко возможно ныне, а особливо по прибыти в Таболск о положении оных мест, где следование им в пути иметь надлежит, по крайней возможности разведать и со общаго со всеми обер афицерами консилиуму, какие способнее и безопаснее (л. 102 об.) в те посылки суды за лутчее разсудятца, такия и делать велеть в вышеписанных местах или где пристойнее, чтоб оные в тех вояжах, как выше объявлено, были действителны и не безпрепятственны, паче же и безопасны б, и на тех судах командирами из имеющихся в команде вашей лейтенантов по одному, тако ж и протчих подчиненных им служителей, кого куда по разсуждению вашему надлежит, на каждое судно определить по столку, как в сообщенном вам от колегии о разделении оных служителей по экспедициям регестре показано, или по лутчему разсуждению со общаго с протчими афицеры совету, усматривая по препорции судов, и в каком действителном отправлении те вояжи оным афицерам иметь, (л. 103) о том от колегии основателные инструкции им учинены и прилагаютца при сем, но понеже в том же Северном море значит в карте против устья Колымского остров, о котором разглашено, якобы земля великая и бывали ис сибиряков и людей видели, чего ради вам о том разведать подлинно в Якуцке и, какое уведомление получите, о том обстоятелно сообщить афицеру, которой будет назначен в вояж от Лены реки к Камчатке. А ему, будучи тамо, как поступать, о том в вышепомянутой инструкции точное определение учинено. И удоволствовать вам тех афицеров

во всем, что к их вояжу принадлежит, дабы ни в чем им не могло учинитца остановки и недостатку (л. 103 об.) и ежели в бытность вашу в тамошних местах будут оные суды к походу во всякой готовности и во удоволствовании, то их в показанные вояжи отправить, токмо учиня сношение с тамошними командирами, дабы к тому походу все было приготовлено, и учиненные на те суды командиром инструкции, вписав в каждую имя командира, поручить кому, которую подлежит, а самим вам с камандою и с припасами тако ж и с правиантами следовать к Охоцку. (л. 110 об.)

На 7.

По силе оного пункта прошлого 733 году февраля от 23 дня по данной от капитана командора капитану Шпанберху инструкции велено при Таболску строить дубель шлюпку, которая строением и окончилась 26 дня генваря 734 году, и определен на тое дубель шлюпку командиром лейтенант (которой ныне матрозом) Дмитрей Овцын и надлежащим числом по разположению адмиралтейской колегии служителми и протчими припасами удоволствован и, какое в том вояже чинить исполнение, дана от оной колеги инструкция, (л. 101) по которой велено следовать до устья реки Оби, а от того устья к востоку до устья реки Енисея. И по силе той инструкции отправился оной Овцын на порученной ему дубель шлюпке маия 14 числа тогож 734 году и следовал реками Иртышем и Обью и тою рекою Обью пришел в Тазовскую губу, точию, как в том 734, так и в 735 году от того Обского до помянутого Енисейского устья за великими лдами и за противными на курши их ветрами не прошел и во оном 735 году помянутой Овцын ездил в Санкт Питербурх, и о вояжах ево 734, 735 годов журнал и карту и обстоятелной репорт в адмиралтейскую колегию подал и в генваре месяце 736 году, по определению в адмиралтейской колеги, отправлен он, Овцын, паки для окончания экспедиции и повелено зделать при Таболску для вспоможения бот с палубою, которой хотя того 736 году в компанию и не поспел, однако ж оной Овцын на дубель шлюпке в вояж ходил, точию до устья реки Енисея (л. 101 об.) за препятствием лдов не прошел, а в 737 году на порученных судах дубель шлюпке и боте следовал от Обского устья к Енисейскому и, з божиею помощию, хотя и находился в великих лдах, однако ж к помянутому Енисейскому устью прибыл августа 31 дня, о чем от него, Овцына, через нарочно посланного в адмиралтейскую колегию репортовано. А во время де следствия ево между Обским и Енисейским устьями островов, лежащих на Северном море против сибирского берега к норду, и кочующих никаких народов не видал и рудознатцов во многих местах рек и на морской берег для искания руд с пристойным канвоем спускал, токмо никаких руд не сыскали, и рудознатец объявил, что земля мерзла и песчана. И об оных ево 736, 737 годов вояжах журнал и карту послал он, Овцын, ис Таболска в адмиралтейскую колегию в 739 году в феврале месяце.

А при Якуцку по силе оного ж пункта в 735 году построено два морския судна бот и дубель шлюпка, и на те суда определены командирами: на бот — лейтенант Ласиниус [1]), на дубель шлюпку—лейтенант (л. 102) Прончищев [2]). И те суда надлежащим числом служителми и такелажем и протчими припасами удоволствованы, и велено оных судов командиром, по данным им от адмиралтейской колегии инструкциям,

следовать до устья реки Лены, а от того устья на боту к востоку подле берегов до Колымы реки, и обойдя угол, которой в карте показан в 73 градусах, иттить подле берега ж до Анадырского устья. А дубель шлюпке иттить к западу подле берега ж до Енисейского устья, и в тех их вояжах чинить описание и обсервации, также, где возможно и случай допустит, спускать на натуралную землю с канвоем пристойным рудознатцов (которых велено требовать от капитана командора) и осматривать, не найдутца ль где богатыя металы и минералы, а ежели ж по тем инструкциям за каким случаем осматреть и описать все в одно лето не допустит время, то следовать и во окончание приводить в другое лето.

Того ж 735 году июня 29 дня вышеозначенные суды бот и дубель шлюпка (л. 102 об.) от Якуцка отправились в путь свой, и лейтенант Ласиниус прибыл на взморья к Быковскому мысу августа 4 числа тогож 735 году, токмо устья вымереть ему, Ласиниусу, время не допустило за противными и силными ветрами; також де в Ленском устье и на взморье имеютца великие пески и мели, и, дождався де благополучного ветра, пошел в путь свой и проведовал до двух раз, точию за великими лдами, тако ж и за поздным времянем не мог никак пройтить, и того ж августа 18 числа вошел с ботом в речку Караулах, которая лежит в ширине 71 градусе и 28 минутах, где декабря 18 числа вышереченной лейтенант Ласиниус волею божиею умре цынготною болезнию и рядовых как морских и адмиралтейских служителей и протчих сибирских разных чинов людей померло 39, а живых осталось 13 человек, и те обдержимы тою ж болезнию. И на место помянутого умершаго лейтенанта Ласиниуса определен капитаном командором на упоминаемой бот (л. 102) командиром лейтенант Дмитрий Лаптев [3]), також и вместо умерших служителей и на смену тем, кои, хотя и живы, а цынготною болезнию обдержимы, определено 52 человека, и при том отправлении в данной ему лейтенанту Лаптеву от капитана командора маия от 29 числа инструкции в 5-м пункте написано, чтоб он, Лаптев, описал острова, лежащия против Колымского устья, и для того отправлены с ним, Лаптевым, бывалыя по их обыкновению в тамошних местах из якуцких служилых людей 2 человека, а иного обстоятелного известия об оных островах не сыскано. И отправися оной лейтенант Лаптев и с командою из Якуцка маия 30 дня 726 году, о котором отправлении и об умерших служителех от капитана командора прошлого ж 726 году апреля 17 дня в адмиралтейскую колегию репортовано. А вышереченной лейтенант Лаптев прибыл к устью реки Лены в Савастьянову губу с командою июня 25 числа благополучно, в которой губе тогда еще стоял (л. 103 об.) лед; того ради оной лейтенант Лаптев к речке Караулахе, где стоял бот, пошел пеш, где и продолжал время за препятствием лдов июля до 29 числа; а того числа вышел з ботом на море, и дошли до ширины 73 градусов 16 минут. А далее за препятствием великих и густых лдов следовать было неможно и для того августа 14 числа возвратился в реку Лену и зимовали; а в 737 году августа 16 числа отправился он, Лаптев, из Якуцка з журналом и картою в Санкт Питербурх в адмиралтейскую колегию [4]).

А дубель шлюпки командир лейтенант Василей Прончищев прибыл в Ленское устье августа 7 числа того же 735 году и, дождався благополучного ветра, того ж августа 12 числа следовал в путь свой к западу и шел морем между нордом и вестом около 200 миль италианских даже до ширины 73 градусов и 40 минут, а плавание имел до оной ширины

между лдов, и оттуда следовал меж зюйдом и вестом около 100 миль италианских (л. 104) и того ж августа 25 числа приплыл к реке, называемой Аленек, благополучно, которой реки устья лежит в ширине 72 градусов и 30 минут и сентября 1 числа, по сысканию форватера оной реки, в устья вошел, понеже за поздым де временем и от великих морозов далее следовать неможно, и в той реке зимовал. А в 736 году августа 3 числа следовали они от устья реки Аленика к западу до реки Анаборы и во оную реку Анабору заходили, которая в ширине 72 градусов и одной минуты, и стояли 7 дней и 10 числа августа пошли от оной Анаборы реки к западу ж к реке Хатонге и следовали между лдами с великою опасностию и пришли оной реки в устье, которое лежит в ширине 74 градусах и в 9 минутах, и от той реки Хатонги следовали около западного берега меж великими лдами и августа 18 числа прибыли к реке Таймуре и от оной реки подошли великия острова, меж которыми островами и берегом великой стоит лед и к тем (л. 104 об.) островам и подле берегу проходу никакова не нашли, а видели ли на тех островах лес и людей, о том в том репорте не показано. И от той реки следовали подле лдов в море и увидели впереди себя и по обе стороны лды великия, стоячия, а в море видимы были носячия лды и так часто, что не токмо дубель шлюпке и ни лотке пройтить невозможно, а берег остался далеко, а были в ширине 77 градусов в 25 минутах и за оным препятствием лейтенант Прончищев, учиня консилиум, возвратился и едва могли дойтить до прежняго своего зимовья до реки Аленика и прибыли августа 29 числа. А кроме того места удобного к зимовью не нашли, и того же числа помянутой лейтенант Прончищев волею божию умре, чего ради о помянутом вояже предложено от капитана командора в адмиралтейскую колегию репортом апреля 27 дня 737 году, коим требовано указу, посылать ли оную дубель шлюпку еще на море или более не следовать, а журнал и карта об оном вояже посланы во оную ж колегию с вышереченным лейтенантом (л. 105) Дмитреем Лаптевым, а рудознатцов как на бот, так и на дубель шлюпку не определено: того для, ибо хотя во время проезду в 733 году чрез Екатеринбурх и определено капитаном командором обще з генералом Генингом отправить к нему капитану командору от Нерченского бергамта одного знающего, точию ко экспедиции не прислано, а от бывшаго на оной дубель шлюпке командиром лейтенанта Прончищева прислано было при репорте найденой вверху Анаборы реки девять золотников руды, которая и отослана для пробы к профессору Гмелину [5]) коя оным профессором и пробована, токмо ни золота, ни серебра, ни меди из оной руды не явилось, а явилась сера горючая, о чем от него, профессора, и писмянно июля 7 дня 737 году объявлено и о том от капитана командора в адмиралтейскую колегию репортовано. А в указе вашего императорского величества из адмиралтейской колегии, писанном декабря 13 737, а полученном декабря 8 чисел 739 годов к капитану командору Берингу написано: помянутой лейтенант Дмитрий Лаптев паки в ту ж экспедицию (л. 105 об.) отправлен, тако ж и на дубель шлюпку командиром вместо умершего лейтенанта Прончищева определен лейтенант Харитон Лаптев [6]) и вечено им оную экспедицию, как высочайшее вашего императорского величества соизволение есть, действием паки производить с наиприлежнейшим старанием. А имянно поход морем начинать, как бы только ото лдов крайнее препятствие миновало, не упуская нимало летняго благополучного времяни, а ежели где край-

няя невозможность к походу постигнет, например ото лдов, в таком случае, как прежняя инструкции гласят, обжидать премены и к походу возможности, а ежели де такой способной случай придет, то без потеряния времяни во определенной вояж следовать и буде конечное препятствие постигнет в такое уже время, как по тамошнему климату зима становитца и вода мерзнет, пред тем времянем возвращатца не в прежния далныя места, но искать способу, где б ближе зимовать можно было, дабы далным назад возвращением в действии той экспедиции медления (л. 106) не иметь и времяни не потерять и по усмотрению где б оп способности и безопасности ближе зимовать и приводить те экспедиции во окончание в другое или в третье лето, а буде ж какая невозможность и в третье лето во окончание привесть не допустит, то и в четвертое лето и всемерно чтоб та экспедиция во окончание приведена была.

И по тому вашего императорского величества указу вышереченныя лейтенанты Дмитрей Лаптев и Харитон Лаптев, маия 25 739 году в Якуцк прибыли, а из Якуцка Дмитрий Лаптев июня 5, а Харитон Лаптев 7 чисел того ж 739 году к Северному морю Леною рекою отправились, а прошлого 740 году апреля 2 дня получен от помянутого лейтенанта Дмитрия Лаптева репорт, которым объявляет прошедшего де июля 29 дня 739 году по многим ото лдов препятствиям и возвращением з ботом от Быковского мыса, лежащаго при реке Лене, вышел на море и 30 числа пришел к неломаному лду и по учиненной описи взял намерение итти заберегою, и подле неломаного лда, пришли к земле, лежащей (л. 106 об.) к югу и того ж числа на вечер зделался от стороны зюид вестовой шторм и едва де не разтерло их ко лду лежащем от них ванлее, но пременою де ветра от того бедствия спаслись. А 31 числа июля приближались к устью реки Амолоевой и за жестокостью ветра лежали на якоре августа по 4 число, а оное число пошли подле берега в северу и на вечер пришли к мысу Борхоу в ширине 71 градуса 58 минут, у которого лед стоит неломанной; как положение земли, так и оной простирался в растоянии от земли в полуторех милях немецких. А к самому де мысу забереги меньше, которыми они шли; потом де и не стало забереги, чего ради легли на якорь, и зюид вестовым ветром от стоячего лда отламывая нанесло на них много лда, которыми прижало к самой земле, а на якорь лечь неможно за теми носячими лдами и, за одну стоячею на восми футах на мели лдину закрепясь, пробавились до полудни 5 часа и тем же де ветром зделало заберегу и 5 числа пошли в путь их, и от того де мыса протягивается коса в море больше 4-х миль немецких и вся навалена лдами, которую обходя чаяли, что оную косу обходили, зашли в ускую меж неломаных лдов прогалину и от стороны южной (л. 107) тех лдов чает носячие, а к северу де недвижимы стоят, и поворотясь, назад пошли к Борхоу, но ветер окрепчал, и те носячие лды нанесло к стоячему в 1/4 мили и как де они в канале стали и подошли к неширокому месту тех южных лдов и, всех людей з боту выслав на лед, розломали и ботом на парусах вломились во оные лды и вышли к южному берегу на свободную воду, а 10 числа того ж августа пришли к реке Яне, где северным ветром к берегам Яны, сколко видно было воды на море, всю тем лдом покрыло и высокие стены их натерло и ежели б де они не перешли от приглубокого берега на отмелой, то б их тем лдом и разтерло и до 13 числа пробавлялись, переходя с одного на другое место, крепясь за лдины стоячие на мели, а оное число пошли паки в путь, и, пришед к Чуркиной земле, лежали на якоре и ото лдов и шторму в великом страхе были

и в безпокойстве. А 14 с полудня на 15 число обошли Святой нос, лежащей в ширине 72° 47′, у которого от самого берега лед стоит неломаной, глаткой и здоровой как среди зимней, разстоянием з полмили немецкой, да при том и ломаного много и меж камнем и лдом невеликая заберега, где они проходили и прошед (л. 107 об.) самой Святой нос берег протягался прямо к востоку самой ниской и отмелой местами в 2-х и в 3-х милях немецких от земли, а глубина от 10 до 8 фут воды, и берега не видеть, и шли они, держась оного, и 20 числа выслали вожа с якутами для искания устья реки Индигирки и чтоб зделали им знак, а 22 числа пришли на пресную воду, и послали на шлюпке для осмотру устья.

И того ж числа в ночи зделался ветр крепко от земли и потом шторм и разлучило их с шлюпкою и потом оной сыскать не могли и берегов за отмелми не видали, а ветром восточным многое множество лдов нанесло, в которых днем с нуждою на парусах пробавлялись, а ночью поднимали и опущали якорь, и всеми людми шестами отпихивая лды, спасались и подались еще к зюйдосту около шести миль немецких, а 29 числа августа паки на пресную воду пришли и узнали, что надобно быть в том месте некоторой болшей реке и искали ботом входу, ибо де у них никакова судна малова не было и приходили на 6½ фут. И того ж числа после полудня меж (л. 108) старых лдов носячих по всему морю замерзло, в которых ходя на парусах форштевен ботовой и нашивные доски как пилою протерло и, закрепясь за лдину старую, стоящую на мели, стали начевать. И того ж августа 30 числа оттеплело, и ветром новой лед розломало, и для сыскания входа в устье послан был штюрман Щербинин на лотке, которых зделали на боту две из бочешных обручей, обтянув смоленою парусиною. И оной Щербинин, чрез три часа возвратясь, репортовал, что способного входу в устья не сыскал и земли не видал, а доезжал до полутора фут глубины. И того же числа он обратно послан к берегу, чтобы, вышед на землю и подле земли, искал устья и жилых мест и чтоб им ко входу учинили помощь. И оной де штюрман той же ночи с нуждою до берегу добился, разламывая новыя лды, а ночью от берегу болше лды укрепились к нему, Лаптеву, оной Щербинин не возвратился, а сентября на 1 число ночью все море к старым лдам, которых носячих и стоячих множество было, совершенно замерзло. А с 4 числа на 5 ветром вестовым воду высоко взвело и старые лдины, стоячие на мели, и новой поднело и от зюид веста штормом со всеми теми лдами от земли понесло их в море и около 15 часов несло и вынесло на глубину 5 сажень, а от прежняго места (л. 108 об.) около 40 верст отнесло. Потом ветр стал потише и переменился меж норда и веста и помалу приближило с теми лдами к южному берегу, и носило до 7 числа сентября, а 7 числа остановило, чрез которое де время спасение их весма де было отчаянно, да и в дровах и в воде нужду имели. А 10 числа сыскали посланными з боту третье Индигирское устье, которое х Ковыме лежащее в ширину 72 градусах 2 минутах разность длины от Быковского мыса 22 градуса 58 минут, от которого их поставило в двух немецких милях. И того ж числа и 11 сентября правиант и всякия тягости людми по лду на нартах на берег возили и, сыскав на промысле новокрещеного коряка, который им объявил, что вверху де по оной реке в полуторах стах верст жила, 5 зимовей, русские и разных родов новокрещеные и якуты, от которых людей получил он, Лаптев, в перевоске с судна на берег правианта и протчих припасов немалую помощь, а он де

Лаптев, со всей командой и опасными вещами прибыл в зимовье и будут в нем зимовать, а высланные з боту служители все х команде собрались (л. 109). Токмо де шлюпку унесло в море да из оных людей вож да салдат ознобили ноги, и оной реки Индигирки три устья им, Лаптевым, описаны и осмотрены, точию де весма мелки, а имянно Алазея берег и устье описаны и такие ж мелководные, и, кроме реки Алазея берег и устье описаны и также ж мелководные, и, кроме реки Ковымы, ботом от самова Святова носу нигде войтить неможно и берег самой отмелой и погибелной, нигде судна и малого блиско не подпускает. А на глубине лды всегда носячие и стоячие, а по берегу де у Яны и у Индигирки суда, из моря выброшеныя, и якори и снасти и поныне есть, и следовало то, что они за неимением порта пропадали, ибо от самого Святова носу до Ковымы, как выше объявлено, нигде в реку войтить неможно, и бот их стоит на море во лдах и может ли спастись, не знает, и ежели де он может спастись, то впредь будущее лето 740 году будет следовать до Ковымы и х Камчатке по силе данной ему инструкции. А ежели де бот не сохранитца, то он, Лаптев, будет следовать сухим путем до Ковымы и до Анадырского острога и о всем де вышеписанном от него, Лаптева, в адмиралтейскую (л. 109 об.) колегию обстоятельной репорт и карта морскова берегу от реки Лены до реки Алазей с нарочным послана. А где ныне оной лейтенант Лаптев обретаетца, и бот, ото лдов сохранился ль, о том от него, лейтенанта Лаптева, репортов и поныне не получено.

А вышереченный лейтенант Харитон Лаптев репортом, писанным сентября 28 дня 739, а полученным апреля 2 дня прошлого 740 годов, объявляет, июля 19 дня 739 году прибыл на устье к морю. А вышел на море июля 21 дня и отшед от берегу миль 7 галанских к весту, и начались де быть лды великия, меж которыми с великою трудностию проходили и в таком состоянии до 6 числа августа были и того ж числа пришли в Хатонскую губу, в которой от великого ветра с моря и великих лдов едва спасались августа по 14 число, к тому ж у двух якорей у одного переломило веретено, а другова надломило по два рога. И того ж числа пошли в море, а потом де в ширине 76 градусах прижало их густым лдом к берегу восточными ветрами и чрез двои сутки едва отнесло мало (л. 110) от берегу и пошел в путь и случилось между лдами разпихиватца шестами. И того ж августа 21 дня пришли против Таймурской губы в ширине 76 градусов и 41 минуты ко лду стоячему, который начался от самого берега и лежит от берегу чрез вест и норд и к нордосту неломаной. И того ж августа 21 дня пришел к мысу, названному от него Санкт-Фадея, от которого простиратца берег до реки Таймуры на зюид, а в другую сторону на вест, и оттуда посылал он, Лаптев, на имеющихся при нем сабаках на нарте по лду геодезиста около берегу, которой чрез 12 часов и возвратился и объявил, что далее ему ехать неможно, понеже де подле берега, лед очень худ и множество полыней, а дале от берегу за великим туманом ехать было неможно, а путь ево был на вест, а с помянутого де мыса, когда туман подыметца, на самое малое время видим был берег и горы высокие к норд и нордвесту милях в восми галанских, которой де берег, как видно, что лежит от сего берегу к норду. И того ж августа 22 дня, учиня консилиум служителми, что повидимому, далее иттить некуды, к тому же по ночам в тихих местах мерзнет и того ж августа 23 дня возвратился паки назад в ближней порт для зимовья в Хатонскую губу, а потом вошел в реку Хатонгу и августа 29 дня

стал в способное место (л. 110 об.) в ширине 72 градусах 56 минутах, где и зимовал. А ныне где обретаетца, о том неизвестно .

8.

Понеже ея императорское величество со всемилостивейшим намерением, дабы конечно американские берега известны были, указала для обыскания оных отправить вас от Камчатки морем к востоку, чего ради по прибытии с порученными в команду вашу служители в Охоцкой острог, ежели тамо по определению 1731 году начаты или построены судны, то оные, освидетельствогав, буде в показанной вояж годны, то из них два судна взять, а буде не достроены достроить, а ежели ж оных незачато строить или зачаты да негодны во оной вояж, в таком случае ея императорское величество указала в Охоцке за недоволством тамо лесов не строить, а по представлению вашему, капитана командора, ради удобности рейда в реке Камчатке и при довольстве лесов построить на той (л. 111) реке Камчатке два пакет бота, для того, ежели учинитца одному какое несчастие, то бы от другова было вспоможение и известие; буде же паче чаяния в Охоцке начато или построено одно судно и в вояж годно, то достроить и к тому и другой пакет бот построить на Камчатке. Однако ж ныне капитан Чириков представлял заполезнее оные суды или по нужде из них одно построить в Охоцке. Чего ради вам по прибытии в Охоцк, разсмотря по нынешнему времяни и по тамошнему состоянию, учинить с протчими афицеры консилиум, и где построить оные суды ко интересам ея императорского величества заспособнее потребно, в том месте оные суды, какие за лутчее к вояжу разсудятца построить и вооружить оные артилерию и в протчем исправить, как надлежит по вашему ж рассуждению.

На 8.

Прошлого 732 году маия от 15 дня в приобщенном при указе вашего императорского величества ис правительствующаго сената в 18-м пункте х капитану командору хотя и написано, как скоро Писарев и мастеровыя люди в Охоцк прибудут, то судна четыре или шесть зделать для перевозу на Камчатку купецких людей и ясашной казны, точию не токмо четыре или шесть, но и ни одного судна до 737 году осени и строить не начато, и для того в общем собрании капитан командор с капитанами Шпанберхом и Чириковым и лейтенантом Валтоном за лутчее расудили построить два пакет бота при Охоцку, которыя заложены и строить начаты того ж 737 году ноября 12 дня, а строением (л. 111) окончались и на воду спущены в прошлом 740 году первой июня 29, а второй июля 2 чисел.

9.

На тех судах на одном вам, (л. 111 об.) капитану командору Берингу, а на другом капитану Чирикову следовать, не разлучаясь обоим и в том следовани искать американских берегов и островов с крайнею прилежностию и старанием [7]) и чинить вам, господину капитану командору, со общаго согласия с капитаном Чириковым по науке морской, к чему в совет приобщать посланного Академи наук профессора и для того сперва итти по предложению и мнению помянутого профессора и по

вашему общему разсуждению и когда самые американские берега там, как чаетца, найдете, то на оных побывать и розведать подлинно, какия на них народы и как то место называют и подлинно ль те берега американские и, учиня то и разведав, в верным обстоятельством поставить все на карту и потом итти для такого ж разведывания подле тех берегов, сколко время и возможность допустит по своему разсмотрению, дабы к Камчацким берегам (л. 112) могли по тамошнему климату возвратитца во благополучное время, и в том у вас руки не связываютца, дабы оной вояж от того не учинился небезплодной как и первой, а какия о разных путях до Америки от Академи наук инструкции учинены, с тех вам сообщается при сем копия, с которой, буде о чем принадлежит, и капитану Шпанберху сообщить и, возвращаясь к Камчатке, осматривать иных новых земель или островов и содержать себя во всякой опасности, чтоб не впасть в какия руки и не показать им к себе пути, о котором они никогда не слыхали. А по возвращении к камчацким берегам о том вояже и обо всем прислать в колегию диурнал и другия доволныя ведомости и карту с нарочным афицером, которой будет в том вояже, и отправить его оттуда через почту, а самим остатца тамо и ожидать указу. (л. 112 об.).

На 9.

Прошлого 740 году ис построеных (л. 111 об.) при Охоцку двух пакет ботов один поручен в команду капитану Чирикову и на оных обоих судах пошли от Охоцка к Камчатке чрез Пенжинское море сентября 8 числа и прибыли в гавень, названную нами святых апостол Петра и Павла (которая имеется в Авачинской губе, лежащей в восточном Камчацком берегу), октября 6 числа благополучно и за поздым временем к американским берегам не следовали и зимуем во оной гавани, а по вскрытии лда, ежели бог соблаговолит, не упуся удобного времяни, отправимся в показанной нам вояж, а что в том вояже по силе данной капитану командору инструкции нами ко исполнению учинено будет, то по возврате из того вояжа неукоснително в адмиралтейскую колегию диурнал и карта и другия доволныя ведомости (л. 112) с нарочным афицером чрез почту отправлены быть имеют, а с сообщенных при оном пункте учиненных от Академии наук инструкцей капитану Шпанберху списаны точныя копии и отосланы при ордере прошлого 738 году, апреля 12 дня. (л. 112 об.)

10.

Ежели паче чаяния по сей инструкции за каким случаем осмотреть и описать в одно лето не допустит вам время, о том пути о всем обстоятелно репортовать, а самим, не ожидая указу, следовать и во окончание то приводить в другое лето, разве конечно усмотрено будет что за каким приключившимся препятствием дойтить будет невозможно и ненадежно, тогда учиня консилиум со обретающимися в команде вашей обер афицерами возвратица и следовать к прежнему месту, и о том против вышеписанного со обстоятельством репортовать и во всем том вояже держать диурнал по морскому регламенту, тако ж ис пеленги, где случай допустит и с описанием берегов и островов и форватера по правилам навигацких наук, чтоб из оных можно было учинить обстоятелную и верную карту. (л. 113)

На 10.

По силе оного пункта по крайней нашей возможности впредь исполнять будем. (л. 113).

11.

Ея ж императорское величество указала ради обсервации и изыскания пути до Японии построить на Камчатке реке один бот с палубою и две дубель шлюпки о 24-х веслах каждую с палубою и, построя и вооружа, следовать в показанной вояж капитану Шпанберху. Буде же оставшей от прежней экспедиции бот найдетца в таком состоянии, что на оном в вояж итти будет можно и безопасно, то вновь показанного боту не делать, токмо построить к прежнему вышепомянутые шлюпки, о чем ему, Шпанберху, в каком ту экспедицию действителном отправлении иметь, доволная (л. 113 об.) инструкция учинена и сообщается вам при сем, точию вышеименованные суды для того вояжу хотя и определено построить, однако ж учинить вам общее с ним, Шпанберхом, разсуждение так, как выше по 7-му пункту определено, и построить к тому вояжу суды, какия способнее и безопаснее быть могут, и удоволствовать ево, Шпанберха, по положенному комплекту или по вашему разсуждению служителми и в протчем во всем, что по оной инструкции подлежит, дабы ему до отправлению той экспедиции ни в чем недостатку не было. А что ему, Шпанберху (л. 114), при отправлении ныне наперед в сибирские городы подлежит тамо до исправления во изготовлени артилерии матриалов, припасов, правиантов, лесов и протчаго и до строения судов, о том вам ныне дать со оной инструкции надлежащее ему, Шпанберху, определение и обстоятелную ведомость, как выше в 5-м пункте изъяснено; что же касается до действителного ему, Шпанберху, по той инструкции исполнения в походе и до обсервации пути к Японии, о том вам потому ж со оной инструкции ордеровать или определить письмянно ево, Шпанберха, в то время, когда тому вояжу время приспеет и когда, с помощью божиею, ис того вояжу он возвратитца, тогда вам взять (л. 114 об.) у него обо всем доволныя ведомости и карту и обстоятелной диурнал и сообща вам о своем вояже с такими ж ведомостьми отправить суда и при том послать для лутчаго уведомления кого подлежит из служителей, которые с ним будут в вояже, а буде в то время вас не будет, в таком случае велеть ему поступать по силе учиненной ему инструкции. (л. 115).

На 11.

При отправлении из Санкт Питербурха капитана Шпанберха наперед в сибирския городы, что надлежит до исправления во изготовлении артилери, матриалов, припасов, правиантов, лесов и протчаго и строении судов, дана ему, Шпанберху, от капитана командора Беринга прошлого 733 году февраля от 23 дня инструкция, при которой сколко на которыя суда надлежит заготовить морского правианта приобщены ведомости, в которой инструкции и выше против 5-го пункта упомянуто, а ради обсервации и изыскания пути к Японии, оным капитаном Шпанберхом заложены и строить начаты суда при Охоцку в 735 году, о чем от него, капитана, и репортом объявлено — бригантин июля 4, а дубель шлюпка октября 21 чисел, а бота с палубою вновь не строено, того ради что оставшей бот от прежней экспедиции, как от него, капитана Шпанберха, репортом, полученным сентября 11 дня

736 году, (л. 113 об.) и объявлено, явился де по свидетелству его и ботоваго мастера в вояж годен. И вышеписанныя суда бригантин и дубель шлюпка строением окончались и на воду спущены в 737 году, бригантин июля 7, а дубель шлюпка — того ж июля 19 чисел и по прибытии в Охоцк капитан командор с ним, капитаном Шпанберхом, и капитаном Чириковым и лейтенантом Валтоном сентября 17 дня того ж 737 году во общем собрании имели разсуждение, хотя оные суда как по репорту ево ж, капитана Шпанберха, показано к походу и в готовности, точию за неимением надлежащаго числа морского провианта отправить ево, Шпанберха, в вояж неможно и, учиня определение, отложили оной вояж до 738 году. А после того определения усмотрено, что и кроме провианта и суда каманды его, Шпанберха, плотничною и кузнешною работами к походу еще неисправны были, чего ради для исправления тех работ по требованию ево, (л. 114) Шпанберха, сверх обретающихся в каманде ево служителей посыланы были и ис каманды капитана камандора мастеровыя люди марта в 23 числа того 738 году даже до отбытия ево, Шпанберха, в вояж, о чем от капитана командора в адмиралтейскую колегию репортовано коября 4 числа и чтоб ево, Шпанберха, отправить в вояж конечно весною оного 738 году. Того ради хотя при строени двух пакет ботов в мастеровых людях имелась крайняя нужда, однако ж принуждены оставить с осени 737 году, токмо столко людей, сколко можно чрез зиму имеющимся при Охоцку наличным провиантом пропитать, а досталных всех послать к Юдомскому кресту для перевоски чрез всю зиму от того креста до Урацкого плодбища экспедичного провианта нартами дабы таким способом оному отправлению учинить помощь, понеже иной к тому способности в перевоске провианта, кроме, как людми, учинить было тогда неможно и хотя и с не малым (л. 114 об.) трудом надлежашее число чрез всю зиму на ваяж оного капитана Шпанберха морского и сухопутного провианта от помянутого Юдомского креста к Урацкому плодбищу людми на нартах завезено, которой по вскрыти рек в 738 году от помянутого плодбища судами в Охоцк Ураком рекою с трудом же и с немалою опасностию от неспособного по той реке плавания в Охоцк июня 3 дня того ж 738 году приплавлен и вышереченной капитан Шпанберх надлежащим числом служителми, морским и сухопутным провиантом и протчими припасами удоволствован и того ж 738 году июня 18 числа в показанной ему вояж в трех судах из Охоцка отправлен и прибыл ис того вояжу в Охоцк в 739 году августа 29 дня и усмотрено из ево репортов, что он, капитан Шпанберх, имел две компании и с теми репортами отправлены из Охоцка бывшия в том вояже два человека салдат в адмиралтейскую колегию сентября 10 числа того ж 739 году, а журнал и карту об оном вояже помянутой капитан Шпанберх отправил от себя в адмиралтейскую колегию того ж 739 году из Якуцка; да и в кабинет (л. 115) вашего императорского величества, какое в том вояже им, капитаном Шпанберхом, учинено исполнение прошедшаго 740 году августа от 29 дня всеподданнейше донесено и притом предложена о том вояже карта. А к капитану командору Берингу поданныя августа от 21 дня 740 году от него ж, капитана Шпанберха, компаней 738 и 739 годов дюрнал и карта, по свидетелству всех экспедичных афицеров, явились неисправны, однако ж можно по тому ево дюрналу видеть, что он около тех мест ходил как сочиненною своею картою показывает, точию со оного карты обстоятелной за неисправностию того дюрнала зделать неможно. А какая явилась в

юрнале и карте неисправность, о том в адмиралтейскую колегию обстоятелно репортовано, и тот дюрнал и карта разсмотрению в адмиралтейскую колегию при том же репорте посланы. (л. 115).

12.

Понеже в Сибире прежде сего, а на Камчатке и поныне не токмо вновь приходящих в подданство, но и прежних тамошних народов княжцов, когда они ясак в казну платят, имянем ея императорского величества жаловали и жалуют малыми подарками красными сукнами, прониками, иглами, оловцом и иными мелочными, что при нынешнем случае так далных и важных экспедицей небезполезно чинить надлежит, а наипаче к приласканию на новых землях и на островах тутошних народов, к тому ж и чрез бывшую экспедицию известно, что камчацкой и другия народы чрез малую им дачу китайского табаку, называемого шару, многия способности были, которые издержкою других товаров за велякую цену исполнить нелзя, того ради по взятой ведомости велено на такие подарки (л. 116) надлежащие товары в Тоболске отпустить, которые вам от тамошняго губернатора, по прибытии в Тоболск, требовать и принять, и из них несколко дать тем афицерам, кои отправятца для осмотрения Северного моря, а протчее в Охоцк и на Камчатку при себе отвесть и там во время посылок морских и сухопутных, где нужда и за потребно разсудитца, давать на подарки княжцам и народу по прежним обычаям, потому что там никакия денги не ходят и в них им нужды нет, но все, что им потребно, на зверей меняют. А сколько чего отпущено и куда и в каких случаях в росходе будет, тому иметь особливыя росходныя книги и понеже такия происходящия на сухом пути росходы в содержании их как в прежней экспедиции были, до вас не касаютца, чего ради из Таболска от тамошней губернской (л. 116 об.) канцелярии для содержания таких мелочных и правианских и других росходов — требовать одного камисара. А что принадлежит до содержания правианских и других росходов в бытность на море, те содержать в то время определенным отсюда камисарам.

На 12.

Для приласкания вновь приходящих в подданство и прежних здешних народов княжцов куплено в Санкт Питербурхе для роздачи в подарки разных цветов сукна и олова в блюдах и в торелках, тако ж от сибирской губернской, от иркуцкой правинцыалной и от якуцкой воевоцкой канцелярей принят шар, или табак китайской, крашенина, бисер и протчая мелочь, которыя подарочныя вещи на отправленныя из Таболска, из Якуцка в Северное море и из Охоцка суда и по разчислению, сколко на которое судно надлежит подарочных вещей, отпущено и отданы тех судов командиром и для записки тех вещей в росход даны особливыя (л. 116) прошнурованныя книги. А затем оставшия подарочныя вещи имеются при двух пакет ботах для нашего воляжу. (л. 116 об.)

13.

Покамест в вышепомянутые далные экспедиции приуготовление быть имеет, тогда для осмотру мест, которые почитай в Камчацком море, командировать особливыя одно или два судна с морскими слу-

жителми и с сибирскими служилыми людми, кои те места знают, которым от Охоцка берега морския и впадающия в них реки, даже до реки Уди и ту реку Удь описать. А особливо по оной коль (л. 117) далеко мочно быть водяному судами ходу и сколко же доволна она лесами и угодями к пашне, понеже об ней относитца, что на строение морских судов лесу по ней доволно и земли хорошия, а от устья той реки далее до реки Тугара, на которой бывал российской Тугурской острог и от китайцов разорен и за Тугуром, буде мочно до Амурского устья, а далее хотя б и противности от кого не было не следовать, дабы не впасть у китайцов в подозрение, потому что за Тугуром до Амура и далее Корея и протчия земли — китайского владения, да против Удского устья на Шентарския пустыя острова, кои значат в карта и объявливано об них, что соболей на них доволно и хаживали на них для ловли охотники промышленники, те острова потому ж описать, а до острова болшаго, которой есть и назначен в карте против Амурского и имеетца на том жилье к тому (л. 117 об.) ничем не касатца для вышеписанного резону.

На 13.

По сему пункту для показанного осмотру и описания не посылано, а ныне при сочинении сей ведомости капитан командор Беринг объявил, что той посылки не было за неимением особливых судов, а иногда и за неспособностию служителей и за оскуденем к Охоцку провианта, что удоволствовать в тот путь нечем было, понеже с великою нуждою и обретающихся при Охоцку у строения для надлежащих далных вояжев судов служителей, которых и неполное число при том (л. 117) строении было, едва пропитать могли; а при отбытии ево капитана камандора из Охоцка на Камчатку в прошедшем 740 году августа 26 числа послан от него ордер к капитану Шпанберху, велено по оному 13 пункту, ежели между отправлением ево в ваяж столко способного времяни останетца, и тому ево ваяжу препятствия не будет, исполнение учинить ему, Шпанберху, и для того со оного 13 пункта при том ордере сообщена к нему, Шпанберху, точная копия, а сего 741 году февраля 16 дня, по общему всех экспедицких афицеров определению, послан же к нему, Шпанберху, ордер, в котором написано, ежели он по тому данному ему в Охоцку от капитана командора ордеру исполнения еще не учинил, то б по оному ордеру отправил из команды своей судно и на нем афицера с таким же разсуждением, как и прежде к нему писано было, что ежели то судно ко отправлению ево в ваяж возвратитца может и препятствия ему от того не будет. А буде ж того ему, Шпанберху, конечно за отправлением в вояж учинить неможно, то велено ему отправить геодезиста из Охоцка сухим путем, чего ради от капитана командора послана тому геодезисту инструкция, по которой велено ему в том пути чинить опись берегу морскому от самого Охоцка до вышеупоминаемой реки Уди и описывать же впадающия в море реки, вымеривая глубину оных рек в устьях и тое Уль реку и угодныя по ней к пашне места и леса, можно ль в ней морским судам без опасности зимовать и протчее, о чем в той инструкции именно показано, а от устья Уди реки для такой же описи следовать ему, сколко (л. 117 об.) возможность допустит, к реке Тугуру и ежели увидит, где лежащия на море острова, которые от берегу в виду, те описать же. А буде которые от берегу в близости и можно передать на

лотках без опасности, то и самому ему на тех островах для лутчаго описания и обсервации побывать велено, чего ради, тако ж и для переезду чрез реки з берегу на берег и протчих неудобных мест определено ему, геодезисту, дать одну или две лотки с надлежащими припасы и по исполнении того велено ему о том о всем ево пути исправныя юрнал и карту прислал х капитану командору.

14.

Ея ж императорское величество указала в вышепомянутых всех вояжах подле новых земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штормов или лдов и какия где растут ли леса, к починке морских судов годныя, дабы (л. 118) имея такую ведомость впредь будущее время могли морския суда в такия места для своего спасения и иных потреб заходить надежно, также где возможно и случай допустит, спуская на натуральную землю с конвоем пристойным рудознатцов, понеже к посылающемуся от Академии наук профессору присовокупить велено пробирного мастера Гардебола, которой в 1727 году в партии с капитаном Павлуцким отправлен на Камчатку, да дву или трех человек определено послать с екатеринбурских заводов, в сыскании и в пробах рудных наученых людей, с принадлежащими инструментами и велеть осматривать не найдутца ль где богатыя металы и минералы и буде есть, то брать руды зделать малыя, а потом по надежде и свидетелству смотря болшия пробы и описывать такие места особо; буде же в подвластных Росии местах такое подземное богатство откроетца, от которого по болшим пробам (л. 118 об.) прибыль покажетца, о том, не упуская вдаль, по возвращению объявлять охоцкому командиру, а в протчих местах другим командиром, а им определено на особливых судах ис посланных мастеров и с ними надлежащее число людей для охранения и работы, и инструменты, и припасы, и правиант посылать и всемерно старатца в настоящее действо производить в ползу и в прибыль интереса ея императорского величества, и исполняя то, писать в сенат и прислать пробы руд.

На 14.

О осматривании островов, лесов и удобных мест к пристаням и о протчем по силе оного пункта по всей возможности нашей старатца и исполнять будем, а для посылки на натуралную землю, хотя и велено присовокупить Академи наук к профессору пробирного мастера Гардебола да двух или трех человек с Екатеринбурских заводов наученых людей с принадлежащими инструментами для осматривания богатых металов и минералов, точию оной мастер Гардебол отправлен (л. 118) по некоторому важному делу в яркуцкую правинциалную канцелярию в прошлом 740 году в феврале месяце, а во время проезду в 733 году чрез Екатеринбурх, хотя капитаном командором и учинено обще з генералом Генингом определение, чтоб отправить во экспедицию от нерчинского бергъамта для изыскания металов и минералов знающаго из мастеровых людей, точию от помянутого бергъамта не прислано, а ныне обретающейся на Камчатке адъюнкт Штеллер писмянно объявил, что он в сыскании и в пробовании металов и минералов надлежащее искуство имеет, которой для оного исполнения в наш вояж и

возметца, а в подвластных Росии местах, где обреталась экспедичная каманда, металов и минералов по сие время никаких не сыскано. (л. 118 об.)

15.

По особливому предложению Академии наук профессора Людвиха делиль де ля Крюер, который принимает на себя все наблюдения остроиомическия и физическия и протчая по особливым инструкциям, в сенат поданным, определено быть с ним особым служителем, также в бытность с вами помоществовать ему (л. 119) в советах и в протчем, что касается к ынтересу ея императорского величества, в чем по случаю вам куда позовет чего ради, вам оного в совет по сему прчазывать, ему ж профессору, по ево представлению, покамест по прибытии своем будете морския суда делать, тем времянем свободю в Сибири отправлять обсервации остроиомическия во всех тех местах, где приличио будет, и ежели где такия обсервации будет чинить в бытность вашу и протчих афицеров, в том ему помогать и потребным снабдевать.

На 15.

По сему пункту и против нижеписанных 16-го и 17-го пунктов, что касалось до исправления, то исполняли, а что впредь по оным же пунктам ко исправлению принадлежит, то со всякою возможностию исполнять будем. (л. 120).

16.

Понеже при нынешнем случае как в приуготовлениях, так и для правления внутреннего в такой далности и новом обширном месте одному тому, которой определен или по прежнему указу определитца на Камчатку, исправитца за невозможность признаваетца, того рали (л. 119 об.) ея императорское величество указала отправить в Охоцк командира, выбрав здесь достойного, и подчинить тому охоцкому командиру Камчатку и все тамошния поморския места, потому что поныне все состоит в ведомстве одного якуцкого воеводы, у которого и бес того доволно в ведомстве останетца, как явствует в лант карте и что по прежним отпределениям велено было исполнять Писареву, а потом вам, капитану командору, касающееся до перевозу и поселения людей и до размножения хлеба, скота и ясашных и кабацких доходов и протчаго и до содержания тамошних народов и с них збору ясашного в порятке для того, что вы с протчими будете действителны в одном мореплавани, а до Камчатки и Охоцка и приуготовления всяких потребностей по отбытии вашем в порте и ко управлению тамошняго народа свободного времяни не останетца, сверх же того ежели какой нужной случай позовет в мореплавани, то морским надежда быть может на охоцкого командира, которой как людми, так и протчим помогать будет. Чего ради во всем, что ко отправлению порученной вам экспедиции надлежит в бытность тамо ко удоволствию оной иметь сношение (л. 120) и требовать всего, как по сему положено, от охоцкого командира, о чем ему дана будет ис правителствующего сената полная инструкция.

17.

Хотя о действителном оной экспедиции отправлении в доволном изъяснении обо всем до исполнения вам подлежащим сия инструкция определяетца, однакож при сем ис подлинного ея императорского величества имянного указу, каков ис правителствующего сената в адмиралтейств колегию прислан для известия, сообщается копия, по которому следуя сей инструкции исполнять непременно.

18.

Что же принадлежит до известия от вас о той экспедиции, в том вам поступать по нижеписанному о состояни порученной вам команды присылать в колегию репорты (л. 120 об.) по случаю времяни, а о протчем до исправления оной экспедиции подлежащем репортовать в адмиралтейскую ж колегию и, ежели что до нужного будет касатся, о том писать не продолжая времяни, и те репорты посылать чрез охоцкого командира и иметь сию инструкцию в секрете, а для публичного показания сообщаетца вам, тако ж капитану Шпанберху и афицеру, который пойдет из Лены в Камчатку, особыя инструкции.

На 18.

О состоянии команды и о следовании всего пути от Санкт Питербурха капитана командора с камандою (л. 120 об.) во экспедицию и об отправлении из Якуцка сухим путем на лошадях вьюками до Охоцка и водяным путем до Юдомского креста правианта и каким способом от того креста перевозили в Охоцк матриалы и правиант и за какими препятствиями строение подлежащих ко экспедиции нашей морския суда продолжались, о том от капитана командора в адмиралтейскую колегию репортами предложено да и сообщенным при сем на проэкт экстрактом чрез какия трудности за неспособностию пути правиант и матриалы в Охоцк перевозили всеподданнейше в кабинет вашего императорского величества донесено, а сообщенныя при оном пункте для публичного показания капитану Шпанберху и афицеру, следующему из Лены реки х Камчатки, инструкции от капитана командора в надлежащее время отданы.

19.

В протчем во всем, что до интересов ея императорского величества (л. 121) во отправлении оной экспедиции надлежит поступать как верным, добрым ея императорского величества рабом и благоискусным морским афицером благопристойно и надлежит, за что сверх того, что в бытность во оной экспедиции определены двойными оклады, когда в том пребудете и дело свое с ползою интереса ея императорского величества скончав, возвратитеся, то еще обнадеживает ея императорское величество милостивейшим награждением; ежели ж в чем в противность ея императорского величества указов и регламентов и сей инструкции поступите, в том имеете ответствовать и содержать сию инструкцию секретно, а для публичного показания сообщается вам особая при сем инструкция.

На 19.

Во отправлении порученной нам экспедиции и к приобретению пользы и интересов вашего императорского величества (л. 121) как надлежит всеподданнейшим и верным рабом поступать и по крайней нашей возможности исполнять должны.

20.

Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оного отнюдь в партикулярных писмах никому не писать (л. 121 об.) ниже к тому, от кого отправлен кроме настоящих реляцей, а ежели какое препятствие от кого в том или ином будет его делу, то писать волно куда за благо разсудит, толко упоминая о врученном ево деле генерально, отчего оному повреждение есть, также ежели случатца дела посторонние, тайне подлежащие, а в реляциях к тому, от кого отправлен, писать будет, за каким подозрением невозможно, то волно писать кому о том поверит, а о врученном своем никак инак толко как вышеписано под жестоким наказанием по вине преступления, и сей указ посланным от тебя всякому писать в инструкциях (л. 123).

На 20.

Сей указ отправленным с командами афицерам и всякому посылающемуся (л. 121 об.) от каманды в инструкциях для исполнения прописыван. (л. 123)

Capitain Commandeur Witus Bering.
Флота лейтенант Иван Чихачев.
Styrman Swen Waxell. Leutenants Rang of flotten.
Штурман в ранге от флота лейтенанта Миха'ла Плаутин.
Флота мастер Сафрон Хитрово.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Лассиниус, Питер, капитан, родом датчанин, на русской службе, с 1725 года, участник 1-й и 2-й экспедиций Беринга; во время 2-й умер в декабре 1735 г.

2) Прончищев, Василий, капитан-летейнант, умер 30 августа 1736 г.

3) Лаптев, Дмитрий, лейтенант, один из видных участников 2-й Камчатской экспедиции, был назначен на место умершего Лассиниуса, работал по обследованию северных берегов Азиатского материка. Кроме тех «вояжей», о которых говорится в публикуемых документах, Дмитрий Лаптев с июня 1740 г. продолжал описание северных берегов. Он доходил морем до устья р. Колымы. Летом 1741 г. он еще раз пытался обойти морем Баранов камень, но это ему не удалось. Тем не менее он продолжал описание берегов и рек. Умер после 1762 г.

4) В декабре 1737 г. в адмиралтейской коллегии были получены и рассмотрены очередные донесения Беринга и Лаптева, касающиеся хода экспеиции по северным берегам Ледовитого океана; тогда же Беринг прислал в коллегию составленное «из дел прошлых лет, находящихся в Якутской канцелярии» «рассуждение академических профессоров Де-ля-Кройера с товарищи о том, что прежде от Лены не только до Колымы реки, но и от оной, обходя Чукотский нос, до Анадырска ход морем бывал». В полученных рапортах указывались разные «трудности» похода и даже «невозможность» морского пути у северных берегов Ледовитого океана. Коллегия не согласилась с этим и нашла, что многие «основательные обстоятельства» дают возможность на вполне благоприятное разрешение этого вопроса. Коллегия отнеслась весьма скепти-

чески к некоторым показаниям начальников отдельных экспедиций, указывала, например, что «еще непосыланный к востоку от Лены офицер по некоторым известиям» утверждал «о наибольшей трудности и невозможности найти проход в тех морях, до которых еще не доходили». Настойчиво требуя, чтобы были приняты всевозможные меры для благоприятного решения вопроса, коллегия рекомендовала по возможности ранее выходить в море, следить за состоянием льдов, не очень удаляться на зимние стоянки и т. д. Между прочим, признавая все опасности этих путешествий, коллегия все же сочла нужным сделать такое внушение: «что же касается до великих страхов в том походе, как на море ото льдов, також и по берегам от пустых и неизвестных мест, и сие правда, что не без трудностей и без страха миновать возможно», однако, как видно из исторической справки, составленной профессорами, уже с 1637 г. были совершаемы походы по северным берегам Ледовитого океана, причем эти путешествия предпринимались «незнающими навигации людьми и, почитай, погибельными (т. е. весьма опасными) судами», на которых паруса делались из оленьих кож, а доски прикреплялись ремнями, якори были деревянные «с навязанными камнями» — и все же даже при таких условиях люди ходили морем, а к современным морякам, «уже искусным в навигации и практике» к морякам, пользующимся морскими судами, которые сравнительно с вышеописанными «к мореплаванию безопасны суть» — по мнению коллегии, должны быть предъявлены другие требования. («Материалы по истории русского флота» т. VIII, стр. 286—322).

5) Гмелин, Иоганн-Георг, (старший), академик, натуралист (12 августа 1709 г. — 20 мая 1755 г.), участник 2-й Беринговской экспедиции, откуда он возвратился в Петербург 16 февраля 1743 г.; результатом его поездки по Сибири было 2-х томное изданке «Reise durch Sibirien». В 1747 г. он выехал за границу и назад более в Петербург не возвращался.

6) Лаптев, Харитон, двоюродный брат Дмитрия Лаптева. В экспедиции Беринга он начал работать с марта 1738 г. продолжал описание северных берегов к западу от устья Лены. Кроме тех поездок, о которых говорится в публикуемом отчете Беринга, Х. Лаптев в марте 1740 г. послал геодезиста Чекина описать береговую линию полуострова Таймыра. В 1740 г. он снова пытался выехать в море, но 16 августа был вынужден высадиться на берег и добираться со своей командой пешком до прошлогодней стоянки. После этого он много работал над описанием Таймырского полуострова с суши, к чему приступил с весны 1741 г.; под его наблюдением в это время работал подштурман Челюскин, добравшийся 7 мая 1742 г. до самой северной точки Таймырского полуострова — мыса Северо-восточного (теперь мыс Челюскина). Умер 21 декабря 1763 г.

7) При отправлении Беринга в 1-ю экспедицию, ему было поставлено целью, чтобы он во время своего путешествия к Америке доехал бы «до какого города или местечка европейских владений», т. е. ехать до встречи с европейцами. При отправке во 2-ю экспедицию признано было, что этого делать не следует, как в силу дальности и продолжительности в таком путешествии, которое затянулось бы на целых два года, так и особенно по дипломатическим причинам: Америка состояла «под протекцией» Испании, а «небезизвестно, что тамошние народы без позволительного от королевского величества испанского указа ни с кем коммерции не имеют». По мнению русского правительства, встреча с европейцами была более опасна, чем встреча с туземцами: «паче же состоит опасность, дабы не впасть при сильном или противном случае в какое несчастие от тамошних европейского владения мест», ибо «кто туды приходит, тех противными поставляют». Поэтому целью 2-й экспедиции и было поставлено только отыскание морских путей к американским берегам (Материалы по истории русского флота, т. VII, стр. 523—524).

Из записной книжки архивиста

Церковь и реформа 1861 г.

Печатаемые ниже документы освещают один из любопытных моментов подготовки царизмом опубликования манифеста 19 февраля 1861 г.

Подготовляя реформу, царь прекрасно отдавал себе отчет в том, что крестьянские волнения неизбежны при опубликовании манифеста 19 февраля. Неудивительна поэтому та мобилизация реакционных сил, которая должна была ослабить и подавить крестьянские восстания. Церковь, этот реакционнейший оплот крепостничества, была призвана выполнить свою исторически-контрреволюционную «миссию» при опубликовании этого манифеста. Лихорадочная мобилизация церкви, начавшаяся в конце ноября 1860 г., ярко отражена в первых четырех публикуемых документах. В течение шести дней «главный штаб» церкви, во главе с обер-прокурором синода А. П. Толстым и московским митрополитом Филаретом, составителем манифеста 19 февраля, выработал план действий духовенства на местах. Накануне подписания царем манифеста А. П. Толстой разослал епархиальным архиереям циркулярное отношение от 17 февраля 1861 г., где давались директивы, как проводить реакционную агитацию. При проведении контрреволюционной агитации ставка делалась на сельских попов. Причетники (низший церковный клир) как «неблагонадежный» элемент от этой агитации устранялись из тех соображений, что в массе своей это были выходцы из крестьянской среды, интересы которой были для них ближе, чем интересы помещика-крепостника.

В некоторых губерниях царской России контрреволюционная агитация попов достигла своих результатов, как это видно из секретного донесения вологодского епископа Христофора в синод от 20 февраля 1861 г. (документ № 5). Но в целом ряде губерний эта агитация не имела успеха, и крестьяне расправлялись не только с помещиками, но и с их слугами: попами, бурмистрами, конторщиками и т. д.

Где поп не смог внушить крестьянам «божественное» и «евангельское» их «освобождение», там внушали им это царские усмирители восстаний. По распоряжению царя-«освободителя» от 10 февраля 1861 г., командируются во все губернии, генералы и флигель-адъютанты с определенным заданием: «наблюдать за приведением в исполнение новых положений и за сохранением при этом порядка и спокойствия». Этим же посланцам «в случае возникновения между крестьянами каких-либо беспорядков предоставлялось принимать все меры к прекращению беспорядков, требуя себе полного содействия и даже подчинения всех местных властей и воинских начальств».

Начавшиеся крупные крестьянские волнения в Пензенской губернии заставили царя командировать генерал-адъютанта Яфимовича на помощь генерал-майору Дренякину, ранее отправленному в названную губернию. В царском рескрипте от 16 апреля 1861 г., Яфимович получил диктаторские полномочия для суровой расправы с восставшими крестьянами: «Я разрешаю вам употреблять в нужных случаях все расположенные в сих губерниях войска, кои должны в точности исполнять все ваши приказания... Более всего обратите внимание ваше на подстрекателей и главнейших зачинщиков беспорядков. Противу них должны быть принимаемы самые строгие меры, и я разрешаю вам, — в тех случаях когда вы признаете нужным и когда мое разрешение не может быть вами испрошено по телеграфу, — предавать подобных, вредных для общества, людей военному суду по полевому уголовному уложению и утверждать и приводить в исполнение приговоры сих судов на правах, командиру отдельного корпуса предоставленных» *).

---

*) ЛОЦИА, мин. внутр. дел, земский отдел, 1861 г., д. № 21, лл. 1—2.

Действуя на основе такого царского «повеления», Дренякин и Яфимович расправлялись с восставшими крестьянами со всей яростью крепостников.

Наиболее крупным восстанием в Пензенской губ. было восстание в селе Кандиевке, Керенского уезда, которая являлась центром восставших крестьян всего уезда.

В результате расправы ген.-майора Дренякина с восставшими в Кандиевке 8 человек было убито, 26 ранено и 114 человек наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь на каторгу *). 14 августа 1861 г. пензенский архиепископ Варлаам доносил синоду: «Крестьяне Чембарского и Керенского уездов, виновные в возмущении и дерзких поступках противу местных властей, по распоряжению свиты его императорского величества генерал-майора Дренякина наказаны, и многие из них сосланы в Сибирь; за тем в этих уездах водворены, спокойствие и тишина» **).

Так расправлялись помещики-крепостники с восставшими крестьянами в 1861 г. Вооруженной силой и военным судом проводилась реформа в тех местностях, где попы были бессильны идеологически обработать массы и тем ослабить недовольство крестьян.

Крепостническая реформа принесла крестьянам разорение, нищету и голод; но вместе с тем, «1861 г., — говорил В. И. Ленин, — породил 1905 г. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 г.» ***), которая явилась предвестницей великого Октября. Пролетарская социалистическая революция, совершенная рабочим классом в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством ленинской коммунистической партии большевиков, освободила страну от царского деспотизма, крепостничества и реакционной церкви.

З. Гурская

*) Подробно см. статью «Кандиевский бунт» в «Историческом вестнике» 1881 г., VI, стр. 773—793 и отчеты III отделения, напечатанные в книге «Крестьянские движения 1827—1869 гг.», вып. 2. М. 1931 г., стр. 7—8.

**) ЛОЦИА, фонд. Канцелярия синода, 1861 г., № 808, л. 15.

***) В. И. Ленин. Соч., т. XV, изд. 3-е, стр. 146.

№ 1.

Отношение министра юстиции гр. В. Н. Панина обер-прокурору синода А. П. Толстому от 24 ноября 1860 г. *).

Милостивый государь, граф Александр Петрович [1]).

По милости государя императора помещичьим крестьянам дарованы будут средства к улучшению их быта соответственно их положению и пользам государства. Имея в виду предстоящие по сему случаю перемены в их отношениях к помещикам населенных имений и необходимость принять всевозможные меры к сохранению спокойствия, столь необходимого для успеха предположенных мер, я имею честь, с высочайшего разрешения, обратиться к вашему сиятельству, не угодно ли будет сообразить, до какой степени было бы полезно вменить в обязанность, чрез епархиальное начальство, приходским по губерниям священникам, чтобы они, не давая поручению вида исполнения предписания начальства, по обнародовании указа и Положения об улучшении быта помещичьих крестьян, при каждом удобном случае внушали бы крестьянам, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности в отношении к государю и установленным от него властям, объясняя притом, что дарованные крестьянам права и льготы упрочат их благоденствие лишь при постоянном их трудолюбии, нравственном поведении и точном исполнении облегченных повинностей в отношении к владельцам земли. Вместе с сим приходские священники должны иметь самое бдительное наблюдение, дабы церковно-служители, нередко в самых близких отношениях к крестьянам состоящие, не распространяли никаких ложных слухов относительно смысла изданных постановлений и, напротив, в случае неправильных толков, объясняли бы Положения согласно буквальному их содержанию и в духе данных начальством предписаний. В предупреждение же каких-либо со стороны причетников несвойственных с видами правительства толков и распространения оных между крестьянами, нелишним было бы предписать, что если замечены будут со стороны церковно-слу-

*) Канцелярия обер-прокурора синода, 1860 г., 3 отд., 2 ст., д. № 278; лл. 1—3. Документ опубликован в статье А. Пепельницкого, см. «Русская старина», 1912 г.

жителей действия, не согласные с сим предписанием, то приходские священники обязаны немедленно доносить о том своим благочинным для дальнейших по обстоятельствам случая распоряжений.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы удостоверить ваше сиятельство в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Гр. В. Панин [2]).

№ 2.

Отношение обер-прокурора синода гр. А. П. Толстого министру юстиции гр. В. Н. Панину, от 26 ноября 1860 г. *).

Милостивый государь, граф Виктор Никитич.

Поспешаю отвечать вашему сиятельству на письмо от 24 сего ноября о мерах по духовному ведомству к сохранению народного спокойствия при обнародовании указа и Положения об улучшении быта крестьян.

Не успев объясниться с митрополитами с.-петербургским [3]) и московским [4]), сообщаю вам только свое мнение, которое состоит в следующем: во-1-х, циркуляры к преосвященным о принятии мер не должны притти к ним прежде самого указа о крестьянах, во избежание всякого повода к неправильным догадкам и предположениям. Во-2-х, всякое участие причетников в этом деле должно быть устранено, потому что они вообще не представляют достаточного ручательства в том, чтобы можно было уполномочить их вразумлять народ, а напротив, во всех подобных случаях нужен бдительный надзор за ними самими, как справедливо замечено и в письме вашего сиятельства. Наконец, в-3-х, участие в этом деле епархиального начальства чрез священников может быть благодетельно, но наставления в сем случае от преосвященных священнослужителям должны быть изустные, а не письменные, и потому я думаю, что следовало бы ограничиться кратким циркуляром ко всем преосвященным, в котором предложить им, чтобы они вызвали к себе благочинных, а также и некоторых священников по своему ближайшему выбору и объявили, что при теперешних событиях они должны исполнять священные свои обязанности к богом вверенной им пастве со всею любовью и усердием и объяснять крестьянам, получающим новые милости от государя, всю истинную цену этих милостей и сколько они за них должны быть благодарны; благодарность же свою могут они доказать только неукоризненным поведением, трудолюбием, трезвостью и строгим исполнением своих обязанностей в отношении к государю и установленным от него властям.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Гр. Толстой.

P. S. Изустные, а не письменные распоряжения епархиального начальства в этом деле необходимы, ибо опытом дознано, как самые благонамеренные циркуляры в провинциях, где часто увлекаются реторическими фигурами, производят недоразумения, от каких бывают самые печальные последствия.

№ 3.

Письмо обер-прокурора синода гр. А. П. Толстого директору духовно-учебного комитета при синоде кн. С. Н. Урусову от 26 ноября 1860 г. *).

Милостивый государь, князь Сергий Николаевич [5]).

Поспешаю воспользоваться пребыванием вашего сиятельства в Москве и пересылаю копию с бумаги, которая доставлена мне лично Топильским [6]) и которая, как сами увидите, по содержанию своему, при настоящих обстоятельствах, немало и по справедливости озабочивающих правительство, имеет великую важность и требует немедленного исполнения. Просьба моя, как вы угадываете, состоит в том, чтобы испросить совета в этом случае от преосвященнейшего митрополита московского. Его высокопреосвященство, без сомнения, не откажет, хотя кратко, изложить свое мнение на бумаге, дабы оно могло быть для нас полным вразумлением. Оно тем нужнее, что самое отношение написано не совсем ясно: в начале требуется только нашего мнения и соображений о степени пользы предлагаемых мер, а дальше как бы уже к исполнению сообщается инструкция священникам. Недоумеваю также, каким образом священникам и кольми паче причетникам, не

*) Канцелярия обер-прокурора синода, 1860 г., 1 отд., 2 ст., д. № 278, лл. 4—6.

*) Канцелярия обер-прокурора синода, 1860 г., 1 отд., 2 ст., д. № 278, лл. 7—8.

подавая вида, что они исполняют поручение начальства*), вразумлять народ. Опасаюсь, чтобы такое вразумление, обнаруживающее некоторое сомнение или беспокойство, не было бы во многих местах поводом к тем самым недоразумениям, которых желают избежать.

Не нужно мне прибавлять, что ваше снятельство для столь важного дела можете остаться в Москве несколько дней.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего снятельства покорнейшим слугой

Гр. А. Толстой.

№ 4.

Письмо обер-прокурора синода гр. А. П. Толстого московскому митрополиту Филарету от 27 ноября 1860 г.**).

Высокопреосвященный владыко, милостивый государь и архипастырь.

В дополнение к записке графа Панина, представленной вашему высокопреосвященству князем Урусовым, о мерах по духовному ведомству к сохранению народного спокойствия при обнародовании указа и Положения об улучшении быта крестьян, имею честь препроводить к вам, милостивый государь и архипастырь, копию с письма моего графу Панину по тому же предмету. Оно написано мною вследствие требования, чтобы я безотлагательно сообщил собственное мое мнение, которое, как вы сами изволите увидеть из прилагаемой копии, нисколько не препятствует, по получении вашего отзыва, отвечать уже положительно.

По отсылке моего ответа графу Панину мне представилось, что вызов благочинных к преосвященным для получения наставлений будет сопряжен с затруднениями: на приезд к преосвященным нужно время и расходы,— то и другое дорого, особенно в настоящее время. А потому, может быть, всего ближе и вернее для ограждения от всяких ошибок было бы составить и напечатать краткое и сколь возможно ясное наставление для священников и отправить к преосвященным для рассылки священникам. Но чтобы такое наставление составить правильно, необходимо будет иметь в виду самый указ, чтобы не удалиться от духа его и существа.

*) Подчеркнуто в подлиннике.

**) Канцелярия обер-прокурора синода, 1860 г., 1 отд., 2 ст., д. № 278; лл. 9—9 об.

Испрашивая святых молитв ваших, с отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего высокопреосвященства, милостивого государя и архипастыря, покорнейшим слугою

Гр. Толстой.

№ 5.

Донесение вологодского и устюжского епископа Христофора синоду о совместных совещаниях с жандармским подполковником Н. Зариным по выработке мер к ослаблению крестьянских волнений в губернии от 20 февраля 1861 г. *).

Г. вологодский гражданский губернатор [7]) отношением своим от 16 числа сего февраля за № 42 уведомил меня, что по поводу предполагаемого преобразования быта помещичьих крестьян очень естественно может возникнуть между ними нетерпение, с которым они ждут преобразований; в таком положении очевидно желательно употребление всех возможных мер к успокоению умов, дабы устранить всякий повод к беспорядкам. Между тем до его превосходительства доходят сведения, что вместо вразумления крестьян в отношении необходимости ожидать с благоразумным терпением дальнейших распоряжений правительства, находятся люди, которые разными неуместными толками и даже разглашением преждевременных сроков волнуют, хотя, может быть, и неумышленно, крестьян. А как весьма важно в этом отношении влияние священно-церковнослужителей на крестьян, находящихся в их приходах, то на этом основании он просил меня не оставить принять с моей стороны решительные меры, чтобы священно-церковно-служители Вологодской епархии, отстраняя всякие неуместные толки, которые могут вести к превратному пониманию дела и беспорядкам, старались, напротив того, благоразумными внушениями убеждать их в необходимости терпения и доверия к действиям правительства. Вследствие сего отношения и вместе вследствие бывших со мною особых совещаний здешнего жандармского подполковника Николая Зарина по случаю распространения среди народа молвы о скором якобы объявле-

*) Канцелярия синода, 1861 г., д. № 381, лл. 1—2 об.

нии со стороны правительства освобождения помещичьих крестьян от крепостного состояния и по случаю назначения от праздных или неблагонамеренных людей самых сроков к таковому объявлению особенно в 19 день сего месяца, в который торжественно воспоминается восшествие на престол царствующего ныне государя императора, — по резолюции моей предписано из здешней консистории секретными указами благочинным города Вологды и Вологодского уезда, также духовным правлениям Грязовецкому, Кадниковскому, Вельскому и Никольскому, в приходах коих уездов имеются крепостные крестьяне и дворовые помещичьи люди, для объявления священникам оных к надлежащему содействию со стороны их гражданскому начальству по прописанному предмету и оказать нужным приложить к указам нарочно составленное мною по сему случаю воззвание священника к прихожанам из крепостных крестьян и дворовых помещичьих людей для прочтения оного при собрании тех прихожан в церкви в первый воскресный или праздничный день, а в городских вологодских приходских — в 19 число сего февраля, которое, как видно, имело желаемый успех, ибо спокойствие между народом водворилось.

По особенным обстоятельствам сего дела долгом поставляю донесть об оном святейшему правительствующему синоду во известие с приложением копии помянутого воззвания.

Вашего святейшества нижайший послушник Христофор епископ вологодский и устюгский [5]).

№ 6.

Воззвание священника к прихожанам из крепостных крестьян и дворовых помещичьих людей от 17 февраля 1861 г. *).

Во имя отца и сына и святого духа.

Слышу, что между вами, православные, носятся и распространяются слухи, что вот такого-то именно числа или дня объявится вам освобождение от крепостного состояния. Знаем, и все мы знаем, что батюшка царь наш православный крепкую заботу возымел о вас, положил это намерение, и бояре наши русские не спорят о том. Но когда ему, батюшке, угодно о том объявить, — никто этого не знает и знать не может, доколе не придет прямая царская грамота. Одни только люди недобрые, т. е. возмутительные, могут сеять злые слухи, что де пришла воля царская, да не сказывают. А вы не приставайте к пустым толкам; вы, ведь, не бусурмане какие, а народ православный. Когда придет воля царская, то никто ее скрыть не может; объявится вам и боярам во всеуслышание, а дотоле лишнего не толкуйте, чтобы нетерпение ваше как бы не дошло до батюшки царя, — ведь слухом земля полна, — да не прогневить бы вам его за его добродетель к вам. Вашим отцам и прадедам и во сне-то не снилось, какое вам и детям вашим являет милосердие батюшка царь наш. Так не опечальте же его каким-либо бесчинием. Ведь он, отец наш, сокрушается о каждом месте, где непорядок, а тем паче больно ему будет, коли от вас столько облагодетельствованных им, вместо благодарности выйдет какой-нибудь беспорядок. И детям своим закажите крепко положиться во всем на отца-царя и с терпением ждите его воли, а когда придет, то с благодарностью примите все его распоряжения об вас. Не нам уставы писать, — сами знаете. Нам господь бог повелел повиноваться царю, как божией воле над нами; тогда мы и православные, тогда и христиане, тогда и церковь — наша мать и бог — нам отец. А кто царя не чтит всею покорностью, т. е. своими глупыми пересудами пересуживает волю царскую, тот бога не боится, того и церковь извергает. Да сохранит вас, православные, от сего господь бог наш. Идите же с миром по домам, да и детей своих научите так. Аминь.

№ 7.

Воззвание архиепископа полоцкого и витебского Василия к духовенству Полоцкой епархии *).

Высокопреподобные и преподобные отцы!

Вами, без сомнения, уже получены, разосланные епархиальным начальством копии обер-прокурорского циркуляра от 17 февраля сего года за

*) Заголовок подлинника. Канцелярия синода, 1861 г., д. № 381, лл. 3—4.

*) Заголовок подлинника. Канцелярия обер-прокурора синода, 1860 г., I отд., 2 ст., д. № 278, лл. 86—86 об. — Датируется по отношению архиеп. Василия от 10 марта 1861 г., при котором он препроводил в синод это воззвание, отпечатанное в витебской губернской типографии.

№ 872 по предмету улучшения быта помещичьих крестьян. Из них, равно как и из препровожденного вместе с ними указа духовной консистории, вы уже знаете свои обязанности, степень и способ участия вашего в деле, касающемся великого государственного сословия. Вы остаетесь в тех же указанных вам спасителем пределах пастырей и учителей вверенных вашему руководству прихожан и имеете в настоящем случае только применять общее учение веры и нравственности к особому, вновь возникшему обстоятельству в жизни вашей паствы. Чтобы сие применение не затруднило вас при новости обстоятельства, и чтобы, по недоразумению или по чему другому, в своих церковных и домашних собеседованиях с прихожанами вы не уклонились от своей законной речи, стеснив или расширив предметы ее более надлежащего, что может потом отразиться в чувствах и действиях ваших прихожан, я, ваш архипастырь, обязанный за ваши действия ответственностию пред богом и государем императором, счел своим долгом рекомендовать вам следующую программу ваших церковных поучений и домашних собеседований с прихожанами по предмету улучшения быта помещичьих крестьян:

1. Объясняйте своим прихожанам важность монаршего благодеяния по случаю дарования им новых прав и льгот, — объясняйте, что по истечении двухлетнего, начавшегося уже с 19 февраля сего года, срока переходного их состояния, они сами, в пределах закона и общественного порядка, будут распоряжаться своими трудами, сами будут делать свое дело и отвечать за него перед богом, государем и установленным от него правительством, что через два года, то есть, когда все приготовления для нового состояния крестьян по всем именям будут кончены, им будет дарована свобода распоряжаться, согласно новому законоположению, своими средствами, своими силами и своим временем на пользу общую и свою, и на славу бога и государя, их благодетеля, который в благодарность за благодеяние теперь ничего от них не требует, кроме спокойного и терпеливого подчинения своим помещикам, текущему порядку и настоящим условиям их быта, а через два года, когда мирскими управлениями будет везде определено количество земли для пользования крестьянам и размер причитающихся с них повинностей, потребует только труда спокойного, в пределах порядка и закона: пусть они ценят благодеяние и память об нем передадут своим потомкам и постараются оправдать делами монаршее об них попечение и доверие к ним, к их способности самостоятельно служить пользе государства и своей собственной.

2. Постарайтесь внушить и уяснить им истинное, евангельское и единственно здравое и законное понятие о свободе человеческой, то, что в высшем своем проявлении она равносильна необходимости и полнейшему подчинению божественным и гражданским законам, что она состоит в исполнении требований человеческой природы и общественного порядка, а не требований плоти и страстей, что свобода там, где дух господень, что тот только обладает свободой и ходит в широте по словам псалмопевца, кто старается соблюдать заповеди божии и законоположения установленной от бога власти; постарайтесь внушить, что свобода не есть произвол безотчетный и неограниченный, что ни в обществах, ни в мире нет ничего такого, что не подчинялось бы законам и требованиям предустановленного порядка, и что, наконец, всякое существо, которое выходит из подчинения указанным для него законам, неминуемо погибает; поясните это примерами и подобиями, которых у вас так много под рукой, возьмите их из быта поселян и из жизни окружающей их природы.

3. Объяснив поселянам их обязанности и ответственность пред законом и порядком, указывайте в подробностях предметы, на которые вскоре должна быть устремлена их свободная деятельность, именно: отчетливое усвоение истин веры и возможное и полезное в их положении просвещение ума, заботливость об исправном выполнении всех, какие будут в свое время соединены с их новым положением повинностей, усердное и самостоятельное попечение обо всем, что принадлежит до пользы государственной, до пользы их ближних, их семейств, их детей, их хозяйства, хранение себя от всего, что противно их благу и общему, от всех пороков, от лености и беспечности, от самоуправства и своеволия и т. д. Напоминайте им, что те обязанности заботиться об их благополучии, какие теперь лежат на помещиках, будут через два года возложены на них самих, как на людей свободных, что тогда они уже сами будут отвечать перед богом и государством и за себя, и за свое благополучие.

4. Объясняйте все вредные последствия, какие произойдут от нарушения порядка, от необузданного произвола, от своеволия и беспечности,

объясняйте, что, не оправдав доверия государя, выказав нетерпеливость и неподчинение текущим условиям своего быта в двухлетнее переходное состояние, они покажут себя недостойными благодеяний и неспособными самостоятельно располагать своею жизнию, своими силами и средствами ко благу общему и своему и из самого благодеяния произведут для себя злополучие.

5. Из препровожденного при указах консистории высочайшего манифеста, вы усмотрите, что в настоящее время требуется от верноподданных и в частности от крестьян: новые условия крестьянского быта постепенно, в течение двух лет, будут окончательно определены и возымеют законную силу. Потому до тех пор ваш долг приглашать своих прихожан к соблюдению всех своих прежних обязанностей и отношений к помещикам и объяснять, как сказано в 5 пункте вышепомянутого циркуляра, что государь, внимая закону справедливости и своей отеческой любви ко всем верноподданным, не мог не позаботиться и о благосостоянии помещиков.

Вот программа для ваших собеседований с прихожанами. Выполнение ее предоставляю вашему благоразумию и усердию, высокопреподобные и преподобные отцы, и надеюсь, что вы и в этом, как и во всяком другом случае, исполните свои обязанности, как прилично служителям и приставникам божиим, и оправдаете доверие своего архипастыря.

Да поможет вам господь бог! Посылаю вам архипастырское благословение, а себя поручаю вашим теплым молитвам.

Архиепископ полоцкий и витебский [9]).

№ 8.

Донесение пензенского архиепископа Варлаама в синод от 22 апреля 1861 г. о волнениях крестьян [*]).

Благочинный, священник села Большой-Ижморы (Кузнецкого уезда) Иларион Масловский 19 сего апреля донес мне, что сельские приходские священники в помещичьих селениях в настоящее время находятся в самых критических обстоятельствах, ибо крестьяне вовсе не верят прочитанному ими в церквах высочайшему манифесту об их свободе, а требуют от священников какого-то другого манифеста с знаменским золотым, как они объясняются, крестом, якобы обещающим им свободу. Отчего и происходит теперь между ними движение, распространяющееся из села в село, из деревни в деревню. Так, например, священник села Никольского Николай Громов 14 сего апреля после литургии на пути из церкви в дом был остановлен множеством крестьян, которые настоятельно требовали от него помянутого манифеста, а некоторые из них готовы были наделать ему дерзостей; он отдал им манифест, который прочитан был в церкви, тем и отделался. 15 апреля, в бытность его, благочинного, в доме священника села Архангельского Михаила Малленна, пришло множество народа из его прихожан в дом с настоятельным требованием желаемого ими манифеста. Сколько ни старался он, благочинный, обще с местным священником Малленным удостоверить, что никакого другого манифеста, кроме прочитанного в церкви, у них нет, никто не хотел тому верить, в том предположении, что священники или подкуплены или упрошены помещиками—не объявлять выгодного для крестьян манифеста. В таком случае молчание священников подает черни еще больший повод к подозрению, а выговоренные священниками слова перетолковывают в противную сторону и делаются для них самих вредными, тем более, что некоторые злонамеренные из прихожан клевещут на священников совсем ложно. Объяснив об этом, он, благочинный, просил в таких трудных обстоятельствах не лишить священников моей защиты.

По справке оказалось: 1) Объявление всему духовенству Пензенской епархии отношения г. обер-прокурора святейшего правительствующего синода от 17 февраля сего 1861 г. за № 885, в котором преподаны правила духовенству, как оно должно действовать при введении в действие новых постановлений касательно улучшения быта помещичьих крестьян, было сделано безотложно и ранее получения манифеста. 2) Указ святейшего синода по высочайшему манифесту и самый манифест о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве быта их привезен в Пензу генерал-майором свиты его императорского величества Дренякиным [10]), 10 марта; на другой день разослан был во все церкви, согласно отношению начальника губернии [11]), через земскую полицию, с предписанием: читать сей манифест, не ожидая воскресного дня,

[1]) Канцелярия синода, 1861 г., д. № 808, лл. 1—5 об.

по распоряжению гражданского начальства, и о последующем донести. И из постепенно поступающих от причтов донесений видно, что преподанные духовенству правила на сей случай соблюдаются в точности и что беспорядков по обнародованию манифеста нет. Между тем, от начальника Пензенской губернии разновременно поступили ко мне четыре отношения, в коих оговаривались в неправильных действиях священники сел: Сергиевской Вирги (Нижеломовского уезда) — Капитон Кашкаров, Кашаева (Инсарского уезда) — Василий Архипов, Степановки (Городищского уезда) — Василий Парийский и Студенки (Чембарского уезда) — Федор Померанцев [12]), по каковым отношениям безотложно, не далее как на другой день, епархиальным начальством делаемы были распоряжения, согласные с указом святейшего синода (от 7 мая 1797 г. за № 17958, Полн. собр. законов) [13]), именно: все четыре означенные священника совершенно удалены из прежних приходов, о каковых распоряжениях в то же время епархиальное начальство уведомило г. начальника губернии. 3) Независимо от сего, по случаю возникших со стороны четырех священников якобы неблагоразсудных действий, по объявлению высочайшего манифеста 7 сего апреля консисторию, с утверждения моего, вторично предписано циркулярными указами всем 53 благочинным епархии, со строгим новым подтверждением о том, чтобы приходские священники с крестьянами о высочайше дарованной им свободе не входили ни в какие рассуждения, кроме того, что крестьяне сии, хотя и получили себе от крепостного состояния свободу, но за всем тем, «до истечения двухлетнего срока со дня состояния высочайшего манифеста крестьянам и дворовым людям надлежит пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности, а помещикам—сохранить наблюдение за порядком в их имениях с правом суда и расправы впредь до образования волостей и открытия волостных судов». Причем всем благочинным подтверждено с строгим и обязательным вменением, дабы они это подтвердительное распоряжение епархиального начальства лично сами объявили священникам в каждом приходе своего ведомства с надлежащим со стороны своей наставлением и подписками о невмешательстве в дело, для них не принадлежащее; если же, кроме предписанного епархиальным начальством, будут возникать к ним со стороны крестьян какие-нибудь вопросы, коих они, священники, не понимают, то, не объясняя ничего и не распространяя беспокойства в обществе, обращали бы их за разрешениями тех вопросов к светскому начальству. — О каковом распоряжении 7 апреля был уведомлен г. начальник губернии.

По совокупном рассмотрении всего изложенного с рапортом благочинного Масловского консисторія в журнале своем от 20 апреля постановила: Из рапорта благочинного Масловского видно, что помещичьи крестьяне вообще оказывают весьма мятежные действия, а относительно приходских сельских священников действия их дерзновенны; почему, для ограждения сельских священников от опасного столкновения с помещичьими крестьянами, о прописании рапорта благочинного Масловского, просить начальника Пензенской губернии учинить с своей стороны начальническое распоряжение к внушению блуждающим крестьянам, что требования их к священникам ни с чем не согласны, потому что духовенство никогда не было уполномочено входить в разбирательство крестьян, но что оно обязано было на сей раз, как и прежде, лишь прочитать в церквах манифест. Между тем о ходе дела сего во известие донести святейшему правительствующему синоду.

Утвердив таковое мнение консистории, долгом поставляю присовокупить, что епархиальное начальство сочло нужным сделать это донесение святейшему синоду, между прочим, и для того, что, может быть, со стороны гражданского начальства дойдут до сведения святейшего синода какие-либо донесения, навлекающие подозрения на неправильные или опрометчивые действия некоторых священников, и что о некоторых из сих священников уже произведены формальные следствия и рассматриваются, а о других предполагается произведение тогда, когда начальник губернии известит, по сообщениям моим, о прекращении волнений в тех или других местах. А к большему уяснению хода дела, что волнения произошли не от священников (может быть, что-либо неосторожно только сказавших при прочтении манифеста на вопросы крестьян), но от самоличного мышления крестьян или от каких-либо заговорщиков со стороны, нужным считаю приложить при сем копию с копии рапорта села Покровского священника Глебова к местному исправнику [14]), каковой рапорт и представлен был г. исправником к начальнику губер-

нии, а из канцелярии начальника губернии передан в копии епархиальному начальству. Из этого рапорта священника ясно видно, что он, исполняя свой долг, при объявлении и после объявления высочайшего манифеста, за свои убеждения крестьян быть покорными начальству, подвергался не раз опасности лишиться жизни или, по крайней мере, быть изувеченным и избитым [15]).

Вашего святейшества нижайший послушник Варлаам [16]), архиепископ пензенский и саранский.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) Толстой, Александр Петрович, граф (1798—1873), генерал-лейтенант, обер-прокурор синода (1856—1862 гг.), крупный помещик.

[2]) Панин, Виктор Никитич, граф (1801—1874), внук усмирителя крестьянского восстания в 1772—1775 гг., министр юстиции (1839—1861); с 18 февраля 1860 г. — председатель редакционных комиссий. Крупнейший помещик, ярый защитник помещичье-крепостнических интересов, глава самой дикой, самой тупой реакции.

[3]) Исидор (Иаков Сергеевич Никольский) (1799—1892), митрополит петербургский и новгородский (1860—1892). В качестве епископа полоцкого, виленского и могилевского (1837—1844), а затем экзарха Грузии (1844—1855) принимал деятельное участие в обрусительной колонизационной политике царизма в Западном крае и на Кавказе.

[4]) Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1783—1867), в 1826 г. по именному указу Николая I за речь, сказанную в день приведения к присяге Николаю I возведен в сан митрополита московского. Составитель манифеста 19 февраля 1861 г., ярый защитник крепостничества, совмещавший, по выражению А. И. Герцена, «белый клобук и жандармские аксельбанты».

[5]) Урусов, Сергей Николаевич (1818—1883), князь; с 1859 г. директор духовно-учебного комитета при синоде.

[6]) Топильский, Михаил Иванович; директор департамента министерства юстиции (1851—1861), близкий и доверенный чиновник гр. В. Н. Панина.

[7]) Пфеллер, Владимир Филиппович, вологодский губернатор с 3 апреля 1860 г. по 1 сентября 1861 г.

[8]) Христофор (Федор Максимович Эммаусский) (1795—1872), епископ вологодский (1856—1866); ученик митрополита Филарета (Дроздова). Составленное епископом Христофором воззвание было напечатано отдельным изданием в 1861 г. (СПБ).

[9]) Василий (Василий Стефанович Лужинский), из дворян, архиепископ полоцкий с 1840 по 1866 г.

[10]) Дренякин, Александр Максимович (1813—1877), генерал-майор. Для проведения крепостнической реформы командирован Александром II 10 февраля 1861 г. в Пензенскую губ.

[11]) Толстой, Егор Петрович, граф (1802—1874), генерал-лейтенант; с 31 августа 1859 г. по 6 августа 1861 г.— военный и гражданский губернатор Пензенской губ.

[12]) Из упоминаемых в рапорте четырех священников трое были переведены в другие приходы. Из них наиболее сильно пострадал Федор Померанцев, который за неправильную передачу крестьянам содержания манифеста, в результате чего возникли волнения в с. Черногаевке, был отправлен навсегда в Соловецкий монастырь.

[13]) Синод, руководствуясь именным указом Павла I о бездействии духовенства во время крестьянских волнений, в определении своем от 7 мая 1797 г. обратил внимание епархиальных архиереев, чтобы они «всемерно» заботились «о умножении в семинариях учеников... а паче над благонравием учащихся, чтоб они..., вступив после в чин священный, и учением, и примером собственным утверждали духовных чад своих в покойствии, послушании и добрых поступках». «Всемерно стараться, — читаем дальше в определении синода, — предупреждать и упреждать возмущения крестьян...»

[14]) Андреев, Андрей Иванович; с 1859 г. земский исправник Чембарского уезда, Пензенской губ.

[15]) См. «Красный архив», т. XXXVI, стр. 201—204.

[16]) Варлаам (Василий Успенский), архиепископ пензенский и саранский (1860—1862), затем тобольский.

Деникинцы о состоянии своего тыла.

Генерал Деникин в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты» (Берлин, изд. «Слово», 1925 г.) сообщает, что в феврале 1920 г. по его приказу была назначена сенаторская ревизия «для всестороннего исследования управле-

ния, командования, быта и причин, вызвавших в Крыму смуту, и для установления виновников ее».

Члену главного военного суда генерал-лейтенанту Макаренко было предложено произвести расследование по двум весьма важным вопросам: во-первых, в силу каких причин Красная армия заняла Одессу и как произошла эвакуация, и, во-вторых, какова была обстановка, вызвавшая, известное выступление командира 1-го добровольческого полка капитана Орлова и его соратников против белогвардейского командования в Крыму.

Как раз в это время верхушка белогвардейского генералитета переживала ожесточенную борьбу за власть. В результате этой борьбы неудачный «царь Антон» (белогвардейское наименование Деникина) должен был уйти в отставку, а должность главнокомандующего вооруженными силами белогвардейских банд была занята бароном Врангелем.

«Сенаторская ревизия генерала Макаренко, — пишет Деникин, — закончила свои действия в управление генерала Врангеля. Результаты ее не были опубликованы и мне неизвестны. В день прибытия моего в Феодосию генерал Макаренко сделал мне личный краткий доклад о первой части своей работы — одесской эвакуации. По его словам, ничего предосудительного в действиях генерала Шиллинга обнаружено не было».

Действительно, генерал-лейтенант Макаренко закончил свою работу несколько позже. Соответствующие доклады были написаны и посланы новому главнокомандующему — генералу Врангелю. Однако ни Врангель и никто другой из белого стана, не были заинтересованы в публикации этих материалов. Доклады прочли и похоронили.

Ближайшие соратники Врангеля знали о существовании этих докладов и по специальному разрешению барона некоторые из них, пользовавшиеся его полным доверием, получили их для прочтения. В числе таковых был севастопольский епископ Вениамин, заядлый монархист, оказавший Врангелю еще при Деникине свою поддержку и впоследствии назначенный на должность управляющего военным и морским духовенством армии Врангеля. Его экземпляр доклада Макаренко мы здесь и публикуем.

Правильная оценка нижепубликуемых документов прежде всего требует тщательного учета условий эпохи. Это было время наших решающих побед над белыми. Гениальный сталинский план был воплощен в жизнь. На восточном фронте войска Колчака были разгромлены, и такая же судьба постигла деникинщину. Остатки деникинских войск отступали к Новороссийску, их фронт трещал по всем швам, приближался момент новороссийской эпопеи. В эти дни белогвардейские генералы могли видеть полное крушение своих планов: Красная армия наступала, каждый день приносил новые поражения, белогвардейская «власть» была дискредитирована до последней степени, в тылу росло и крепло революционное движение. Разнузданный белый террор оказывался бессильным, смятение и хаос принимали грозную форму.

Доклад генерала Макаренко ценен для нас как свидетельство врага по вопросу о состоянии белогвардейского тыла в это время.

Нужно иметь в виду, что показания белых по любому вопросу требуют критического отношения. Приходится учитывать, что наши враги смотрят на события со своей, враждебной трудящимся точки зрения. Они не хотят и не могут сказать полной правды. В своих высказываниях они неизбежно говорят лишь часть правды, о многом умалчивают.

В докладе Макаренко тщательно обойден самый главный и основной вопрос борьбы: ее классовый характер. Тут нет оценки сил, одержавших победу над белыми. О большевиках генерал Макаренко упоминает, как о бандитах. Очень глухо говорится о расколе между рядовой массой насильно мобилизованных солдат и офицерством, нет характеристики той рабочей и аграрной политики Деникина, которая неизбежно взрывала тыл белых. И все же «почтенный» генерал Макаренко — ценный свидетель. Он сообщает красочные штрихи о противоречиях в стане белых, о распаде, разгуле, воровстве, взяточничестве и т. д. Он показывает виднейших деятелей деникинского движения — генералов Май-Маевского, Санникова, Добровольского, Шиллинга, Боровского, Субботина, Покровского, как грабителей, взяточников, пьяниц, спекулянтов.

Описывая эвакуацию из Одессы, Макаренко дает бесподобное свидетельство, как воры и взяточники грузили вино и оставляли на произвол судьбы своих же соратников и медикаменты.

Каковы же выводы генерала Макаренко?

Достойный член главного военного суда вовсе не предлагает привлечь виновных к ответственности. В самом деле, зачем? Ведь все сподвижники

белогвардейского движения были одинаково хороши. Разница была не в качестве, а в количестве. Одни грабили больше, другие — меньше.

Отсюда — резюме. Виновных к ответственности не привлекать, а попытаться несколько наладить систему работы врангелевских учреждений, чтобы как-нибудь укрепить тыл.

Кандидов.

Доклад постоянного члена главного военного и военно-морского суда г.-л. Макаренко главнокомандующему вооруженными силами на юге России барону Врангелю от 28 марта 1920 года, № 79.

Со времени возложения на меня приказом главнокомандующего от 13 февраля № 2825 расследования с правами ревизующего сенатора причин, вызвавших в январе сего года эвакуацию г. Одессы, и обстоятельств, сопровождавших таковую, а также всестороннего исследования управления, командования, быта и причин, вызвавших в Крыму смуту, и установления виновных в ней, истекло пять недель. В течение этого времени мною были собраны достаточные данные для того, чтобы 8 сего марта представить генералу Деникину особое предварительное сообщение, а 15 марта в г. Феодосии сделать ему подробный доклад о ходе ревизии.

По общему мнению, первое выступление капитана Орлова объяснялось как внешнее проявление накопившегося глубокого недовольства офицеров порядками командования и тыла, неудачным выразителем которого явился капитан Орлов [1]). Поэтому исследование этого недовольства, раскрытие его причин и содержания приобрели особое значение. Общий смысл показаний опрошенных лиц в сем отношении сводится к нижеследующему.

В период, непосредственно следующий за «ледяным» походом, рядовое офицерство живо чувствовало теснейшую связь со своим начальством, разделявшим с ним все тягости борьбы.

Но мало-помалу эта тесная связь порвалась, и на замену ее не пришло ничего. Начальство свое рядовое офицерство видело все реже и реже, а более высшее, начиная с корпусного командира, нередко и совсем почти не видело. В связи с обнаружившимися недостатками системы снабжения большинство командиров частей оказалось захваченным заботами о растущем имуществе части и со дня на день увеличивающихся обозах. По мере увеличения занятого армией пространства высшее начальство все более и более поглощалось заботами управления тылом [1]). Беседы по поводу происходящего прекратились, а собраниям, если таковые происходили, придан был формальный характер, ничего для духа не дающий. Никто уже ничего толком из происходящего не знал и по слухам, а в лучшем случае по газетным отрывкам сам по мере сил рисовал себе обстановку. А обстановка между тем становилась все сложнее и сложнее. Наступила тяжелая пора оставления Курска, Харькова, Киева, Ростова, Одессы. При отступлении мысли наиболее страдавших душою за неуспех дела, которому они себя посвятили, невольно обратились к выяснению причин этого неуспеха.

Постепенное и видимо планомерное нарастание сил красных и усиление их нажима прежде всего подчеркнуло неизменно малочисленный состав боевых линий и отсутствие своевременных укомплектований и пополнений в связи с переполнением, несмотря на неоднократные приказы главкома, тыла вообще лицами, способными к строевой службе, и в частности многочисленностью и обширностью штабов и тыловых учреждений. Впечатление получалось тем более неблагоприятное, что штабы эти в большинстве случаев оказывались нравственно оторвавшимися от своих частей, равнодушными к их нуждам и не болевшими их интересами и к тому же нередко к общему соблазну ведшими, невзирая на трудную обстановку общего дела, широко разгульный образ жизни [2]). На почве неосведомленности офицерства в общей обстановке и усталости от длящегося боевого напряжения начала порываться образовавшаяся вначале тесная связь офицерства с солдатами. В этом направлении, конечно, прежде всего приложила все усилия большевистская агитация [3]), а затем и отсутствие твердых уставов или руководящих указаний штабов, приноровленных к новой обстановке гражданской войны, вследствие чего отношения к солдатам в различных частях склады-

[1]) Примечание епископа Вениамина на полях: «Верно».

[1]) Примечание епископа Вениамина: «Очень понятно и для будущего поучительно».

[2]) Примечание епископа Вениамина: «Верно, и теперь этим возмущаемся».

[3]) Примечание епископа Вениамина: «Непонятная мне причина».

вались различно в зависимости от обычаев этих частей, часто не участвовавших до этого времени в гражданской войне и сохранивших традиции дореволюционного времени [1]). Отсюда в одних частях к солдатам относились мягче и считались с их личностью, в других, наоборот, личность их совершенно игнорировалась, и преобладало сухо-формальное к ним отношение. Такая неравномерность отношений солдатами была учтена как умышленное отдаление от них офицеров и желание воскресить «старый прижим». Оставление для солдат окладов, явно не отвечавших действительным потребностям жизни, лишь укрепляло эту мысль, и скоро поднялись речи: «чего мы воюем», «кому это надо», а затем—случаи перехода к красным или зеленым с целью таким путем принудить окончить войну. Психологическая сторона этого грозного явления не привлекла к себе надлежащего внимания со стороны подлежащих штабов.

Фураж и продовольствие от интендантства не поспевали за войсками, приходилось добывать их на местах, не изобилующих продуктами и только что разоренных уже перед тем большевиками. Дров также часто не было, и приходилось разбирать заборы. Явилась необходимость реквизиций, которые постепенно, по мере физического утомления войск, становились все шире и шире и тягостнее для населения. В связи с этим большевики, уходя, оставляли своих тайных агентов и приверженцев, которых приходилось разыскивать, отсюда обыски, отобрание скрываемого ими имущества, а затем имущества жителей, заподозренных в укрывательстве этих лиц. При малой осмотрительности в сем отношении начальствующих лиц такой порядок весьма скоро получал в некоторых случаях характер грабежа [2]), и население начало втайне вздыхать по большевикам, сноситься с ними, а при отступлении и явно обнаруживать по отношению к уходящим свою враждебность. Между тем офицерству со слов интендантских чиновников было известно, что в интендантстве имеются обширные склады всякого продовольствия, но что по плану снабжать им войска предположено лишь с января 1920 г., вследствие чего войска вынуждались жить на счет жителей занятых местностей, а то, что таким путем возбуждалась ненависть населения к Добрармии, никем учтено не было.

Наступившее холодное время остро выдвинуло вопрос о снабжении бойцов теплой одеждой. Боевые линии мерзли, а добиться не только отпуска полушубков или какой-либо теплой одежды, но даже просто недостающего обмундирования от органов снабжения часто оказывалось совершенно невозможным. Впечатление получалось тем более тягостное, что при отступлении в руки большевиков доставалось все это имущество. Появилось огромное количество обмороженных и заболевших. Между тем фронтовые и местные лечебные заведения были уже загружены и далеко не могли вместить всех нуждающихся в лечении. Эвакуация больных в тыл была поставлена настолько неудовлетворительно, что эвакуируемые в долгий путь весьма часто оставались без необходимой медицинской помощи и необходимого ухода. У одних загрязнялись и загнаивались раны, а другие заражались тифом. В тылу дело обстояло не лучше. Мест в госпиталях часто нехватало, и они постоянно были переполнены свыше всякой меры. Лежащие в госпитальных коридорах прямо на соломе больные далеко не составляли исключительного явления. Огромный недостаток белья приводил к тому, что больным белье почти не менялось, и они лежали в грязном. Прачечных почти не было. Переполнение госпиталей и грязное содержание больных отражалось в свою очередь и на общем состоянии госпиталей. Вместо идеальной чистоты, залога успеха современной медицинской помощи, в них господствовала в большинстве случаев неряшливость не вполне благоустроенной казармы; даже перевязочные и операционная комнаты нередко крупно грешили в этом отношении. И кто знает, сколько раненых подвергалось ампутации и стало калеками или же прямо гибло именно благодаря таким условиям содержания. Медикаментов почти не было, перевязочного материала, хирургического инструмента и белья также, и бывали случаи, что на одной и той же простыне делались операции нескольким, причем эту простыню лишь переворачивали. И такая картина имела место в больших городах, где благодаря усилиям бойцов на фронте кипела беспечная и разгульная жизнь, где фланировали по улицам вполне здоровые и годные для боевой службы молодые люди, где дорогие кафе и

[1]) Примечание епископа Вениамина: «Увы, да! И худое сохранилось; не было простоты и любви к низшему».
«Правильно».

[2]) Примечание епископа Вениамина:

театры ломились от спекулянтов и где офицеру, прибывшему с фронта, часто трудно было найти себе обед по карману. С грустью и болью в душе больные ждали помощи от начальства, но в осязательных для них формах она не приходила.

Наступил период оставления городов, и чем дальше, тем все менее и менее планомерности и порядка наблюдалось в их эвакуации, тем большее число раненых и больных офицеров, а равно и офицерских семей оставлялось на произвол красных. Родилась мысль, что быть раненым или заболеть значит так или иначе погибнуть. Все эти печальные явления привели офицерство к мысли, что они покинуты. Таким образом была потеряна вера в вождей.

Независимо от этих отрицательных явлений общего характера недовольство среди офицеров порождалось и причинами, имевшими значение частное, а именно: задержки в производстве, доходящие в некоторых случаях до полутора лет; задержки в выдаче содержания, в особенности тяжко отзывавшиеся на положении семейных офицеров, да и не семейных, заставлявшие обращаться к продаже и без того скудного имущества, а в худшем случае побуждавшие к мародерству и грабежу. Сделанные в последнее время прибавки к содержанию оказались крайне незначительными по сравнению с бешено растущими ценами. Немало недовольства порождала невыдача кормовых денег офицерам. Заполнение же штатов тыловых учреждений исключительно штаб-офицерами закрывало, по общему мнению, дорогу молодым офицерам, потерявшим боевую способность и принужденным таким образом думать, что они оставлены и что в них армия не нуждается. Немало неприязни и чувства вражды возбуждала и система протекционизма, широко приобревшая право гражданства в особенности с увеличением армии, неудачные же иногда назначения на командные должности, оцениваемые как бесконтрольное усмотрение тех или других начальников, не могли также не повлиять на настроение и умы рядового офицерства.

Создалось представление, что дело существенно изменилось, что дело строительства родины перешло в руки особых сил — политических партий [1]), союзников и т. п., а они, офицерство, более уже не деятели этой святой борьбы, а лишь средства для них и ценны лишь постольку, поскольку вообще расцениваются средства. В ущерб общей идее родилась мысль о себе лично, о том, а что будет с ним, его близкими, когда борьба закончится. Мысль большинства офицеров направилась к обеспечению себя и своих семейств, вследствие чего, не доверяя распорядительности начальства, офицерство, беззаветно сражавшееся раньше на фронте, в настоящее время старается направиться в тыл, чтобы личным содействием обеспечить эвакуацию своих семейств. Затем в заботах о будущем иные стали стремиться обеспечить его собственными усилиями, подобно тому как обеспечивают себя кругом в тылу «умные люди», нередко и из военной же среды, — стремиться спекулировать чем попало; у других, кому мысль о спекуляции органически противна, а твердого характера не дано, явилось стремление потопить мрачные мысли в вине — и в результате пьяный угар. И чем больше появляется в армии таких офицеров, свидетельствующих о нравственном оскудении по недостатку нравственной пищи, тем большее число лиц под влиянием все учащающегося зрелища продуктов нравственного оскудения само начало терять живую веру в успех дела и в бессилии опустило руки.

Наконец, фактическая эвакуация, хотя бы и вызванная лучшими намерениями, при создавшихся условиях повела лишь к дальнейшему упадку духа и недовольству и всех взволновала, как набатный колокол перед наступающей опасностью. Эвакуация старших, т. е. начальников и богатых подхлестнула раздражение против первых, среди коих немало виновников крушения недавно блестящих успехов Добрармии и неприглядного положения рядовых ее членов в настоящее время, и разогрели ненависть против вторых, создавших и сохранивших себе благополучие в тылу Добрармии, к которой они проявляли так мало отзывчивости и благодарности. Немало беды принесла с собой эвакуация и тем, что внушила солдатам страх за то, что начальство их покинет и оставит на произвол судьбы.

Не будучи достаточно осведомленным об общем положении и о тех условиях, которые создавались обстановкой, офицерство стало связывать эти отрицательные явления с деятельностью тех или других начальствующих лиц. На этой почве возникло предубеждение не только против некоторых лиц крымской администрации, но между прочим и против генералов: Май-Маевского, Санникова, Добровольского,

[1]) Примечание епископа Вениамина: «Кадетство».

Боровского, Пархомова, Покровского, Шиллинга, доктора Юревича, полковников Антоновича и Ефимовича и многих других начальствующих лиц, потерявших, повидимому, окончательно в глазах офицерства всякое доверие и уважение и приобревших репутацию разрушителей не только тыла, но и армии. В частности прочно сложившееся офицерское мнение считает генерала Май-Маевского виновником оставления Харькова. В резких выражениях свидетели-офицеры приписывают отступление от Харькова пьянству и нераспорядительности, а также и продажности Май-Маевского. Офицеры, прибывшие из Харькова, передавая картину отступления, вспоминают, как самого генерала Май-Маевского, мертвецки пьяного, грузили и вывозили из Харькова [1]). Простое появление этого генерала на улицах Севастополя вызывает раздражение как против него лично, так и против того порядка, при котором оказывается возможной безнаказанность столь тяжелой вины. Имя генерала Май-Маевского дважды упоминается в воззваниях капитана Орлова и офицеров—«марковцев, корниловцев, дроздовцев и симферопольцев»—его отряда, как: «продавшего армию», «творившего безобразия», или «пьяный генерал Май-Маевский, преступное и недостойное поведение которого заставило нас далеко откатиться назад»; «тот разгул, то безобразие, которое творилось в штабе в Харькове, отразилось на всем фронте, и тысячи молодых офицеров и казаков погибли без пользы для великого дела» [2]).

Что касается генерала Санникова, то его имя припоминается в связи с поголовным недовольством. постановкой дела снабжения армии. Все говорят о недостаточном или полном отсутствии обмундирования, о несвоевременности его получения и канцелярщине в процессе получения. Очень много возбуждается обвинений во взяточничестве и в хищениях в этой области. Генералу Санникову, в частности, ставится в вину отсутствие заботливости о снабжении армии на зиму 1919—1920 гг. теплой одеждой, отсутствие которой поставило фронт в столь тяжелое положение.

Генерал Добровольский скомпрометировал себя разгульной и широкой жизнью в Новороссийске, где чуть ли не каждый день кутил с артисткой в ресторане «Слон», оплачивая счета, доходившие до 20.000 рублей, в то время как масса офицеров не всегда имела средства пообедать даже в офицерской столовой. Тот же генерал Добровольский оказывал покровительство коменданту города полковнику Левитису, имевшему репутацию взяточника и в действительности привлеченному затем, в отсутствие генерала Добровольского, в качестве обвиняемого в вымогательстве.

Особенно острое недовольство, доходящее до ненависти, офицерство питает к генералу Шиллингу [1]). Его считают виновником катастрофической эвакуации Одессы; ему же вменяют в вину поспешный переезд на корабль, объясняемый исключительно желанием обеспечить личную безопасность себе и членам своего штаба.

Свидетели эпохи командования армией в Крыму генерала Боровского указывают, что в то время, когда крымский фронт насчитывал 1300 штыков, штаб генерала Боровского достигал 400 человек и предавался пьянству в такой мере, что офицеры видели брата генерала Боровского, служившего офицером того же штаба, валявшимся пьяным и без брюк в вестибюле гостиницы.

Начальник штаба командующего крымско-азовской армией генерал Пархомов, вызвал против себя озлобление тем, что не проявлял никакой заботливости об офицерах. Озлобление против него достигло такой степени, что было решено его ликвидировать, чему помешали быстрое отступление и замена его другим лицом. Свидетели отмечают, что оба эти генерала получили другие назначения, в частности, генерал Пархомов — начальником штаба государственной стражи.

Весьма большое недовольство офицеров крымской армии вызвано отсутствием заблаговременно укрепленных позиций, которые они при своем отступлении надеялись найти и в существовании которых их уверяло начальство. Виновником в этом отношении общее мнение считает генерала Субботина. Его же обвиняют в азартной игре и во взяточничестве, причем это последнее обвинение настолько распространено, что вызвало со стороны генерала Субботина торжественную клятву памятью родителей перед собранием офицеров в том, что это неправда.

Санитарное дело в Крыму, по отзывам, не лучше, чем в других местах,

[1]) Примечание епископа Вениамина: «Все говорят так».

[2]) Примечание епископа Вениамина: «Это всех порядочных людей возмущало».

*) Примечание епископа Вениамина: «Да!».

хотя Крым и находится в этом отношении в гораздо лучших по сравнению с другими местностями условиях. К этому присоединяются указания на бессистемную, безотчетную и непроизводительную трату громадных кредитов, около 50 млн., начальником санитарной части в Крыму доктором Юревичем.

С именем генерала Покровского связывают грабежи кубанских частей вообще, а также его некорректное поведение в городе Ялте во время выступления капитана Орлова.

Полковникам Антоновичу и Ефимовичу приписывается участие в спекуляции и взяточничестве.

Необходимо отметить, что вышеприведенные общие нарекания и обвинения против определенных лиц носят яркую окраску страстности, а иногда и прямого озлобления.

Не меньше нареканий вызывали порядки, существующие во флоте. Лучшее обеспечение чинов флота сравнительно с чинами армии, при условии более легкой и удобной службы первых, является источником явного недовольства вторых. Наличие во флоте громадного количества офицеров, в том числе и сухопутных, достигающее по некоторым показаниям 10.000 человек, «к чему-нибудь приписанных», но фактически ни на какой службе не состоящих, лишь увеличивает это недовольство, равно как и естественно лучшее обеспечение семейств чинов флота на случай эвакуации. Не менее страстно обсуждается и недостача угля для транспорта, столь фатально отразившаяся на эвакуации Одессы, так как времени для заготовки угля было достаточно, а перевозочные морские средства видимо имелись в излишке, ибо уже сравнительно давно часть транспорта флота сдается в аренду частным лицам, и в том числе отставным адмиралам. Общий голос указывает на крайнюю невыгодность для казны таких операций и в особенности на невыгодность сдачи последних транспортов «Юлии» и «Антона», приписывая этой сделке корыстный характер.

Можно сказать, общее беспокойство офицерства, общественных деятелей и рабочих возбуждает вопрос о тех транспортах флота, которые заготовлялись морским ведомством для отправки семейств служащих во флоте за границу. По общему убеждению, все эти транспорты загружались всякого рода имуществом, в том числе и частным, вовсе не подлежащим вывозу за границу, с целью извлечения таким образом валюты для обеспечения существования морских семей и чинов. Сухопутные офицеры опасаются, что их семьи не найдут себе места на перегруженных транспортах, а валюта уйдет лишь на содержание моряков, а не поступит в общую казну.

Рабочих порта волнует мысль, что вывозятся материалы, металлы и части машин, необходимые для порта, и они рискуют остаться без работы за истощением материалов для таковой. Общественных деятелей волнует возможное обострение, на почве безработицы, рабочего вопроса. А так как при этом попытки со стороны генералов Шиллинга и Турбина рассеять подобные опасения путем осмотра транспортов междуведомственными комиссиями командующим флота постоянно отклоняются, то озлобление к флоту неудержимо растет. О том, что на кораблях существовало подобие каких-то гостиниц и что на них погружалось частное имущество, я получил уже довольно определенные указания, между прочим, и от чинов контроля. Указанное выше недоброжелательное отношение к флоту питается также и тем, что среди флотских офицеров имеются лица, считающие себя обиженными, обойденными или обсчитанными при расчетах, о чем не стесняются говорить и в обществе. Факт нежелания со стороны флота подчиниться сразу вновь назначенному командующему флотом Герасимову дал почву для толков, что во флоте существуют партии, из коих самая распространенная — либеральная, стремящаяся проводить в жизнь такую политику, которая бы дала возможность продолжать дело и при большевиках, что именно на этой почве и оказывался мало приемлемым для флота Герасимов, как человек крутой и непопулярный. Кроме того ему приписывается со стороны флотских офицеров отсутствие всякой заботы в то время, когда он был начальником морского управления, о своевременной заготовке для флота угля, вследствие чего флот и не мог исполнить своей задачи при эвакуации Одессы и навлек на себя общие нарекания.

В главнейших общих чертах относительно эвакуации г. Одессы и обстоятельств, ее сопровождавших, расследованием выяснено, что причины, вызвавшие катастрофу при эвакуации, могут быть разделены на две категории: одна категория причин — стратегического характера, другая — административного. Первая катего-

рия обследована вполне достаточно, и это обследование с несомненностью установило, что вследствие стратегических ошибок, допущенных ставкой главкома в даваемых ею командующему войсками Новороссии директивах, уже в декабре 1919 г. стало местному командованию ясным, что падение Одессы неизбежно и что оно вопрос только времени. В неразрывной связи с этим обстоятельством возник и вопрос о разгрузке города Одессы. Стратегическое положение одесского района в декабре 1919 г. и январе 1920 г. в общих чертах представляется в следующем виде:

В середине декабря (12—15 числа) в связи с продолжающимся быстрым отходом Добрармии и неудачной борьбой с Махно, главнокомандующий потребовал от генерала Шиллинга сосредоточения достаточных сил для прикрытия Крыма. Переговоры по аппарату с генералом Плющик-Плющевским выяснили, что прикрытие Крыма и северной Таврии является главной задачей войск Новороссии, а все остальное должно выполняться по мере возможности. Это требовало отвода войск киевской группы и других частей бывших к северу от Одессы, по низовьям Днепра, чем определенно решался вопрос об Одессе в смысле ее оставления, так как иначе и без того недостаточные силы дробились для выполнения двух задач. Получалось два изолированных театра — крымский и одесский—со связью только по морю. Одесская группа не имела тыла, базировалась на точку, морской транспорт расшатан, возможность отойти через Румынию сомнительна. Вся правобережная Украина охвачена восстанием, и занятие ее, не давая существенных выгод, отвлекало войска от фронта. Обстановка требовала отход к низовьям Днепра произвести быстро с целью предупредить наступающего противника. Особенно это относилось к киевской группе, которая, выполняя ранее полученные указания генерала Драгомирова, отходила медленно с боями.

В то время, когда войска Новороссии приступили уже к выполнению задачи — сосредоточения к низовьям Днепра, главнокомандующий 18 декабря 1919 г. телеграфировал генералу Шиллингу о тревоге, вызванной у союзников предположенной эвакуацией Одессы, и одновременно указал на чрезвычайную важность удержания одесского района и на вероятную гарантию союзного командования эвакуировать Одессу в случае крайней необходимости. Это требование вновь меняло планы генерала Шиллинга. К выполнению новой директивы было немедленно приступлено: базирование войск генерала Бредова (северная группа) было перенесено на Одессу, а после дополнительных указаний ставки о необходимости удержания и Херсонского района и группа генерала Прометова (северо-восточная группа) тоже перенесла свои тылы на Одессу. В это время группа генерала Слащова (восточная) под натиском противника отходила к перешейкам.

Таким образом в последних числах декабря и начале января, благодаря совершенной перегруппировке и неудачных боев у генерала Слащова, положение Крыма представлялось гораздо менее прочным, чем района Одессы. Это обстоятельство сыграло крупную роль в деле разгрузки Одессы, так как отправление пароходов в Крым было приостановлено, в Новороссийск эвакуировать было запрещено, а за границу наши беженцы и больные еще не принимались. Преследуя цель удержания одесского района и учитывая малую боевую способность киевской группы, прикрывающей Одессу, генерал Шиллинг принял меры для ее усиления: 1) мобилизация населения, 2) привлечение к борьбе немцев-колонистов, 3) привлечение к участию в защите Одессы других сочувствующих Добрармии элементов и 4) организация и использование находившихся в Одессе офицеров.

Для непосредственного проведения в жизнь этих мероприятий и объединения связанных с ними вопросов был назначен генерал граф Игнатьев в качестве «начальника обороны Одесского укрепленного района». Название этой должности не вполне соответствовало действительной роли генерала графа Игнатьева, которая более походила на роль начальника тыла. Фронт в это время проходил по линии Елисаветград — Долинская и далее по Днепру. В помощь графу Игнатьеву и для ведения исключительно офицерским вопросом был назначен полковник Стессель. Все эти мероприятия в общем положительных результатов не дали. Между тем события на фронте продолжали развиваться. Предполагавшееся сосредоточение к 10 января нашей ударной группы в районе Вознесенска и переход ее в наступление не удались. Формиро-

вавшиеся в Одессе части дезертировали, железные дороги из-за отсутствия угля стали. Незначительные по количеству наши части подошли к Вознесенску лишь 17 января, встретили там противника и выбить его не смогли.

Самая же постановка дела эвакуации города Одессы и ход ее в общих чертах были таковы.

С падением Киева (3 декабря) отступавшие воинские части и беженцы направились в Одессу. Когда же последней стала угрожать опасность, первоначально отдаленная, то явилась настоятельная необходимость приступить к разгрузке города. С этой целью была учреждена комиссия под председательством сначала генерала Крылова, а впоследствии генерала Имнадзе, для эвакуации чинов штабов, учреждений и военнослужащих, а также и беженцев Киевской области. Распределением же грузов, изысканием тоннажа и угля, назначением пароходов, определением очереди отправок и другими техническими работами ведала другая комиссия под председательством генерала Колпакова, выделившая из себя подкомиссию под председательством контр-адмирала Гадда. Какой-либо общей инструкции, объединяющей деятельность этих органов, не было, и вся их деятельность в сущности сводилась к бумажной канцелярщине. Исполнительным органом являлся командир военного порта, часть функций которого главноначальствующим была возложена на сухопутных начальников, не знакомых с морским транспортом и техникой морского дела, что повлекло за собой междуведомственные трения, вредно отражавшиеся на успешности хода эвакуации. Общий план эвакуации выработан не был. Предпринимались лишь частичные меры, но так как совершенно не было соответствующего надзора за исполнением распоряжений комиссии и подкомиссии, то и эти частичные меры выполнялись лишь отчасти. Рабочей силы было мало, но и в отношении использования этой силы не было проявлено ни умения, ни желания. Войсковые части должны были грузить свои грузы наряжаемыми от них командами, но так как надзора за погрузкой не было никакого, то погруженным оказалось только собственное имущество (включительно до пианино) и незначительное количество казенного груза. Командиры транспортов обращали на это внимание комиссии генерала Колпакова и командира военного порта, но дело от этого не улучшалось, время погрузки неимоверно затягивалось, уголь, и без того бывший в ограниченном количестве, сжигался напрасно, и когда уже пароходам грозила опасность остаться совершенно без него или лишиться возможности выхода в море, некоторые из них уходили, имея половину тоннажа незаполненным. Интендантство грузило всякий хлам, оставляя на складах более ценные вещи. Как на пример беспорядка можно указать на тот факт, что пароход «Флора» был предназначен комиссией для погрузки медикаментов на колоссальную сумму, но когда медикаменты были подвезены, то оказалось, что пароход этот сверху донизу был нагружен вином удельного ведомства, которому комиссия генерала Колпакова отказала в даче парохода. Отсутствием распорядительности, согласованности действий, надлежащего надзора, общей планомерности и ограничением ведающими эвакуацией органами своей деятельности пределами канцелярщины вполне объясняется разыгравшаяся при окончательной эвакуации катастрофа, повлекшая за собой оставление в Одессе большого числа офицеров и их семей и значительной ценности имущества. Можно сказать, что сравнительно хорошо прошла эвакуация штабов и их семейств. Правда, разгрузка Одесского района осложнялась отсутствием необходимого количества угля и ледоколов, малочисленностью находившихся в порту транспортов, обещанием англичан, впоследствии невыполненным, удерживать Одессу, суровыми холодами, сковавшими порт льдом, мешавшим работам. Но и при этих неблагоприятных обстоятельствах представлялась полная возможность целесообразно использовать имевшиеся средства при планомерно разумном ведении дела, чего в действительности исполнено не было.

Установление того, кто и в какой мере является ответственным за вышеуказанные непорядки, составляет в настоящее время предмет работ комиссии, по окончании которых вашему превосходительству будет представлен подробный доклад по вопросу об эвакуации г. Одессы.

Необходимо упомянуть, что, независимо от эвакуации Одессы, в самое последнее время мною было получено два заявления (ничем пока не подкрепленные): 1) что генералу Шиллингу обществом «Прогр» было передано около 10 млн. рублей якобы за устройство каких-то подрядов и 2) что генерал Шиллинг позволял себе делать траты, превышающие его личные средства. Заявления эти, как полученные

в самое последнее время, не могли быть еще проверены.

Заканчивая настоящий доклад, я считаю необходимым представить на благоусмотрение вашего превосходительства следующие соображения.

Подробное расследование всех тех обстоятельств, которые привели к подрыву духа армии, к утрате веры в вождей и победу и послужили основанием к предъявлению обвинений к тем или другим начальствующим лицам, представляется весьма сложным и затруднительным по своему объему и продолжительности, как равно и потому, что значительная часть необходимых при таком расследовании свидетелей и даже возможных обвиняемых находится ныне уже вне пределов Крыма и вряд ли может быть привлечена сюда.

Далее, как усматривается из самого характера возводимых общим мнением обвинений, в значительной части случаев подробное расследование этих обвинений может дать или подтверждение фактов, в большинстве случаев общеизвестных, свидетельствующих лишь о несоответствии того или иного лица, нередко ныне уже уволенного от службы, занимаемому или занимавшемуся им служебному положению, по неумению ли справиться с порученным ему делом, по непониманию ли обстановки, по бестолковости ли вообще и недостатку надлежащей воли и характера, или же указания на тот или другой, также в большинстве случаев общеизвестный уже организационный дефект, но не основания к серьезному обвинению в каком-либо уголовном преступлении.

За сим необходимо иметь в виду, что многие обстоятельства, послужившие предметом общего возбуждения, ныне, ввиду воспоследовавших новых событий, захвативших общее внимание, уже в значительной мере потеряли свою остроту и как бы отошли даже в область истории. Подробное расследование всех этих обстоятельств, а в особенности внесение на рассмотрение суда связанных с ними обвинений, если бы таковые расследованием оказались установленными, возможно лишь оживят в памяти всех уже изглаживающиеся тяжелые переживания и общему успокоению в ближайшее время способствовать не будут.

Между тем среди различного рода непорядков, вызвавших общее возбуждение, есть и такие, которые имеют длящийся характер и настолько же привлекают к себе общее внимание и в настоящее время, как они привлекали и раньше, — это непорядки, господствующие, по общему убеждению, в работе довольствующих и лечебных учреждений. Им приписывается недопустимая канцелярская волокита и слабая, ленивая работа, и губительное равнодушие к интересам частей, казны и порученного дела, и даже корыстные и личные побуждения и поступки. При том общем недоверии к распорядительности надлежащего начальства, которое прочно сложилось в областях снабжения и госпитальной, никакие ведомственные поверки и ревизии и даже единичные возбуждения уголовных дел никакого доверия к себе не вызовут и никого не убедят в том, что к налаживанию дела принимаются действительно серьезные меры и всякие, даже неустранимые по существу дела, дефекты в работе, будут продолжать ставиться на счет ведомствам и служить предметом нового широкого недовольства.

По сим соображениям я полагал бы, во-первых, несколько видоизменить и расширить данную мне приказом генерала Деникина от 13 февраля с. г. за № 2825 задачу — перейти от расследования фактов прошлого, изысканий, так сказать, исторических, к больному настоящему и обратить главное внимание и усилия на обзор текущей деятельности довольствующих и лечебных заведений и учреждений и поверку быстроты и отчетливости их работы, привлекая в состав ревизии достаточное число представителей разных рангов от строя и фронта для ближайшего участия их в работах.

А. А. СЕРГЕЕВ

19 сентября 1935 года в Кисловодске от паралича сердца умер Александр Александрович Сергеев, с 1925 года бессменный ответственный секретарь журнала «Красный архив». А. А. Сергеев родился в 1886 году в б. Таврической губернии. В годы первой революции он участвовал в ученических революционных организациях. Будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета, А. А. начал свои занятия в архивах, сперва в качестве исследователя, а с 1914 года нештатным сотрудником б. Московского главного архива министерства иностранных дел. Во время гражданской войны А. А. вел политпросветительную работу в Красной армии. При образовании Архива Октябрьской революции, в сентябре 1920 г., А. А. Сергеев, — в то время продолжавший службу в Красной армии, — в качестве опытного архивиста был привлечен по совместительству в этот молодой архив. С этого момента А. А. не прерывал своей работы в советских архивах, последовательно выполняя работу ученого секретаря научно-теоретической коллегии Центрархива, научного сотрудника Ред.-издательского отдела, старшего архивиста Архива революции и внешней политики и, наконец, ответственного секретаря журналов «Красный архив» и «Архивное дело». Активно участвуя в разработке важнейших вопросов архивного строительства, А. А. Сергеев внес много ценного как в теорию, так и в практику советского архивного дела. Наиболее серьезная, к сожалению не завершенная, работа проделана им в области археографии. Его статьи в «Архивном деле» и работы по вопросам, связанным с подготовкой документов к публикации, несмотря на некоторые спорные положения, являются по существу первой попыткой по-марксистски подойти к вопросам методологии и техники публикации исторических документов.

В качестве секретаря журнала «Красный архив» А. А. много положил кропотливого, порой малозаметного труда над выработкой типа первого марксистского журнала, посвященного публикации исторических документов. Большое количество материалов в журнале подготовлено к печати самим А. А. или при его непосредственной помощи. Работы большинства молодых сотрудников журнала прошли через опытные руки А. А. Сергеева. Роль А. А. в журнале выходила далеко за рамки работ ответственного секретаря журнала. Он принимал активное участие и в разработке тематического плана журнала, и в привлечении кадров для подготовки материалов, и в работе по редактированию.

Наряду с огромной работой по журналу А. А. Сергеев систематически занимался научной работой по подготовке к печати сборников документов. Им подготовлены к печати опубликованные Центрархивом обширная «Переписка Николая и Александры Романовых» под редакцией М. Н. Покровского, «Дневник Е. А. Перетца», «Дневник Николая Романова» и ряд других работ. Строгая продуманность и большая тщательность археографической обработки издаваемых документов, любовь к своему делу и хорошее знание его техники — вот что отличает работы А. А. Сергеева.

Ответственный редактор Я. Берзин.

Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), С. Пашуканис, Ф. Ротштейн